…аль-
…ов, кото-
…ским рабочим.
…, мало революцион-
…око революционное по
…о, наблюдалось, как я только
еще до войны, и возобновилось
…ли не на другой день после за-
…ремирия. Все эти массовые эко-
движения углекопов, железнодо-
транспортных рабочих и более
своему размаху, непрекращающиеся
…чные движения рабочих других ка-
…риковывающие к себе обществен-
…ние Англии,—все они имеют одну и
…сновную причину—рост цен—и все
…вают в себе революционную тенден-
…торая неизбежно обнаружится на
…ей, более высокой ступени движения.
…я войны цены не только сделали чу-
…ий скачек, который сразу …

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

ВЫПУСКЪ VIII.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ
М. Д. НАУМОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1891.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Фонъ-Визинъ, какъ сынъ вѣка Екатерины II, такъ былъ проникнутъ просвѣтительными идеями французской философіи, такъ одушевленъ необычайною и многообѣщавшею дѣятельностью императрицы, а, какъ комикъ, такъ мѣтко подмѣтилъ и талантливо выразилъ смѣшную сторону русской дѣйствительности, противоположную идеальнымъ стремленіямъ просвѣщеннаго времени, — что для полнаго освѣщенія его литературной дѣятельности нужно разсматривать ее, съ одной стороны, въ отношеніи къ философскому направленію вѣка, съ другой — къ бытовой русской жизни. Поэтому въ настоящемъ выпускѣ собранныя статьи характеризуютъ литературную дѣятельность Фонъ-Визина и опредѣляютъ ея значеніе, разбирая произведенія комика какъ со стороны содержанія, такъ и формы, какъ съ исторической стороны, такъ и художественной.

В. Покровскій.

Отношеніе литературной дѣятельности Фонъ-Визина къ философскому направленію вѣка Екатерины II.

Въ 1768 году, во время пребыванія своего въ Парижѣ, датскій король Христіанъ VII посѣтилъ Академію Наукъ. Засѣданіе, происходившее 3-го декабря, открыто было рѣчью Д'Аламбера. Обращаясь къ высокому посѣтителю, философъ говорилъ о философіи. Вотъ существенный смыслъ его словъ: „Философія, избѣгая блеска и парада, имѣетъ полное право на уваженіе людей, какъ ихъ просвѣтительница. Простота и скромность запрещаютъ ей цѣнить самое себя: пусть эту услугу окажутъ ей или, вѣрнѣе, цѣлому свѣту властители народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разумъ, несмотря на всѣ препятствія, восторжествуетъ рано или поздно: обязанность царственнаго покровительства — ускорить моментъ торжества. Величайшее счастье народа состоитъ въ томъ, чтобы тѣ, которые имъ управляютъ, пребывали въ согласіи съ тѣми, которые его просвѣщаютъ". Присутствовавшій въ академическомъ собраніи инфантъ Фердинандъ, герцогъ пармскій, ученикъ Кондильяка, такъ восхитился рѣчью Д'Аламбера, что написалъ къ нему слѣдующее письмо: „Истины, выраженныя вами, должны служить правилами для царей: я запечатлѣлъ ихъ въ душѣ моей. Рѣчь ваша тѣмъ болѣе доставила мнѣ удовольствія, что я нахожу въ ней чувства человѣколюбія, съ дѣтства мнѣ внушенныя. Знаю, какъ сильно просвѣщеніе содѣйствуетъ благу народовъ, направляя поведеніе государя. Знаю также, что уваженіе людей, просвѣщающихъ народъ, способно облегчить всѣ правительственныя заботы".

Черезъ два года послѣ того Парижская Академія Наукъ принимала у себя другого посѣтителя — шведскаго короля Густава III. Его привѣтствовалъ тоже Д'Аламберъ, въ частномъ академическомъ собраніи, 6-го марта 1771 г. Предметомъ рѣчи снова служила философія. Коснувшись того мнѣнія, что наука

и литература не пользуются надлежащимъ одобреніемъ, онъ прибавилъ, что не вполнѣ раздѣляетъ его: ибо современный вѣкъ свидѣтельствуетъ противное. Впрочемъ, говорилъ онъ, если бъ и дѣйствительно такъ было, нѣтъ причины огорчаться этимъ. Удѣлъ властителя — управлять людьми посредствомъ законовъ; удѣлъ философа — дѣйствовать на нихъ просвѣщеніемъ. Здѣсь разумѣется философія столько же свободная, сколько и скромная, мужественная и мудрая, твердая и приличная, которая, открывая людямъ полезныя истины, испытываетъ многія бѣдствія, примѣры чего видимъ въ Сократѣ, Беконѣ, Галилеѣ и другихъ. Философъ долженъ помнить, что если интересъ истины заключается въ томъ, чтобы озарять людей свѣтомъ, то интересъ враговъ истины въ томъ, чтобы препятствовать свѣту; что невѣжество любитъ тьму для вѣрнѣйшаго нанесенія ударовъ, тогда какъ разумъ, гордый собственной силой, ищетъ опоры въ самомъ себѣ, пренебрегая внѣшнею поддержкою. Разумъ, непризнанный и гонимый, долженъ знать, что гоненіе есть своего рода почетъ, ему воздаваемый, тайное признаніе его могущества, свидѣтельство боязни, которую испытываютъ злые при видѣ добра, творимаго людямъ. Затѣмъ, имѣя въ виду отношеніе высшей власти къ философіи въ своемъ отечествѣ, Д'Аламберъ продолжаетъ: „но кромѣ внутренняго утѣшенія, существуетъ для насъ и другое — справедливость, воздаваемая философіи чужеземными народами, чуждыми личныхъ или малодушныхъ расчетовъ, предубѣжденій, ненависти. Свѣтъ умственный походитъ на свѣтъ физическій: видимый вблизи, онъ ослѣпляетъ и поражаетъ; чтобы не безпокоилъ онъ органа зрѣнія, нужно удалиться отъ него на извѣстное разстояніе“.

Когда тотъ же шведскій король, подъ именемъ графа Готландскаго, въ 1777 году прибылъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ императрицею Екатериною по случаю приготовляемыхъ ею морскихъ вооруженій, онъ, осматривая воспитательныя заведенія, посѣтилъ и обѣ Академіи — художествъ и наукъ. Торжественное засѣданіе послѣдней по этому поводу происходило 23-го іюня. Директоръ Академіи, Домашневъ, произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, „коей содержаніе (какъ сказано въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ) есть *доказательство философическаго титла, каковымъ вѣкъ нашъ славится*“. „Эпоха наша — такъ началъ онъ рѣчь свою — почтена прекраснымъ

названіемъ философской не потому, чтобы многіе имѣли право на имя философа, или чтобъ увеличилось количество познаній, а потому, что *философическій духъ* сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ: онъ освѣтилъ правосудіе человѣколюбіемъ, обычаи чувствомъ; онъ легъ въ основаніе двухъ важнѣйшихъ предметовъ — законодательства и нравственности". Разумъ явился важнѣйшимъ руководителемъ дѣйствій. Такъ какъ онъ требуетъ просвѣщенія, то исходомъ и концомъ всѣхъ государственныхъ предпріятій служило просвѣщеніе народа. Когда въ Стокгольмѣ воздвигнутъ былъ Декарту памятникъ, котораго онъ долго и напрасно ожидалъ отъ Франціи, Парижская Академія Наукъ благодарила Густава III за почесть, оказанную знаменитому философу. Въ отвѣтѣ своемъ (26-го іюня 1768 года) Густавъ, между прочимъ, написалъ: „Le plus sûr moyen de rendre les hommes meilleurs et plus heureux est de les éclairer, et le premier devoir des princes est d'honorer les lettres et ceux qui les cultivent". Домашневъ, какъ бы воспоминая эти слова, обращаетъ ихъ въ совѣтъ правительству: „владыки народовъ, разливайте свѣтъ наукъ! отъ общенія съ ними всѣ выигрываютъ — и дающій, и принимающій. Проигрываютъ только фанатизмъ и заблужденіе". „Просвѣщеніе, въ духѣ философскаго времени, направляетъ умъ къ истинѣ и чувство къ чести, внушаетъ любовь къ добродѣтели и уваженіе къ законамъ. Оно необходимо приводитъ къ общему благоденствію, которое не можетъ существовать безъ истины, правосудія и человѣколюбія". Такъ же разсуждалъ Домашневъ въ другой своей рѣчи, 1776 года, декабря 29-го, по случаю пятидесятилѣтняго юбилею Академіи Наукъ — „Объ обязанности, которую имѣютъ ученыя общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственныя, коихъ важность указана новѣйшимъ періодомъ исторіи".

Замѣчательно, что мысли, высказанныя директоромъ Академіи Наукъ, обращались не въ одной средѣ высшей ученой корпораціи: онѣ были повсюдными и, такъ сказать, обиходными; ихъ слушали и академики, и воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Клеркъ, или впослѣдствіи Леклеркъ, извѣстный авторъ Русской исторіи, при началѣ своего курса физики, натуральной исторіи и химіи произнесъ, на французскомъ языкѣ, рѣчь кадетамъ, переведенную Сулимой, 1773 года, подъ названіемъ: „Философическія разсужденія о воспитаніи,

каково должно быть для произведенія желаемыхъ плодовъ". Въ этой рѣчи современная эпоха также называется „философическою"; также говорится, что „единое только владычество здраваго разсудка есть всѣхъ сильнѣе, славнѣе и неподверживое перемѣнамъ человѣческимъ".

Въ философскомъ вѣкѣ, разумѣется, философія и ея служители пользовались особеннымъ уваженіемъ людей одномыслящихъ, между которыми находились многія владѣтельныя особы и ихъ министры. „Если прежде", говоритъ Домашневъ передъ лицомъ шведскаго короля, „цари призывали къ себѣ философовъ, то въ наше время цари считаютъ честью принадлежать къ философамъ". И дѣйствительно, явились „монархи-философы", которые не только усвоили философскія начала, но и старались осуществить ихъ въ законахъ и учрежденіяхъ. По поводу сочиненія ландграфа гессенскаго: „Catéchisme des souverains", преподающаго уроки истины, правосудія и человѣколюбія, Вольтеръ въ письмѣ къ нему, 18-го мая 1776 года, замѣчаетъ, что современная эпоха останется навсегда знаменитою ради успѣха нравственныхъ знаній, которыя произнесены людямъ съ высоты троновъ, и которыми вдохновлялось правительство. Фридрихъ Великій, этотъ „вѣнчанный философъ", называлъ себя ученикомъ Вольтера, приписывая ему и личное вліяніе на самого себя, и общее вліяніе на Европу. „Смотрите на мои дѣйствія, какъ на плодъ вашихъ уроковъ", писалъ онъ ему въ 1776—77 г.; „вы болѣе другихъ современниковъ способствовали къ освященію Европы свѣточемъ философіи". Переписка между ними началась еще съ 1736 г., когда Фридрихъ Великій былъ наслѣднымъ принцемъ. Императрица Екатерина II, въ одномъ письмѣ къ доктору Циммерману, говоритъ, что въ 1740 году головы, даже менѣе всего фолософскія, хотѣли быть философами. Она сама начала знакомиться съ сочиненіями Вольтера, имѣя только семнадцать лѣтъ отъ роду. Княгиня Дашкова въ Запискахъ своихъ показываетъ, что любимыми ея авторами были: Бель, Монтескье, Буало и Вольтеръ, и что она два раза читала книгу Гельвеція: О разумѣ. Изъ другихъ лицъ, извѣстныхъ приверженностью къ философіи и сношеніями съ писателями XVIII вѣка, назовемъ Густава III, учредившаго, въ день коронованія своего, въ награду и отличіе талантовъ, орденъ Вазы и постановившаго однимъ пунктомъ орденскаго статута, что наслѣдный принцъ не можетъ быть коронованъ

прежде полученія имъ этого ордена; Христіана VII, короля датскаго, и министра его Струэнзе; Станислава Лещинскаго, получившаго наименованіе „благотворительный", о которомъ Вольтеръ писалъ Екатеринѣ: il est philosophe, il est tolérant par principe: Понятовскаго, короля польскаго; принца прусскаго Генриха, брата Фридриха Великаго; Фридриха, ландграфа гессенъ-кассельскаго; палатина Карла-Теодора. — Между тѣмъ какъ Людовикъ XV не любилъ ни философіи, ни философовъ, и какъ то и другое преслѣдовались его правительствомъ, сѣверныя державы открывали имъ свободный къ себѣ доступъ, интересовались ихъ ученьемъ, чтили ихъ перепиской, подарками и самыми лестными предложеніями. Этимъ объясняется знаменитый стихъ: C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière. Д'Аламберъ, увѣдомляя Вольтера объ отказѣ своемъ быть воспитателемъ наслѣдника престола, Павла Петровича, прибавляетъ: „Il faut que toute l'Europe sache que la verité, persecutée par les bourgeois de Paris, trouve un asile chez les souverains qui auraient dû l'y venir chercher: et que la lumiére chassée par le vent du midi, est prête de se réfugier dans le Nord de l'Europe, pour venir ensuite refluer de là contre ses persecuteurs, soit en les éclairont, soit en les écrasant. Сюда же относятся слѣдующія два мѣста изъ писемъ Вольтера къ Д'Аламберу, 12-го февраля 1763 и 16-го іюля 1764: „Ne remarquez vous pas les grands exemples et les grands leçons nous viennent du Nord?... Les souverains de la zone glaciale donneront un grand exemple aux princes des zones tempérées, et Fontenelle eût dit à Cathérine qu'elle est déstinée à être l'*aurore boréale de l'Europe*. Впрочемъ, и южныя страны, несмотря на свое коснѣніе, не остались чужды сильному движенію мысли, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ своихъ сферахъ — правительственной и ученой. Въ Испаніи Кампоманесъ, министръ Карла IV, въ Португаліи Помбаль, въ Неаполѣ маркизъ Тапуччи, потомъ Петръ Леопольдъ Тосканскій, корсиканскій генералъ Паоли, приглашавшій Ж. Ж. Руссо для совѣта въ своихъ преобразованіяхъ, публицисты: Беккарія и Филанджіери, и многіе другіе раздѣляли съ монархами и правителями сѣвера убѣжденіе, что философія, возбуждая и питая любовь къ человѣчеству, должна предписывать обязанности властителямъ и руководить народы на ихъ пути къ благоденствію.

Это философское направленіе эпохи должно постоянно оста-

ваться на виду у исторіи русской словесности Екатеринина вѣка, желающей опредѣлить дѣятельность того или другого литератора. Всѣ тогдашніе писатели болѣе или менѣе заплатили дань духу времени. Не столько прямо, то-есть вѣрнымъ изображеніемъ фактовъ общественной жизни, сколько непрямо, то-есть представленіемъ духовнаго настроенія образованнаго класса общества раскрываютъ они свои понятія и убѣжденія. Сама императрица подаетъ блистательный тому примѣръ „Наказомъ", законодательнымъ памятникомъ, смотрящимъ на разныя отношенія и условія гражданскаго быта подъ современнымъ угломъ зрѣнія. Около него группируются или, лучше сказать, къ нему примыкаютъ литературныя произведенія, связанныя и между собою, и съ „Наказомъ" единствомъ основныхъ воззрѣній. По отношенію къ принципамъ не было разъединенія между авторами, при всей разностепенности ихъ талантовъ и при всей разнохарактерности литературныхъ формъ. Но что еще важнѣе и благотворнѣе — не было разномыслія между средой литературной и средой правительственной. Наоборотъ, первая дружно дѣйствовала съ послѣднею и патріотически содѣйствовала ей. Литераторъ имѣлъ счастіе гордиться даннымъ ему правомъ быть посредникомъ между великодушными намѣреніями высшей власти и его согражданами, о благоденствіи которыхъ власть заботилась. Съ одной стороны онъ разъяснялъ публикѣ сущность устроительныхъ плановъ, съ другой — отдавалъ на публичный судъ свои просвѣщенныя мнѣнія, которыми могли пользоваться и создатели плановъ, по крайней мѣрѣ, благодарно и одобрительно принимая ихъ къ свѣдѣнію. Фонъ-Визинъ ясно понималъ такое высокоблагородное назначеніе литературы, произнося, отъ имени Стародума, слѣдующія слова: „Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ-сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованной намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованьемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда и спасителемъ сограждань своихъ и отечества".

Въ этомъ смыслѣ понимаемое дѣло литератора есть вмѣстѣ и гражданскій подвигъ; сочиненіе становится патріотической

заслугой. И действительно, справедливость требуетъ признать подобную заслугу за нашей литературой. Начиная съ Петра, она бодро и неуклонно слѣдовала за правительствомъ, которое шло впереди народа съ просвѣтительнымъ началомъ, какъ вожатый умственнаго движенія, гражданскаго успѣха. Она, говоря словами Стародума, возвышала громкій голосъ противъ злоупотребленій и предразсудковъ, въ пользу блага и разума; она была патріотическою, честною гласностью. А если нельзя ей было такъ дѣйствовать, она не дѣйствовала никакъ: она обрекла себя молчанію. И это честное молчаніе исторія запишетъ на своихъ страницахъ на ряду съ тѣмъ нечестнымъ говоромъ, въ которомъ, какъ бы по особенной благости судьбы, отсутствіе нравственнаго достоинства всегда соединялось съ крайнимъ недостаткомъ литературнаго таланта.

Сочиненія Фонъ-Визина служатъ яснымъ свидѣтельствомъ той высоты, на которую можетъ вознестись литература при вышеуказанномъ внутреннемъ согласіи двухъ сферъ, при отсутствіи вреднаго между ними разрыва, не открытаго (чего и быть не можетъ), но затаеннаго, которое возможно. Отношеніе его произведеній къ характеру эпохи, къ современному обществу обнаруживается именно въ томъ, что̀ общество представляло основного и существеннаго. Они имѣютъ предметомъ не внѣшнее его состояніе, а внутренній его смыслъ. Они разсуждаютъ не о матеріальномъ могуществѣ Россіи, не о политическомъ ея значеніи, не о славѣ побѣдъ и завоеваній, не о блескѣ и пышности торжественныхъ празднествъ. а объ задачахъ и успѣхахъ внутренняго устройства, о дѣлахъ гражданственности. И въ этомъ кругу гражданскихъ интересовъ они обращаютъ вниманіе не на фактическую только сторону, но на смыслъ и основаніе фактовъ. Они касаются коренныхъ идей, управляющихъ текущею дѣйствительностью. Характеръ литературной дѣятельности Фонъ-Визина можетъ обозначиться такою формулою: „просвѣщенное соотвѣтствіе умственному движенію эпохи, разумносознательное выраженіе основныхъ началъ современнаго ему гражданскаго устройства Россіи".

Если, по словамъ Густава III, вѣрнѣйшее средство нравственно возвысить людей и сдѣлать ихъ счастливыми заключается въ просвѣщеніи, то само собою разумѣется, что главное вниманіе правительства долженствовало обратиться на воспитаніе, какъ на самое дѣйствительное средство не только

образованія, но и преобразованія народнаго. Императрица Екатерина въ этомъ пунктѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, слѣдуетъ разсужденіямъ Монтескье и Беккаріи. Въ „Духѣ законовъ“ (книга IV, глава 1) сказано: les lois de l'éducation sont les premiers que nous recevons: elles nous préparent à être citoyens. Беккарія, въ сочиненіи своемъ: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, говоритъ, что воспитаніе есть вѣрнѣйшее, хотя въ то же время и труднѣйшее средство отвратить людей отъ преступленій (глава 41-я: средства предупреждать преступленія). Наказъ заимствуетъ то и другое: „правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами (№ 347); самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія“ (№ 248). Существенная идея современной философіи, по которой требовалось многосложныя и традиціонныя постановленія, управлявшія обществомъ, замѣнить простыми, здравыми правилами, извлеченными изъ природы и разума, легла въ основаніе и новой педагогической системы. Отсюда необходимыя качества послѣдней — естественность и раціональность. Авторитетами въ ея области были Локкъ и Руссо. Воспитаніе, устроенное по ихъ руководству, служило радикальной отмѣной прежняго, дотолѣ существовавшаго, перевоспитаніемъ. Оно долженствовало произвести полную реформу общества, создать „новую породу людей“, по выраженію Бецкаго въ докладѣ Екатерины II о воспитаніи юношества обоего пола (1764 г.).

Замѣчательно, что эта мысль о созданіи новой породы людей силою воспитанія обращалась въ кругу тѣхъ французскихъ писателей половины XVIII вѣка, которые преимущественно разсуждали о вопросахъ административныхъ и которые по общности многихъ началъ своего ученія получили названіе физіократовъ. Выписки изъ ихъ сочиненій, касательно этого предмета, приведены Токвилемъ въ L'ancien régime et la révolution. Такъ, напримѣръ, единственное обезпеченіе отъ злоупотребленій власти Кене видитъ въ общественномъ воспитаніи, ибо деспотизмъ невозможенъ, если нація просвѣщена. Одинъ изъ учениковъ его говоритъ: „Пораженные бѣдствіями, которыя влечетъ за собою злоупотребленіе власти, люди выдумали множество способовъ совершенно безполезныхъ и выпустили изъ виду единственно дѣйствительное средство —

„l'enseignement public général, continuel, de la justice par essence et de l'ordre naturel.“ Государство, по мнѣнію физіократовъ, обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстный видъ, не только преобразовать людей, но и вполнѣ измѣнить ихъ. Оно, по словамъ Бодо, можетъ дѣлать изъ гражданъ все, что ему угодно.

Взглядъ физіокротовъ на воспитаніе подробнѣе раскрытъ Тюрго въ одной запискѣ, поданной имъ Людовику XVI, 1775 года. Пораженный печальнымъ состояніемъ современной французской жизни, Тюрго видитъ корень зла въ отсутствіи плотнаго государственнаго состава. Общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, дурно между собою связанныхъ. Каждый занятъ только собственнымъ интересомъ, никто не исполняетъ своихъ обязанностей, не знаетъ своихъ отношеній къ другимъ. Чтобъ уничтожить духъ разъединенія, замѣнивъ его духомъ порядка и единства, необходимо направить силы и средства націи къ общему благу, сплотить всѣ части государства по опредѣленному плану, такъ чтобы отдѣльные граждане были крѣпко привязаны къ семейству, семейства къ деревнѣ или городу, города и деревни къ округамъ, округи къ провинціямъ, наконецъ провинціи къ государству. Наилучшемъ для этого средствомъ служитъ новая система воспитанія. Тюрго предлагаетъ учредить „совѣтъ народнаго образованія“, который дѣйствовалъ бы въ одномъ духѣ и по однообразнымъ началамъ, и въ вѣдомствѣ котораго находились бы всѣ ученыя и учебныя заведенія, отъ академій до первоначальныхъ школъ. Въ томъ же духѣ слѣдуетъ составлять учебныя руководства, такъ чтобы изученіе обязанностей гражданина, какъ члена семейства и вмѣстѣ члена государства, служило основаніемъ всѣхъ прочихъ знаній. „Смѣю отвѣчать вашему величеству, — говоритъ Тюрго въ заключеніе своего воспитательнаго плана, — что черезъ десять лѣтъ не узнають вашей націи, и что образованіемъ, добрыми нравами, просвѣщенною ревностью къ службѣ отечеству она превзойдетъ всѣ другіе народы. Десятилѣтнія дѣти, достигнувъ юношескаго возраста, будутъ надлежащимъ образомъ приготовлены для государства; они будутъ любить свою отчизну, покоряться власти не изъ страха, а по разуму, помогать согражданамъ, признавать и уважать справедливость — первую основу обществъ“.

Въ этомъ механизмѣ воспитанія, устроеннаго по извѣстнымъ

началамъ, обращается особенное вниманіе на два коренные недостатка дотолѣ существовавшей педагогической системы: во-первыхъ, на развитіе спеціальнаго образованія въ ущербъ основному гражданскому ученію; во-вторыхъ, на отсутствіе нравственнаго элемента. Это ясно изъ мемуара Тюрго. Онъ жалуется на слабость этой науки, которая показываетъ общественныя обязанности человѣка. „У насъ есть, говоритъ онъ, методы и учрежденія для образованія геометровъ, физиковъ, живописцевъ, и нѣтъ ничего подобнаго для образованія гражданъ. Всѣ усилія наши стремятся къ приготовленію ученыхъ людей съ умомъ и вкусомъ. Не достигшіе этой цѣли, оставляются безъ вниманія и становятся ничѣмъ. Новая система воспитанія должна образовать на всѣхъ ступеняхъ общества людей добродѣтельныхъ и полезныхъ, души правдивыя, сердца чистыя, ревностныхъ гражданъ“. Но еще прежде Тюрго, мыслящіе люди во Франціи поставляли на видъ недостатокъ общаго и нравственнаго элемента въ образованіи, или иначе: недостатокъ воспитанія при многостороннемъ ученіи. Противъ него вооружается Дюкло, въ „Considérations sur les moeurs de ce siècle“: „On trouve pormi nous beaucoup d'instruction et peu d'éducation. On y forme des savans, des artistes de toutes espèce; chaque partie des lettres, des sciences et des orts y est cultivée avec succès, par des méthodes plus ou moins convenables. Mais on ne s'est par encore avisé de former des hommes, c'est-à-dire, de les élever respectivement les uns pour les autres, de faire porter sur une base d'éducation générale toutes les instructions particulières, de facon qu'ils fussent accoutumés à chercher leurs avantages personnels dans le plan du bien général, et que dans quelque profession que ce fût, ils commencassent par êtres patriotes“. Фонъ-Визинъ перефразируетъ отзывъ Дюкло, въ своихъ „Письмахъ изъ Франціи“, слѣдующимъ образомъ: „Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагають, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ“ (1778 г.). Такой перифразъ или вольный переводъ имѣлъ бы значеніе простого заимствованія, весьма естественнаго и нерѣдкаго въ литературѣ подражательной, если бъ онъ не прилагался и

къ нашей системѣ прежняго воспитанія и не указывалъ тѣхъ ея недостатковъ, которые долженствовали исчезнуть при новой системѣ, раскрытой частью въ Наказѣ (въ статьѣ о воспитаніи), и полнѣе въ докладахъ Бецкаго и въ педагогическихъ сочиненіяхъ самой императрицы. Какъ видно изъ „Доклада о воспитаніи юношества обоего пола", существенные недостатки состояли въ спеціальности ученія и въ опущеніи нравственной стихіи. Подобно физіократамъ, Бецкій вѣруетъ въ могущество воспитанія, посредствомъ котораго совершается „новое нарожденіе народа". Эта мысль встрѣчается и въ „Разсужденіяхъ, служащихъ къ новому уставу кадетскаго корпуса" (напеч. 1766 г.), гдѣ сказано: „новымъ воспитаніемъ новое бытіе даровать и новый родъ подданныхъ произвесть", и въ концѣ доклада, при представленіи генеральнаго плана московскаго воспитательнаго дома: „дѣло состоитъ въ произведеніи людей".

Къ этой педагогической системѣ, съ которою слѣдовало сообразоваться и въ семейномъ, и въ общественномъ воспитаніи, и по которой учреждены были у насъ закрытыя воспитательныя заведенія, относятся главнѣйшія сочиненія Фонъ-Визина. Достоинство его литературной дѣятельности есть достоинство разумно сознательнаго ея отношенія къ современному воспитанію. Ея историческое значеніе опредѣляется выраженіемъ новыхъ педагогическихъ началъ, противопоставляемыхъ началамъ прежнимъ. Блистательные ея памятники — „Бригадиръ" и „Недоросль".

Фонъ-Визину, какъ и всякому литератору, предстояло здѣсь два способа дѣйствія: положительный и отрицательный. Онъ выбралъ послѣдній, по свойству своего таланта, но не ограничился имъ однимъ: рядомъ съ обличеніемъ ложныхъ и вредныхъ жизненныхъ явленій идетъ у него разъясненіе истинныхъ и полезныхъ основаній жизни. Названіе комедіи: „Бригадиръ" не отвѣчаетъ ея содержанію, ибо главное лицо въ ней вовсе не Бригадиръ. Равнымъ образомъ не указывается ея содержаніе и заключительными словами пьесы: „Говорятъ, что съ совѣстью жить худо, а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже". Сентенція эта, конечно, справедливая, относится къ нѣкоторымъ только лицамъ и наиболѣе къ самому совѣтнику; но какимъ образомъ можетъ она касаться Добролюбова, Софьи и Бригадирши? За объясненіемъ идеи комедіи слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ лицамъ,

пустымъ и безцвѣтнымъ въ поэтическомъ значеніи, которыя справедливо называются резонерами, по своему малому дѣйствію или и совершенному бездѣйствію. Они участвуютъ въ пьесѣ только разсужденіями, словами. Имъ авторъ передаетъ свое право толковать смыслъ сочиненія. Въ „Бригадирѣ“ эта обязанность возложена на Добролюбова. Онъ, вмѣстѣ съ Софьей, образуетъ второй рядъ дѣйствующихъ лицъ, противоположный первому, болѣе многочисленному — Бригадиру съ женой и сыномъ, Совѣтнику и Совѣтницѣ. Фонъ-Визинъ подражалъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, французскимъ драматическимъ образцамъ. У Корнеля, напримѣръ, трагическіе герои и героини расположены въ симметрической противоположности, подобно шашкамъ на шахматной доскѣ; такъ и Фонъ-Визинъ разстававливаетъ своихъ героевъ: на одной сторонѣ все хорошее, на другой все дурное. Добролюбовъ — портретъ, написанный въ противоположность портрету Иванушки. По его фамиліи видно, что онъ любитъ добро; а внушеніе этой любви, „благонравіе“, образуетъ, по понятію Екатерины II, Бецкаго, Фонъ-Визина и другихъ просвѣщенныхъ людей того времени, главную цѣль новаго воспитанія: „здоровое тѣло и умонаклоненіе къ добру (говоритъ инструкція князю Салтыкову о воспитаніи великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича) — составляетъ все воспитаніе“. Когда Иванушка, поссорясь съ отцомъ, обращается къ Добролюбову съ такими словами: „Вы, конечно, сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ“, Добролюбовъ отвѣчаетъ: „а еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье; правда и то, что *всему причиной воспитаніе*“. Это дурное воспитаніе, какъ причина безчестья, представлено въ лицѣ бригадирова сына: избалованный сначала дурой-матерью, онъ потомъ былъ отданъ въ пансіонъ, содержимый какимъ-то французскимъ кучеромъ, и завершилъ свой курсъ образованія въ Парижѣ. „Онъ сдѣлался повѣсою, говоритъ отецъ его, — и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще хуже“. Иванушка гордится тѣмъ, что по духу онъ принадлежитъ коронѣ французской, хотя тѣло его родилось въ Россіи. Влюбленный въ Совѣтницу, онъ находитъ въ ней единственный, но зато великій недостатокъ: „все несчастье мое состоитъ въ томъ, что ты русская“.

Совѣтница, относительно понятія о томъ, какова должна быть женщина „новой породы людей", то же, что Иванушка по отношенію къ идеалу добродѣтельнаго, благонравнаго мужчины: съ претензіями на свѣтскость, поклонница модъ, кокетка, зараженная пристрастіемъ ко всему французскому и весьма легко смотрящая на супружескія обязанности. Эта — внѣшность европейской жизни, легко усвоенная русской женщиной, безъ всякаго понятія о томъ, въ чемъ заключается истинный европеизмъ, и безъ всякаго знакомства съ своимъ отечествомъ. Совсѣмъ другое дѣло — Софья, столько же благоразумная и нравственная, сколько Совѣтница неразумна и безнравственна. Софья не выходитъ изъ повиновенія родителямъ, хотя и видитъ ихъ несправедливые съ собой поступки, не измѣняетъ слову, которое дала жениху своему, хотя и не предвидитъ благопріятнаго оборота въ своей судьбѣ.

Но, „отверзая новыя врата просвѣщенію, монархиня въ то же время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству": такъ говоритъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ „Сочинителю „Былей и небылицъ", то-есть, къ этой самой монархинѣ. Однимъ изъ первыхъ ея распоряженій, по вступленіи на престолъ, были мѣры противъ взяточниковъ. Въ именномъ указѣ 1762 г. іюля 18 значится: „съ истиннымъ огорченіемъ отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидали, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста — платить, защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами, клевещетъ ли кто на кого — всѣ происки свои хитрые деньгами подкрѣпляютъ. Многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судьи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздоиміимствомъ богомерзскимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ". За указаніемъ сильно распространеннаго зла послѣдовали вскорѣ нѣкоторыя мѣры къ его прекращенію.

манифестомъ 15 декабря 1763 г. предписано „наполнить судебныя мѣста достойными и честными людьми, положивъ имъ довольное жалованье“.

„Бригадиръ“ представляетъ, касательно этого предмета, также просвѣщенное отношеніе къ современнымъ нравамъ и современнымъ понятіямъ объ улучшеніи нравовъ. Въ лицѣ Совѣтника, выведенъ старинный подьячій, который бралъ съ виноватаго и праваго: съ виноватаго за вину, съ праваго за невинность. Послѣ вышеозначеннаго указа о лихоимствѣ онъ вышелъ въ отставку и удалился въ деревню, неправедно имъ нажитую. Чтобы выразить нѣсколько мыслей о поднятомъ тогда вопросѣ, Добролюбову навязанъ какой-то процессъ. Въ разговорѣ съ Совѣтникомъ, онъ показываетъ, что прошло то время, когда „всякій и съ правымъ, и съ неправымъ дѣломъ шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьей, получить благопріятное рѣшеніе“, что „если корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло предѣлы, то всякій, не находившій своего права въ учрежденныхъ мѣстахъ, могъ обратиться прямо къ высшему правосудію“. Но страхъ наказанія за лихоимство породилъ другую бѣду, указываемую Добролюбовымъ — судейскія проволочки: „большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ“. Есть также указаніе на безграмотность подьячихъ, какъ на одну изъ многихъ причинъ дурного состоянія правосудія, обратившагося въ кривосудіе: „сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть! У меня, напримѣръ, есть одинъ, который что̀ когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою вовѣки того разумѣть не можетъ“.

Такимъ образомъ идея комедіи какъ бы двоится: съ одной стороны (и это главное) изображаются вредныя и смѣшныя послѣдствія ложнаго образованія, подъ управленіемъ иностранцевъ, состоящаго въ усвоеніи внѣшнихъ, пустыхъ отличій французской жизни; съ другой — представляются лихоимство и ябедничество, которымъ правительство полагало преграды. Не въ „Бригадирѣ“ только Фонъ-Визинъ обличалъ эти важные общественные недостатки. Французское воспитаніе русскихъ юношей выведено въ другой комедіи: „Выборъ гувернера“ и въ „Разговорѣ у княгини Халдиной.“ Лихоимство осмѣяно въ „Перепискѣ между Взяткинымъ и его превосходительствомъ“.

Не довольствуясь однимъ сатирическимъ орудіемъ, Фонъ-Визинъ предлагалъ и положительныя средства къ истребленію зла: просвѣщеніе вообще, учрежденіе въ университетахъ каѳедры политическихъ наукъ, гласность, состоящую въ печатаніи тяжбъ и рѣшеній, увеличеніе жалованья (см. „Разговоръ у княгини Халдиной", „Письмо къ сочинителю „Былей и небылицъ").

Можетъ быть нѣкоторые читатели найдутъ ошибочнымъ наше сближеніе комедіи Фонъ-Визина съ докладами Бецкаго и Наказомъ, такъ какъ она предшествовала послѣднимъ въ своемъ появленіи. На это мы отвѣтимъ, что, поставляя литературныя произведенія въ зависимость отъ законодательныхъ памятниковъ и административныхъ распоряженій, мы вовсе не разумѣемъ подъ нею точнаго совпаденія временъ, въ которыя тѣ и другія узрѣли свѣтъ. Для насъ важно тождество идей, интересовавшихъ образованное общество. Одинъ выразилъ ихъ прежде, другой послѣ, не потому, чтобы тотъ прежде, а этотъ послѣ съ ними познакомился, но по другимъ обстоятельствамъ. Докладъ Бецкаго о воспитаніи напечатанъ за три года до Наказа; однакожъ, право первенства въ составленіи новыхъ педагогическихъ началъ остается за Екатериною. Странно также думать, что Наказъ, напечатанный впервые 1767 г., былъ въ этомъ именно году начатъ и конченъ. Екатерина занималась имъ съ самаго восшествія на престолъ; содержаніе же его, равно какъ и источники, откуда почерпалось содержаніе, были ей извѣстны еще задолго до редакціи.

Мы замѣтили, что послѣднія слова, которыми Совѣтникъ заключаетъ комедію „Бригадиръ", не указываютъ существеннаго ея содержанія. Въ „Недорослѣ", напротивъ, такія же слова прямо идутъ къ дѣлу. При видѣ отчаяннаго положенія Простаковой, восклицающей: „Погибла я совсѣмъ! отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! нѣтъ у меня сына!" Стародумъ говоритъ: „Вотъ *злонравія* достойные плоды!" Именно такъ, а не иначе, потому что цѣль пьесы, по выраженію кн. Вяземскаго, представить дурное воспитаніе, невѣжество и злоупотребленіе домашней власти. Но послѣдніе два предмета коренятся на первомъ. Причина ихъ — дурное воспитаніе или отсутствіе воспитанія: отсюда необходимо проистекаетъ злонравіе, тогда какъ хорошее воспитаніе есть источникъ благонравія. Таково существенное начало педагогическихъ понятій,

изложенныхъ въ Наказѣ, докладахъ Бецкаго и инструкціи кн. Салтыкову. Мы уже знаемъ, что Наказъ (вслѣдъ за Беккаріей) въ воспитаніи полагаетъ надежнѣйшее средство сдѣлать людей лучшими; правила воспитанія (согласно съ Монтескье) называетъ онъ первыми основаніями, приготовляющими граждан; главною цѣлью воспитанія и главнымъ достоинствомъ человѣка ставитъ (принимая мнѣніе Локка) добродѣтель, благонравіе. Немногія наставленія его, сюда относящіяся, имѣютъ въ виду одни нравственныя качества, при которыхъ человѣкъ становится полезнымъ членомъ и украшеніемъ общества, и нисколько не упоминаютъ объ ученіи собственно. Инструкція предписываетъ воспитателю обращать преимущественно вниманіе на нравственный элементъ воспитанниковъ — на умонаклоне къ добру, образующее, вмѣстѣ съ здоровымъ тѣломъ, истиннаго, совершеннаго человѣка. „Кто стремится къ доброму и лучшему, тотъ счастливъ". — „*Главное достоинство* наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости. невмѣстнаго страха", и т. д. Бецкій, во всѣхъ докладахъ своихъ по воспитанію, ставитъ на первомъ планѣ хорошее поведеніе, благонравіе: затѣмъ уже слѣдуютъ успѣхи въ наукахъ. образованный разумъ. Въ уставѣ Академіи Художествъ предписано: „паче всего разсматривать похвальное поведеніе и благонравіе учениковъ". Разсужденія, служащія руководствомъ къ новому уставу сухопутнаго кадетскаго корпуса, объявляютъ, что главное намѣреніе при заведеніи училищъ — „не науки только и художества умножать въ народѣ, но вкоренять въ сердцѣ добронравіе". Точно также разсуждаетъ Стародумъ, и не разсуждаетъ только. но и указываетъ на дѣйствія правительства въ пользу осуществленія благонамѣренныхъ видовъ: „Несчастіямъ людскимъ причиною собственное ихъ развращеніе; но *способы сдѣлать людей добрыми въ рукахъ государя.* Какъ скоро всѣ увидятъ, что *безъ благонравія* никто не можетъ выйти въ люди, тогда всякій найдетъ выгоду быть благонравнымъ и всякъ хорошъ будетъ... Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатка, прилагается *нынѣ* особливое стараніе о воспитаніи.

Оно должно быть залогомъ благосостоянія государства... Я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась *главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе* (Дѣйствіе V, явленіе 1.)

Такъ какъ въ противоположность *злонравной* Простаковой выведена Софья, то, разумѣется, послѣдняя отличается *благонравіемъ.* Въ разговорѣ съ нею (дѣйствіе IV, явленіе 2) Стародумъ особенно напираетъ на это качество: „прямую цѣну ему даетъ *благонравіе;*“ какого воспитанія ожидать отъ матери, потерявшей добродѣтель? какъ ей учить ихъ *благонравію,* котораго въ ней нѣтъ“? При нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются; дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о *благонравіи* вопросу нѣтъ; никому и въ голову не входитъ, что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничего замѣнить не можетъ“. Понятно, что необразованная Простакова, подобно Ханжахиной (въ комедіи императрицы Екатерины: „О время!“), должна была враждебно смотрѣть на новое образованіе женскаго пола: „Вотъ до чего дожили! къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ знаютъ!“ Противоположность Митрофану — Милонъ, не только воспитанный, но и благовоспитанный молодой человѣкъ. Въ „Недорослѣ“, какъ и въ „Бригадирѣ“, лица разставлены въ шахматномъ порядкѣ: на одной сторонѣ идеалы, на другой противоположности идеаламъ.

Домашнюю тиранію Простаковой останавливаетъ правительство, въ лицѣ Правдина, который, не имѣя внутренняго, необходимаго отношенія къ сюжету, важенъ, какъ органъ „человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти“. Ему предписано замѣчать „тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно“. Онъ беретъ въ опеку домъ и деревни Простаковой, предостерегаетъ и Скотинина, приказывая ему повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чтобы они людей своихъ побольше любили, или, по крайней мѣрѣ, не трогали ихъ. Поступая такъ, онъ дѣйствовалъ сообразно Наказу и Учрежденію о губерніяхъ. Наказъ, въ главѣ XI, говоритъ: „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе злоупотребленія рабства отвращали“ (№ 254); „Петръ Первый узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ; по первой статьѣ сего указа

чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно" (№ 256). Приведеніе этой мѣры въ дѣйствіе учинено Учрежденіемъ о губерніяхъ.

Кн. Вяземскій замѣчаетъ, что первое явленіе пятаго дѣйствія (разговоръ Стародума съ Правдинымъ) приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего оно написано.

Дѣйствительно, его должно назвать самой лестной похвалой, превышающей всѣ торжественныя оды. Похвала эта выговаривается Стародумомъ:

„Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ!... Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подданныхъ беззаконно... Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости есть та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. . Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами... Сколь великой души надобно быть въ государѣ, чтобы стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей".

Эти золотыя мысли, выказывающія въ писателѣ благородное гражданское мужество, совпадаютъ также съ мыслями Наказа. Въ №№ 519 и 520 Екатерина объявила, въ чемъ ея истинная слава, и какъ она смотритъ на ласкательство:

„Правда, что хорошее мнѣніе о славѣ и власти царя могло бы умножить силы державы его; но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножитъ оныя. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа".

„Бригадиръ" и „Недоросль" — главнѣйшія произведенія Фонъ-Визина, за которымъ какъ при жизни его удерживалось, такъ и по смерти удерживается почетное имя автора „Недоросля",

автора „Бригадира“. Основная ихъ тема — воспитаніе, какъ необходимое начало гражданскаго благоденствія. На ту же тему написаны комедія: „Выборъ гувернера“, „Разговоръ у княгини Халдиной“, Переписка между Стародумомъ и помѣщикомъ Дурыкинымъ“. Кромѣ воспитанія, и другіе интересы современнаго общества находили въ Фонъ-Визинѣ человѣка мыслящаго, передоваго литературнаго дѣятеля. Можно сказать, что ни одно изъ важнѣйшихъ требованій просвѣщенія не ускользнуло отъ его вниманія: по поводу каждаго подалъ онъ умный и честный голосъ. Мы уже видѣли, какъ благородно отозвался онъ на заботы правительства объ учрежденіи правосудія, объ искорененіи своевольнаго, негуманнаго обращенія съ подвластными. Въ Наказѣ говорится о *среднемъ родѣ людей*, къ которому отнесены всѣ — недворяне и нехлѣбопашцы, упражняющіеся въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и торговлѣ, равно питомцы училищъ и воспитательныхъ домовъ недворянскаго происхожденія (№№ 380 и 381); Фонъ-Визинъ, по свидѣтельству кн. Вяземскаго, перевелъ книгу о „третьемъ чинѣ“ и написалъ о томъ разсужденіе. По Наказу, отличительное качество дворянскаго сословія — благородство, честь (№№ 357—375); Фонъ-Визинъ постоянно преслѣдуетъ съ одной стороны спесь, съ другой раболѣпство дворянъ. По заказу гр. Панина пишетъ онъ политическое сочиненіе для наслѣдника престола (Фонъ-Визинъ, кн. Вяземскій, стр. 285); въ „Словѣ на выздоровленіе Наслѣдника“ даетъ ему совѣты, согласные съ воззрѣніемъ XVIII вѣка на истинную славу государя; въ пользу того же воззрѣнія переводитъ слово Марку Аврелію, какъ похвалу мудрому и благодѣтельному правленію; „Письмо отъ Стародума“ показываетъ причины, препятствующія у насъ развитію краснорѣчія; знаменитые „Вопросы Собесѣднику“ затрогиваютъ всѣ существенные предметы русской жизни, русскаго характера, русскаго образованія. И во всѣхъ этихъ предметахъ — сознательное усвоеніе господствующихъ началъ времени, а не поверхностное увлеченіе, или съ голоса, или примѣра другихъ.

Галаховъ.

Фонъ-Визинъ, какъ представитель новаго направленія вѣка Екатерины II.

Фонъ-Визинъ болѣе нежели кто-либо другой, выражаетъ собою новую сторону жизни, которая вливалась въ наше общество вслѣдствіе принятія идей западныхъ. Въ другихъ писателяхъ она менѣе ощутительна и не такъ прямо высказана, какъ въ немъ. Поэтому-то мы и будемъ его здѣсь прежде всего разсматривать какъ человѣка, который въ своихъ комедіяхъ и письмахъ изъ-за границы высказывалъ это новое направленіе.

Онъ служилъ у графа Панина, былъ въ обществѣ людей, дѣйствовавшихъ подъ направленіемъ Екатерины, и поэтому кажется, наука западная не переставала на него дѣйствовать. По крайней мѣрѣ, въ комедіяхъ его мы безпрестанно сталкиваемся съ нѣкоторыми изъ началъ, высказанныхъ императрицею въ „Наказѣ", въ дѣйствіяхъ ея и въ перепискѣ съ учеными. Видимо, что источникъ, откуда приходили эти убѣжденія былъ общій...

Въ комедіи „Недоросль" есть два лица: Правдинъ и Стародумъ, которыхъ характеры безцвѣтны, нехудожественны въ такой же степени, какъ характеры Нельстецова и Сеума въ „Выборѣ гувернера", или, какъ у Грибоѣдова характеръ Чацкаго въ „Горѣ отъ ума". Эти лица введены Фонъ-Визиномъ для того, чтобы они говорили цѣлыми тирадами о честности, добронравіи, о дѣйствительныхъ выгодахъ общества; они вовсе не художественны, повторяемъ, но важны для насъ по своему послѣднему значенію. Такимъ образомъ, Правдинъ пріѣхалъ въ деревню по слѣдующей причинѣ: онъ имѣетъ повелѣніе отъ намѣстника объѣхать округъ и по собственному влеченію не оставляетъ замѣчать „тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно". Онъ исполняетъ только образъ мыслей намѣстника, который старается помогать страждущему человѣчеству. Онъ нашелъ безчеловѣчіе въ домѣ Простаковыхъ, ибо жена Простакова разсуждаетъ такъ, что дворянинъ властенъ въ своихъ людяхъ, иначе „на что жъ намъ данъ указъ о вольности дворянства?" Результатъ всего этого выходитъ тотъ, что Правдинъ, вынувъ бумагу, объявляетъ Простакову:

„Именемъ правительства вамъ приказываю сейчасъ же собрать людей и крестьянъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни“. Мысль объ оцѣнкѣ людей по ихъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ — это почти конекъ Стародума. Объ этомъ онъ разсуждаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Стародумъ былъ на войнѣ, отличился, но его обошли. Это даетъ ему случай сказать, что „прямо *любочестивый* человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану“. Это заставляетъ Правдина спросить у Стародума: „но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ случаѣ?“

Стародумъ. Въ одномъ только, когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина!

Насъ, для поясненія, это мѣсто заставляетъ обратиться къ „Наказу“ Екатерины, въ которомъ говорится (стр. 363), что „на степень дворянства возводитъ людей *добродѣтель съ заслугою*“, что (стр. 364) „добродѣтель и *честь* должны быть оному правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, и послушаніе и вѣрность къ государю и безпрестанно внушающими оному не дѣлать никогда *безчестнаго дѣла*“.

Между словами Фонъ-Визина и словами „Наказа“ нѣтъ никакой разницы: они проникнуты идеей. Но когда вы вникните въ историческое развитіе нашего дворянства, въ его прежнее значеніе, когда припомните, что дворянство, недавно избавленное отъ тѣлесныхъ наказаній, дворянство полуобразованное, получаетъ вдругъ такое духовное значеніе; когда императрица объявила, что всякій обманъ, противный чести, нарушеніе клятвы и даннаго слова, а паче тѣ дѣйствія, которыя за собою влекутъ *уничиженіе*, исключаютъ ихъ дворянства, — вы невольно спрашиваете себя, откуда такое быстрое преобразованіе? откуда эти тонкіе оттѣнки, до того времени мало извѣстные русскому обществу? Откуда этотъ рыцарскій point

d'honneur, свойственный одному утонченному и образованному обществу?

Въ XVIII вѣкѣ господствовало ученіе Монтескьё; по этому ученію, начало, принципъ монархическихъ правленій составляетъ l'honneur — „почётъ“; это начало поддерживается дворянскимъ, высшимъ классомъ, исполняющимъ волю монарха. Чтобъ этотъ классъ народа соотвѣтствовалъ своему назначенію, должно, по ученію Монтескьё, устроить нѣсколько ранговъ, степеней, которыя бы безпрестанно поддерживали начало почёта, безпрестанно обѣщая въ будущемъ новыя и новыя награды. Классъ этотъ, какъ хранитель принципа государственнаго, долженъ носить въ себѣ всѣ тѣ достоинства, которыя необходимы для славы государства, ибо, по словамъ „Наказа“ (стр. 16) „самодержавныхъ правленій намѣреніе есть *слава гражданъ, государства и государя*“. Монтескьё провелъ идею по всей жизни частной и общественной этого сословія. Для него настоящая школа — свѣтъ, общество. Поступки этихъ людей должны быть не столько добры, сколько прекрасны, велики, необыкновенны. Это поражаетъ воображеніе. Оттого-то, по ученію Монтескьё, дворянство должно служить монарху преимущественно на войнѣ, потому что эта служба своими случайностями, успѣхами и даже несчастіями ведетъ къ величію. Но, налагая эту обязанность, должно оставить дворянству свободу располагать ею, и если честь оскорблена, должно позволить оставить службу... Это же самое начало чести требуетъ свободы вступать въ службу или отказываться отъ нея; этимъ она дорожитъ больше, нежели своимъ имуществомъ...

Посмотрите послѣ этого на жалованную дворянству грамоту, сравните приведенныя нами выше слова изъ „Наказа“ императрицы и скажите, развѣ въ нашихъ учрежденіяхъ нѣтъ плодовъ перваго столкновенія съ западными идеями? Посмотрите послѣ этого на подвиги русскихъ при Екатеринѣ и скажите, какъ удачно умѣла она примѣнить къ Россіи занесенныя начала!

Фонъ-Визинъ совершенно счастливъ, когда ему представляется возможность раскрыть эту мысль по какому бы то ни было случаю. Напр., Правдинъ говоритъ Стародуму, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе. На это Стародумъ отвѣчаетъ: „Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно че-

ловѣку — душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ“.

Наивный Правдинъ отвѣчалъ, будто это заключеніе неоспоримо: должно быть, въ его время въ письмахъ не приписывали „остаюсь съ душевнымъ почтеніемъ и преданностью“... Въ другомъ мѣстѣ Стародумъ читаетъ свою неумолимую мораль Софьѣ:

„Такъ мой другъ; и я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой расчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами“...

Далѣе, разговоръ въ „Выборѣ гувернера“ княгини и Сеума о княжеской породѣ и о томъ, что такое природа и что такое порода, развиваетъ ту же мысль. Да и вообще, вся пьеса „Выборъ гувернера“ въ этомъ отношеніи очень замѣчательна.

Какъ заслуги отечеству поставлялись главнымъ основаніемъ дворянству, такъ заслуги на поприщѣ промышленности, наукъ и искусствъ должны были служить основаніемъ другому классу народа — *среднему*. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ то же начало при оцѣнкѣ достоинства, только обращаемое на другую сферу дѣятельности, почти новую для Россіи. Сфера эта была очень нова для насъ. До Петра собственно было два класса народа: высшій и низшій, о среднемъ и помина не было, несмотря на всѣ усилія Петра Великаго создать эту опору государства; его начала и органы, магистраты, не успѣвъ утвердиться на русской почвѣ, были ослаблены въ конецъ и совсѣмъ уничтожены при его преемникахъ. Разсѣянность населенія по всему пространству государства, малочисленность и малолюдность городовъ, недостатокъ богатства, нравственнаго развитія и образованности, оставляли существовать магистраты Петра Великаго болѣе по имени, нежели въ самомъ дѣлѣ. Форма предшествовала содержанію и не имѣла никакого значенія. Извѣстно, что въ городахъ нашихъ можно было найти нѣсколько ремесленниковъ низшей руки, нѣсколько обывателей, занимавшихся мелочною торговлею, нѣсколько отставныхъ бѣдныхъ чиновниковъ, отставныхъ военныхъ мел-

каго разряда, — все остальное население состояло изъ людей служилыхъ: чиновниковъ, военныхъ, духовныхъ, зависѣвшихъ отъ своего начальства, не имѣвшихъ общихъ потребностей съ жителями городовъ, составлявшими городское общество. И этому обществу дано было учрежденіе общественное, къ которому оно не превыкло, потому-что и въ городѣ жили раздѣльными интересами. Послѣ уничтоженія магистратовъ при преемникахъ Петра, Екатерина Вторая вздумала воскресить это учрежденіе. Она невольно была поражена силою, богатствомъ и образованностію средняго класса на Западѣ и, желая блага Россіи, рѣшилась снова „воздвигнуть разсѣянную храмину", какъ выражался Петръ Великій о среднемъ сословіи. Но какъ соединить то, что разсѣяно? Учрежденіемъ ли общественнымъ, или развитіемъ богатства, промышленности, образованности и нравственнаго достоинства гражданъ? Конечно, цѣль можетъ быть достигнута тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ, но развить послѣднее, т.-е. матеріальныя и нравственныя силы народа, нельзя скоро; это требуетъ много времени. Екатерина приняла мѣры къ образованію этого класса и къ освобожденію промышленности отъ оковъ и монополій, ее стѣснявшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмь вновь осуществила забытую мысль Петра — учредила думы, магистраты, ратуши. Но этимъ еще не создавался классъ народа; это была одна форма. Должно было, по крайней мѣрѣ, опредѣлить, что̀ будетъ составлять душу этого сословія, отъ котораго (по словамъ „Наказа" стр. 378) государство много добра ожидаетъ. Итакъ, основу средняго класса должно составлять *добронравіе и трудолюбіе*. И вотъ она назначила, что къ среднему классу будутъ принадлежать всѣ тѣ (стр. 380). которые, не бывъ ни дворянами, ни хлѣбопашцами, упражняются *въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ;* сверхъ того, всѣ тѣ, которые, не бывъ дворянами будутъ выходить изъ всѣхъ училищъ, и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія; наконецъ дѣти приказныхъ. Вотъ перечень тѣхъ лицъ, которыя должны были составить средній классъ; но гдѣ же можно было тогда найти городъ, въ которомъ бы жители были художники, ученые и негоціанты, ведущіе на своихъ корабляхъ заграничный торгъ, предположивъ даже, что купцы и ремесленники были въ каждомъ городѣ? Очевидно, идея этого учрежденія перенесена отъ народа, гдѣ ученый,

художникъ и кораблехозяинъ — не рѣдкость. У насъ, большею частію, люди ученые и художники находятся на службѣ государственной, получаютъ чины и достигаютъ дворянства, а о нашихъ кораблехозяевахъ и говорить нечего: они извѣстны наперечетъ. Слѣдовательно, есть просто гражданинъ, не состоящій на службѣ, точно такъ же, какъ адвокатъ, докторъ, купецъ и фабрикантъ. Гдѣ высшій классъ рѣзко отдѣленъ отъ средняго родовымъ достоинствомъ, и заслуги въ наукахъ и художествахъ не дѣлаютъ, на основаніи закона, членовъ высшаго сословія... Такъ какъ въ царствованіе Екатерины средній классъ существовалъ въ идеѣ. а не на самомъ дѣлѣ, въ возможности, а не de facto, то Фонъ-Визину, какъ комику, который беретъ сюжеты изъ жизни дѣйствительной, онъ не далъ никакого содержанія. Не было ни достоинствъ, ни недостатковъ средняго класса, потому-что онъ вовсе не существовалъ; слѣдовательно, въ комедіяхъ Фонъ-Визина нѣтъ ни нападковъ на этотъ классъ, ни защиты его. Въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы русскимъ комикомъ...

Укажемъ еще на черты образованности Екатеринина вѣка, чтобъ подтвердить еще болѣе нашу мысль, что эта образованность принесла съ собою и направленіе, и жизнь, и идею. Мы уже показали нѣкоторые результаты того взгляда на каждаго человѣка, какъ человѣка, которые отзывались въ нашемъ обществѣ; сдѣлаемъ еще нѣкоторые выводы.

Человѣкъ, которому нѣтъ ничего чуждаго въ человѣческой природѣ, сочувствуетъ всѣмъ проявленіямъ мысли и чувства. Для такого человѣка, слѣдовательно, драгоцѣнно проявленіе достоинства человѣческаго въ какомъ бы народѣ оно ни показалось, въ какое бы время ни обнаружилось. Онъ любитъ въ природѣ все, что въ ней есть прекраснаго. уважаетъ въ человѣчествѣ все, что проистекаетъ изъ разумной его природы. Онъ уважаетъ законы мысли и влеченіе чувства, какъ начала развитія въ человѣчествѣ. Для такого человѣка нѣтъ фанатизма религіознаго, нѣтъ исключительности политической, замкнутости каждаго человѣка въ свои собственныя силы, эгоизма, индивидуальности. Для него всѣ религіи терпимы, всѣ народности имѣютъ свои достоинства и недостатки, всѣ люди имѣютъ свои слабости и свою долю совершенства. Эта философская сторона вѣка имѣла самыя благодѣтельныя вліянія на общество европейское. Одно прекращеніе религіозныхъ гоненій

сдѣлало счастливыми не только цѣлыя области государствъ, но возстановило права цѣлыхъ народовъ. Екатерина Вторая въ „Наказѣ“ обратила на этотъ пунктъ особенное вниманіе и слѣдующія четыре статьи назвала *правилами весьма важными и нужными.* Вотъ эти правила (стр. 494):

„Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ — запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ (стр. 495). И нѣтъ подлинно иного средства кромѣ разумнаго, иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою не отвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблуждшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду (стр. 496). Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ“.

За обнародованіе этихъ правилъ Вольтеръ писалъ къ Екатеринѣ, что она сдѣлала его язычникомъ, что онъ повергается къ стопамъ ея болѣе съ боготвореніемъ, нежели съ глубочайшимъ почтеніемъ, и что онъ дѣлается жрецомъ въ ея храмѣ. Старику это было кстати, а если бъ онъ пріѣхалъ въ Россію, то императрица, вѣроятно, въ день крещенія посадила бы его за столъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ. Сумароковъ говоритъ, что духовникъ императрицы 6 декабря угощалъ духовенство всѣхъ исповѣданій — католиковъ, уніатовъ, пасторовъ англиканской церкви, лютеранъ, кальвинистовъ, армянъ, квакеровъ и анабаптистовъ.

Надъ приведеніемъ въ исполненіе начала вѣротерпимости хлопотали вмѣстѣ и философія вѣка, и Іосифъ II. и Фридрихъ Великій, и Екатерина Вторая. Въ особенности много пользы принесло это начало при изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ. Императрица Екатерина въ томъ же „Наказѣ“, на стр. 497, говорила, что обвиненіе въ этихъ двухъ преступленіяхъ можетъ нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ положено не будетъ. Ибо, такъ какъ такое обвиненіе не падаетъ прямо на дѣйствія гражданина, но больше относится къ тому понятію, которое

создали себѣ люди, то оно бываетъ опасно по мѣрѣ проста-народнаго невѣжества. А невѣжество, въ особенности между низшимъ классомъ народа, было въ то время значительно. Мы свыклись теперь съ понятіемъ, что такія преступленія, какъ чародѣйство, нужно преслѣдовать осторожно; но тогда обнародованіе такого начала было важнымъ пріобрѣтеніемъ въ законодательствѣ.

Объявляя терпимость вѣры въ своемъ государствѣ, Екатерина не менѣе терпѣливо выслушивала и мнѣнія, часто не согласныя съ ея образомъ мыслей. Въ этомъ отношеніи Сумароковъ приводитъ характеристическій споръ императрицы съ графомъ Петромъ Панинымъ. „Однажды, говоритъ онъ, императрица привезла съ собою новыя правила о соли и прочла ихъ сама въ Сенатѣ. Всѣ сенаторы встали съ своихъ мѣстъ, превозносили ихъ похвалами, благодарили отъ цѣлаго Сената. Одинъ графъ Потемкинъ сидѣлъ и молчалъ. Удивленная Екатерина спросила его: „Вы, я вижу, графъ, противнаго съ нами мнѣнія?“ — „Такъ, государыня; но разсуждать мнѣ, послѣ сдѣланнаго вами постановленія, уже непристойно“. — „Нѣтъ, сказала она, это только предположеніе, взгляните: бумага неподписана мною; говорите свободно, я васъ о томъ прошу“. — „О, когда такъ, позвольте же снова выслушать!“ Всѣ опять усѣлись, и Екатерина читала въ другой разъ. Графъ возражалъ противъ каждой статьи, она хладнокровно соглашалась и до того вымарала, что почти ничего не осталось изъ прославленнаго начертанія. По окончаніи этого примѣрнаго пренія, она велѣла придвинуть къ окну двое креселъ, долго разсуждала съ Панинымъ тихо и отходя благодарила его за благородство мыслей, за справедливость, пригласила его къ своему столу и увезла съ собою (Истор. Обозр. царств. Екатерины II. Сумар. ч. I, стр. 84 и 85).

Поэтому не мудрено, если мы въ „Наказѣ“ встрѣчаемъ слѣдующія слова о министрахъ (стр. 516):

„Министръ тотъ очень неискусенъ въ званіи своемъ, который вамъ всегда станетъ сказывать, что государь досадуетъ, что онъ нечаянно упрежденъ, что онъ въ томъ поступилъ по своей волѣ“.

То-есть, министръ поступитъ очень неискусно, если прежде рѣшенія дѣла по закону выскажетъ волю государя, потому что рѣшеніе должно быть произнесено нелицепріятно, на осно-

ванія законовъ. По этому-то императрица требовала, чтобы всѣ свободно высказывали свое мнѣніе; иначе, говоритъ она въ ст. 517, это будетъ несчастіемъ въ государствѣ:

„Еще бы сіе великое было несчастіе въ государствѣ, если бъ не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи, ни извинять своихъ худыхъ успѣховъ, отъ упорства счастія происшедшихъ, ниже свободно говорить своего мнѣнія“.

Фонъ-Визинъ понималъ мысль Екатерины, и потому говоритъ отъ лица Стародума (стр. 545):

„Богу благодареніе, мы живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ *честный* человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно... Екатерина, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. Итакъ, россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая-нибудь робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ, отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ великихъ обличеній; если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ ясно обличить ихъ...“

А въ другомъ мѣстѣ Фонъ-Визинъ говоритъ:

„Недоросль мой служитъ тому доказательствомъ, ибо лѣтъ за тридцать назадъ тому роль Стародума могла ли быть представлена и напечатана...“

Мы видимъ, что Фонъ-Визинъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, былъ только отголоскомъ императрицы, былъ первымъ путешественникомъ на пути, проложенномъ Екатериною. Потомство поставитъ ему въ великую заслугу то, что онъ такъ вѣрно могъ схватить мысль великой государыни...

Не забудемъ еще одной важной черты царствованія Екатерины — плана воспитальныхъ домовъ. Молодые люди, поступивъ въ эти заведенія, никогда не должны были покидать ихъ до тѣхъ поръ, пока не окончатъ курса наукъ. Этимъ хотѣли образовать новое поколѣніе, съ новыми понятіями, изъятое изъ предразсудковъ народа, нераздѣльныхъ съ жизнію молодыхъ людей въ семействѣ. Хотѣли, чтобы воспитанникъ, окончившій курсъ, былъ *человѣкъ* по преимуществу. Опять черта

чрезвычайно характеристическая! Принято за основаніе, что умъ ребенка есть tabula rasa, что содержаніе этого ума зависитъ отъ впечатлѣній перваго возраста, что, однажды начертавъ въ этомъ умѣ правила благородства и любви къ истинѣ, можно будетъ ручаться за его дальнѣйшее человѣческое развитіе....

Послѣ всего этого императрица могла писать къ Циммерману, что она въ политическомъ своемъ поведеніи старалась слѣдовать начертанію, которое ей казалось полезнѣйшимъ для государства и не тягостнымъ для другихъ: „Если бъ я знала лучшее, предпочла бы оное... Вообще, *человѣчество* имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ... Я уважаю философію...“ Дѣйствительно, она старалась быть другомъ человѣчества, которымъ для блага общаго должны управлять законы. Въ этомъ отношеніи она высказала въ параграфѣ 39 „Наказа“ великую мысль:

„Государственная вольность въ гражданахъ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью; а чтобъ люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ *одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ*“.

Отъ этого-то императрица старалась соблюдать законы непоколебимо; законамъ давала она то же самое значеніе, какъ и Монтескье — именно, что законы въ обширномъ значеніи суть необходимыя отношенія, происходящія изъ самой природы вещей. По ученію Монтескье, въ этомъ смыслѣ всѣ существа имѣютъ свои законы: божество, міръ физическій, животныя и, наконецъ, человѣкъ. Въ отношеніи къ обществу, законъ есть разумъ человѣческій, управляющій всѣми народами земли, и законы государственные и гражданскіе каждой націи не что иное, какъ частные случаи, къ которымъ примѣняется разумъ человѣческій. Понимая такое значеніе закона, императрица говорила, что (параграфъ 7 Генер. прокур. наказа) „правленіе самое сходственное съ естественнымъ есть то, котораго особенное расположеніе соотвѣтствуетъ всего лучше расположенію народа, для котораго оно создано“.

Изъ этого же выводила императрица и необходимость самодержавнаго правленія для Россіи.

Вотъ краткое указаніе на нѣкоторые пункты ученія, разви-

таго въ „Наказѣ“ императрицы Екатерины Великой, который для исторія просвѣщенія Россіи есть такой же краеугольный камень, какъ для царствованія Петра Великаго его уставы морскіе и военскіе, его коллегіи, его флотъ, войско... „Наказъ“ — памятникъ того времени, когда Россія познакомилась съ европейской литературою, и въ немъ эта литература выразилась больше, нежели во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ вѣка. Поэтому-то Екатерину мы ставимъ во главу движенія, которое ея образованность давала Россіи; на Фонъ-Визина же смотрѣли только, какъ на человѣка, который развивалъ начала, изложенныя въ „Наказѣ“, слѣдовательно, брошенныя въ русское общество. Не надо забывать, что этотъ „Наказъ“ былъ предложенъ депутатамъ, собраннымъ изъ всей Россіи для составленія новаго уложенія. Мы указали на нѣкоторыя черты „Наказа“; всѣхъ не осмѣливаемся передавать, чтобъ не утомлять читателей выписками и безъ того уже слишкомъ частыми, въ другой же формѣ передать этихъ началъ мы не могли.

Послѣдняя мысль, взятая нами изъ „Наказа“, также нашла отголосокъ въ Фонъ-Визинѣ; въ „Недорослѣ“ Стародумъ говоритъ Правдину:

„Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости есть та, чтобъ править людьми, потому что уживаться съ обезьянами нѣтъ премудрости... Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами...“

И далѣе — весь разговоръ Стародума съ Правдинымъ написанъ въ томъ же духѣ.

Мы сказали, что образованность Екатеринина вѣка, которой начала заключены въ „Наказѣ“, не осталась безъ вліянія на общество: она и не могла остаться безплодною. „Наказъ“ былъ экстрактомъ того новаго законодательства, которое должны были составить для Россіи собранные депутаты. Писала его сама императрица: иначе кто бы указалъ путь этому собранію, кто предложилъ бы ему правила новыхъ законовъ, которые бы связали Россію съ Европой внутреннею, а не одною внѣшнею жизнію, какъ это было до ея царствованія? Кто могъ поручиться императрицѣ, что депутаты не заблагоразсудятъ рѣзать руки, уши, носы за каждое ничтожное преступленіе?

Кто могъ сказать, что депутаты не ограничатся одними-мелкими гражданскими отношеніями, а займутся разсужденіемъ объ общихъ началахъ права, которыя должны быть положены въ основаніе великаго труда? Она не вѣрила этого труда никому и сама предложила на разсужденіе депутатовъ начала права, извлеченныя изъ жизни всѣхъ образованныхъ государствъ, и на нихъ хотѣла построить новое европейское государство — Россію. Въ этомъ дѣлѣ она приняла на себя весь трудъ преобразованія, какъ Петръ Великій принялъ на себя всю отвѣтственность за тѣ нововведенія, которыми онъ въ продолженіе своего царствованія сокрушалъ привязанность къ азіатскому быту. Начала права изумили тогдашнихъ русскихъ: они увидѣли предъ собою бездну премудрости... Историки наши, приближаясь къ этому пункту царствованія Екатерины, прославляютъ мудрость великой императрицы, хотя, сказать правду, очень мало объясняютъ, почему „Наказъ" такое великое явленіе, почему онъ имѣетъ такое важное значеніе для Россіи.

Депутатское собраніе не свершило заданнаго ему дѣла; тѣмъ не менѣе брошенныя въ общество начала дѣйствовали: русскіе больше, нежели прежде, начали ѣздить за границу, писатели смѣлѣе начали высказывать недостатки полуобразованности и загрубѣлости; Сумароковъ продолжалъ *шпынять,* какъ выражается Фонъ-Визинъ, надъ русскимъ обществомъ. Фонъ-Визинъ открыто говорилъ правду; Десницкій, переведшій, по приказанію императрицы, „Истолкованіе законовъ англійскихъ" Блакстона, въ своихъ энергическихъ рѣчахъ безпрестанно указывалъ на новый путь, проложенный наукѣ Екатериною. Въ одной рѣчи онъ говоритъ: „Долговременнымъ чтеніемъ и упражненіемъ совершается философъ, богословъ, врачъ и законоискусникъ. Но знатный всякъ думаетъ и считаетъ себя рожденнымъ судьею". Говоря о приказной и дьяческой юриспруденціи, онъ прибавляетъ: „симъ средствомъ и поднесь въ канцеляріяхъ всѣ учиться приступаютъ законознанію; начиная сперва копіистомъ и прорываясь сквозь всѣ огромности бумагъ, входятъ по долговременномъ изможденіи на перѣ въ канцеляристы и высшіе чины. Всѣ почти отсылаютъ дѣтей своихъ прямо къ повытчикамъ и канцеляристамъ для наученія ихъ всей глубинѣ премудрости закона безъ всякаго къ тому приготовленія, даже и безъ знанія грамматики и безъ правописанія". Первое знакомство съ образованностью западною

было безотчетное увлеченіе: не знали за что взяться, что читать, что переводить. Хотѣли передать русскому обществу все, что пріобрѣтено Европою посредствомъ долговременнаго ученія. Переводили Вольтера, Дидро́, Д'Аламбера, Монтескье́, Руссо, Бюффона, Боссюэта, Локка, Фергюссона, Гютчесона, Блакстона, Бильфельда, Эразма Роттердамскаго, Тацита, Горація, Виргилія, Авла Геллія, Платона... все что находили у народовъ древнихъ и новыхъ. Въ Московскомъ Университетѣ читали лекціи по Монтескье́, по Блакстону, Пуффендорфу... И все это вдругъ возникло: общество вдругъ оживилось!... Переводы эти теперь устарѣли, но они оставили слѣдъ въ обществѣ. Имена Державина, Фонъ-Визина — спаслись отъ забвенія... Вникните въ движеніе литературы, которое совершилось въ царствованіе Екатерины, и вы принуждены будете сказать: какое плодовитое, разностороннее и оживленное начало!

Такія лица, какъ императрица Екатерина, Дашкова, Шуваловъ, Фонъ-Визинъ, Панинъ — такъ многосторонне образованные люди, конечно, были рѣдки; но они давали сильное движеніе, а въ этомъ-то движеніи заключается и вся важность; языкъ устарѣлъ, стихи тогда знаменитые не читаются теперь; но мысли, зароненныя въ общество, остались въ немъ, живутъ и быстро развиваются.

Фонъ-Визинъ принадлежитъ къ этому времени; въ какой мѣрѣ онъ понималъ то направленіе, которое ему указывала Екатерина, мы видѣли выше.

Дудышкинъ.

Фонъ-Визинъ въ отношеніи къ вольномысленному духу времени.

Тогдашнее воспитаніе, при недостаткахъ своихъ, имѣло и свойственныя ему выгоды: ребенокъ оставался долѣе на русскихъ рукахъ, долѣе окруженъ былъ русскою атмосферою, въ которой знакомился ранѣе и болѣе съ языкомъ и обычаями русскими. Европейское воспитаніе, которое уже въ возмужаломъ возрастѣ довершало воспитаніе домашнее, исправляло предразсудки, просвѣщало умъ, не искореняло впечатлѣній первоначальныхъ, которыя были преимущественно отечественныя. Укажемъ на одно свидѣтельство: большая часть переписки государственныхъ людей царствованія Екатерины велась

на русскомъ языкѣ, несмотря на господство языка французскаго и нравовъ иноплеменныхъ. Послѣ видимъ мы совершенно противное: первые звуки, первыя понятія, кои передавали дѣтству другого поколѣнія, были исключительно иностранные, потому что ребенокъ съ груди кормилицы русской обыкновенно ввѣряемъ былъ рукамъ чужеземцевъ. Уже только позднѣе въ лѣтахъ юношества, а часто и въ возрастѣ уже перезрѣломъ для исправленія погрѣшностей вкоренившихся, русскій гражданинъ, по собственному обратному влеченію и какъ будто по уязвленію пробудившейся совѣсти, обращался къ изученію отечественнаго. Болѣе домосѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей и соблюденію обрядовъ русскаго православія, можетъ быть, менѣе суетности, но въ семейственномъ кругу болѣе живого участія въ дѣлахъ общественныхъ, и между тѣмъ болѣе независимости въ нравахъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію: оно имѣло свои недостатки и весьма важные; но, какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что-то положительное, дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ. Нынѣ воспитаніе наше слишкомъ отвлеченно и, пущенное въ ростъ, ни на чемъ не упирается въ коренномъ основаніи. Напримѣръ, мы видимъ, что старикъ-отецъ Фонъ-Визинъ заставляетъ сына читать у крестовъ во время всенощныхъ бдѣній, которыя часто отправлялись у нихъ дома; позднѣе дѣтей другого поколѣнія заставляли прежде всего вытвердить наизусть:

La cigale ayant chanté
Tout l'été.........

Не соглашаюсь съ авторомъ, который приписываетъ упомянутымъ благочестивымъ упражненіемъ знаніе свое въ русскомъ языкѣ. Дьячки и семинаристы, которые вѣрно болѣе его читали священныя книги, не почитаются же у насъ знатоками въ языкѣ и правильнѣйшими грамотеями. Помощь славянскаго языка, вопреки мнѣнію его собственному и мнѣнію многихъ литераторовъ нашихъ, была не только не полезна, но можетъ быть и вредна Фонъ-Визину: онъ безъ размышленія пользовался ею и не умѣлъ справиться въ сагласованіи языка церковнаго съ языкомъ общества, когда покушался на такое сочетаніе. Слогъ Фонъ-Визина — слогъ мыслящаго писателя; но

неумѣстная пестрота галлицизмовъ и славянизмовъ, встрѣчающаяся въ твореніяхъ его, не позволяетъ изучать его въ отношеніи искусства, какъ писателя образцоваго. Къ тому же если слова и обороты славянскіе и могли бы иногда пригодиться ему въ переводѣ твореній, подобныхъ *Іосифу* и „Похвальному слову Марку Аврелію“, то могъ ли онъ употреблять ихъ съ успѣхомъ въ языкѣ комедій, сатирическихъ и философскихъ статей, и въ слогѣ письменномъ, въ которыхъ преимущественно выразился жизнь и сила дарованія его? Не менѣе того я готовъ признать, что самыя сіи упражненія имѣли, безъ сомнѣнія, вліяніе и на развитіе способностей будущаго писателя, но не въ художественномъ, а болѣе въ нравственномъ образованіи.

Съ просвѣщеніемъ европейскимъ переходили къ намъ и современныя заблужденія. Въ движеніяхъ своихъ умъ всегда какимъ-нибудь концомъ, но впадаетъ въ крайность; ему не дается равновѣсіе. Каждая эпоха бытія человѣческаго ознаменована была одною господствующею мыслію, однимъ исключительнымъ пристрастіемъ, которая общимъ влеченіемъ и частными препятствіями возрастали до изступленія страсти: ибо страсть не что иное, какъ мысль, или чувство, превозмогающее всѣ другія и все поглощающее. Эпохи религіозныхъ вдохновеній были омрачены суевѣріемъ и окровавлены жертвоприношеніями фанатизма. Можно сказать, что эпоха, современная молодости Фонъ-Визина, носитъ на себѣ признаки противоположнаго фанатизма — фанатизма свободы мыслящей, неограниченныхъ изслѣдованій, нетерпѣливыхъ покушеній ума разрѣшить себя отъ узъ тягостной опеки давности и вступить со дня на день въ права и независимость совершеннолѣтія. Съ одной стороны, излишество собственной силы и самонадѣянности, съ другой - притязанія противниковъ, и здѣсь совращали умъ съ стези, равно отстоящей отъ крайностей. Запальчивое поколѣніе, опираясь на права свои, пренебрегало вѣрнымъ, но медленнымъ содѣйствіемъ времени и хотѣло удержать побѣду свою въ возникшей тяжбѣ не порядкомъ судебнаго производства, но силою съ боя. Русское общество или, по крайней мѣрѣ, верхнія оконечности онаго, были подъ вліяніемъ французскимъ. Вольнодумство въ предметахъ религіи должно было и у насъ имѣть своихъ послѣдователей и скорѣе, нежели политическое: ибо оно отвлеченнѣе другого и не тре-

буетъ ни размышленій, ни приготовленныхъ событій, ни предварительныхъ свѣдѣній

Молодой Фонъ-Визинъ, перенесенный изъ благочестиваго дома родителей, отъ набожныхъ упражненій въ чтеніи молитвъ и священныхъ книгъ, очутился вдругъ посреди круга людей, которые образомъ мыслей своихъ были столѣтіемъ впереди отъ тѣхъ, коихъ онъ оставилъ въ Москвѣ. И нынѣ Москва, въ нѣкоторомъ отношеніи, все еще метрополія старины: при всѣхъ измѣненіяхъ новаго общежитія, въ ней еще устоялъ древній капитолій русскаго быта. Сей капитолій, такъ сказать, упраздненъ; можно сказать, и вовсе не эпиграмматически, что и священные стражи не спасли его отъ нашествія новыхъ понятій и подоспѣвшихъ поколѣній: но святыня, хотя и въ упадкѣ, все еще существуетъ; она все еще доступна благоговѣйному чувству и въ то время, когда уже утратила свое прежнее благолѣпіе. Прежде различіе между обѣими столицами было еще разительнѣе. Любопытно видѣть въ *Исповѣди* автора нашего, какъ онъ бывалъ смущаемъ рѣзкостью мнѣній, свободно разглашаемыхъ въ бесѣдахъ петербургскихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ и самъ поддавался общему потоку и принесъ дань ему *Посланіемъ* къ слугамъ своимъ. Жаль, что записки его прекращаются около этого времени. Сіи петербургскіе философическіе обѣды у какого-то князя ***, подобіе парижскихъ обѣдовъ Гольбаха; этотъ Чеб..., другой Нежонъ, Дидеротовскій пріятель, который, встрѣтясь съ гвардейскимъ унтеръ-офицеромъ на гостиномъ дворѣ, привѣтствуетъ его словомъ, которымъ самъ Дидеротъ, сказываютъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, послѣ жаркаго обѣда, привѣтствовалъ преосвященнаго Платона — все это кидаетъ живыя краски на эпоху и отцвѣчиваетъ общество наше самымъ любопытнымъ образомъ. Вскорѣ, однакожъ, молодой Фонъ-Визинъ, уже и до того, какъ видимъ изъ словъ его, недовольный сомнѣніями, испуганный безнадежностью разглашаемаго ученія и тоскующій по изысканіи истины болѣе отрадной, нашелъ въ Тепловѣ вожатаго, который подкрѣпилъ испытываемыя усилія его и обратилъ ихъ къ цѣли, обѣщающей въ награду, по крайней мѣрѣ, упованіе. Сей Тепловъ, начавшій свое гражданское поприще учеными занятіями въ званіи адъюнкта при Императорской Академіи Наукъ, былъ послѣ сенаторомъ и оставилъ по себѣ нравственныя сочиненія: *Знанія вообще до философіи*

касающіися и Наставленія сыну. Онъ познакомилъ Фонъ-Визина съ твореніемъ Самуила Кларка „Доказательства бытія Божія“, которое сей послѣдній и перевелъ. Сіе упражненіе было, кажется, переломомъ въ образѣ мыслей его.

Между тѣмъ, какъ ни любопытны указанія, ярко обозначающія общество тогдашняго времени и сохранившіяся для насъ едва ли не въ однѣхъ запискахъ Фонъ-Визина, однако нельзя предаваться вовсе безъ оглядки изліяніямъ смиренія, которое отзывается въ поздней *Исповѣди* его. Писавъ ее незадолго до кончины своей, онъ имѣлъ въ виду одно христіанское раскаяніе, какъ и самъ говоритъ. Нѣсколько ударовъ паралича, постигнувшихъ его въ разныя времена, должны были лишить его бодрости и свѣжести ума, потребныхъ для яснаго изображенія себя и для заключенія приговора надъ собою, не зависимаго отъ немощи природы нашей. По крайней мѣрѣ, мы не признаемъ въ сочиненіяхъ его никакихъ признаковъ непозволительнаго кощунства. Какъ раскаяніе его ни назидательно и ни почтенно, если оно произвольное изліяніе сердца, но все можно защитить его отъ него самого и отъ упрековъ слишкомъ пугливой совѣсти. Само собою разумѣется, что мы судимъ объ *Исповѣди* его не въ христіанскомъ отношеніи, не подлежащемъ дерзкому изслѣдованію ума. По христіанской оцѣнкѣ, кто изъ людей не грѣшенъ и кто не имѣетъ нужды въ исповѣди?

Касательно *Посланія къ слугамъ моимъ* любопытно свѣдѣніе, приведенное сочинителемъ *Новаго опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*, который напечаталъ драгоцѣнные біографическіе матеріалы свои въ журналѣ *„Другъ просвѣщенія.* Онъ говоритъ, что оно было въ первый разъ напечатано въ Москвѣ „во время даннаго отъ двора народу публичнаго на сырной недѣли маскарада, когда на три дня во всѣхъ московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія“. Наши старанія удостовѣриться въ существованіи сихъ замѣчательныхъ литературныхъ сатурналій и въ истинѣ упомянутаго показанія остались безуспѣшны. Предоставляемъ библіографическимъ изыскателямъ рѣшительную повѣрку запроса, столь любопытнаго въ лѣтописяхъ гражданства и литературы въ Россіи. Буде сіи сомнѣнія разрѣшатся положительно, то не менѣе достойно вниманія и разысканіе, не были ли и другія, и какія именно, сочиненія напечатаны въ то же время.

Въ разсужденіи наблюденія нравовъ и духа времени весьма важенъ успѣхъ, увѣнчавшій комедію *Бригадиръ* въ избранномъ кругу именитостей тогдашняго общества. Фонъ-Визинъ подробно разсказываетъ о томъ въ своей *Исповѣди*. Начиная отъ государыни и молодого наслѣдника, всѣ первѣйшія лица въ Петербургѣ наперерывъ приглашали автора и слушали чтеніе комедіи его. Можетъ быть, не въ первый ли разъ случилось тогда русскому автору быть въ модѣ. Ломоносовъ и Сумароковъ пользовались уваженіемъ и славою; но едва ли честолюбію ихъ приносимы были сіи мелочныя, но соблазнительныя дани, которыя, такъ сказать, ручнѣе и употребительнѣе. Къ тому же Ломоносовъ самымъ свойствомъ дарованій и занятій своихъ не могъ быть свѣтскимъ человѣкомъ; Сумароковъ по уму своему, напротивъ, хотя и могъ играть блестящее лицо въ обществѣ, но неуживчивость его и, вѣроятно, другія несообразности въ нравѣ, вредили ему въ удержаніи за собою мѣста, на которое онъ по отношеніямъ другимъ имѣлъ несомнѣнныя права. Слава, награды, утверждаемыя временемъ, похожи на недвижимыя имущества, которыми пользуемся медленно и продолжительно; молва, упоенія тщеславія похожи на реализированные капиталы, которые скорѣе уплываютъ, но зато проживаются веселѣе. Можно сказать въ этомъ отношеніи, что Фонъ-Визинъ пожилъ на своемъ вѣку. Русскій авторъ, который съ бала во дворцѣ приглашается Екатериною въ приближенное общество ея, читаетъ передъ нею свою комедію, заслуживаетъ одобреніе высокой слушательницы, есть событіе, которое авторское поколѣніе можетъ внести въ лѣтопись своихъ блестящихъ воспоминаній. Бываютъ эпохи, когда знаки отличія необходимы для возбужденія гражданскаго честолюбія: времена совершенно героическія, или совершенно философическія рѣдки, если и вовсе не баснословны. Монтескьё сказалъ, что честь — душа монархическаго правленія; можно прибавить — и почести. Когда обратишь вниманіе на содержаніе и краски комедіи, о которой идетъ рѣчь, то удача ея еще замѣчательнѣе. Оцѣнка двора сему произведенію была безкорыстная. Истина и естественная веселость, и безъ особеннаго примѣненія, дѣйствуютъ на чувство. Такъ, хорошій портретъ, если и не знаешь подлинника, носитъ на себѣ свидѣтельства сходства своего; такъ природное дарованіе и все, что есть задушевнаго въ игрѣ великаго актера, постигается

просвѣщеннымъ зрителемъ и незнающимъ языка, на которомъ говоритъ актеръ; такъ смѣемся часто чуждому смѣху, когда онъ отъ души, хотя и не знаемъ причины онаго. Какъ бы то ни было, счастіе ли Фонъ-Визина, истина ли дарованія его, врожденная ли смѣтливость его слушателей, пробужденная благопріятнымъ направленіемъ тогдашнихъ умовъ, соединеніе ли всѣхъ сихъ соображеній, — но комедія *Бригадиръ* имѣла успѣхъ блистательный. Къ чести сихъ державныхъ и аристократическихъ судей можно вспомнить, что *Гоѳолія* не понравилась блестящему двору Людовика XIV.

Въ послѣдніе годы жизни своей Фонъ-Визинъ охотно обращался къ духовнымъ размышленіямъ и не стыдился смиренія и раскаянія своего: напротивъ, онъ любилъ обнаруживать оныя. „Исповѣдь" его и размышленія по случаю смерти Потемкина носятъ живые отпечатки сего расположенія. Разсказываютъ, что уже въ болѣзненномъ состояніи своемъ, сидя однажды въ московской университетской церкви, говорилъ онъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: „Дѣти! возьмите меня въ примѣръ: я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслію!" Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было въ немъ ни ханжествомъ, ни рабскимъ уныніемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ, по возможности, живость мыслей и веселость разговора. Вѣроятно даже, что и нѣкоторыя изъ мелкихъ сатирическихъ статей его принадлежатъ сей эпохѣ.

Вяземскій.

Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка по понятію Фонъ-Визина.

Въ 1, 4 и 10 частяхъ „Собесѣдника любителей россійскаго слова" (1783 г.) напечатанъ первый „Опытъ россійскаго сословника" Фонъ-Визина. Писатели, занимавшіеся изслѣдованіемъ отечественныхъ синонимовъ, пользовались трудомъ Фонъ-Визина безъ надлежащей критики: авторъ „Недоросля" былъ для нихъ и въ этомъ отношеніи авторитетомъ. Они не только не вникнули въ достоинство толкованій, которыми опредѣлялось значеніе словъ, выражающихъ сходственныя понятія, но даже не навели справокъ, откуда эти толкованія заимство-

ваны. Такъ П. Калайдовичъ, издавъ „Опытъ словаря русскихъ синонимовъ“ (1818), помѣстилъ въ немъ „Опытъ россійскаго сословника“ безъ всякаго измѣненія. Понятно, что погрѣшности второго вошли цѣликомъ въ первый. Погрѣшности эти заключаются или въ смѣшеніи словъ однозначащихъ съ подобнозначащими и церковно-славянскихъ съ русскими, или въ произвольныхъ и неопредѣленныхъ толкованіяхъ, что было тогда же замѣчено Фонъ-Визину однимъ критикомъ, во 2-ой части „Собесѣдника“. Хотя критическія замѣтки не отличались основательнымъ знаніемъ предмета, но Фонъ-Визинъ отвѣчалъ на нихъ слабо (ч. 3-я), не зная, чѣмъ отразить нѣкоторыя справедливыя возраженія противника, напримѣръ касательно сбивчивости различенія словъ: *ветхій, древній* и *старый, учредить, установить* и *устроить*.

Недостатки „Опыта россійскаго сословника“ объясняются очень просто. Фонъ-Визинъ не имѣлъ ни точнаго понятія о значеніи синонимовъ, ни способовъ къ опредѣленію различій между ними. Для подобнаго дѣла мало одного знакомства съ образцовыми писателями: нужны историческое и сравнительное изученіе языка. Въ прошломъ столѣтіи наука объ языкѣ не заявляла еще такихъ требованій, и Фонъ-Визинъ, въ этомъ случаѣ, не опережаетъ другихъ, современныхъ ему авторовъ. Мы и не ставимъ ему въ упрекъ того, что было естественнымъ слѣдствіемъ незрѣлаго языковѣдѣнія. Начавъ говорить о первомъ „Опытѣ россійскаго сословника“, мы имѣемъ въ виду не отношеніе его къ теоріи синонимовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ уже подвергался критической оцѣнкѣ. Мы хотимъ разсмотрѣть его съ другой стороны — *со стороны понятій о разныхъ предметахъ,* болѣе или менѣе возбуждавшихъ вниманіе Фонъ-Визина. Толкованія синонимовъ указываютъ *особый образъ мыслей,* котораго въ извѣстной степени держался нашъ образцовый комикъ. Нѣкоторыя мѣста „Сословника“, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются и въ другихъ сочиненіяхъ Фонъ-Визина: ясное доказательство того, что авторъ не отказывался отъ толкованій, которыми опредѣлялъ различіе между синонимами.

Начнемъ съ того, что „Опытъ сословника“ трудъ вовсе не оригинальный. Всѣ почти внесенныя въ него русскія подобнозначащія реченія переведены, въ сокращенномъ извлеченіи, изъ Жирарова словаря французскихъ синонимовъ. Одно изъ

такихъ заимствованій указано Н. С. Тихонравовымъ въ „Замѣткахъ по поводу смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ" (Моск. Вѣдомости 1853 г. № 6). Онъ сличилъ объясненіе словъ: *безпорочность, добродѣтель, честь* съ подлинникомъ объясненія: *probité, vertu, honneur*. Представляемъ другіе примѣры перевода и текстъ en regard, по изданію 1822 года: „Dictionnaire universel des synonymes de la langue française contenant les synonymes de Girard et ceux de Beauzée, Roubaud, Dalambert, Diderot et autres écrivains célèbres. 2 vol."

Робкій, трусливый.

Робкій бѣжитъ назадъ, *трусливый* нейдетъ впередъ; *робкій* не защищается, *трусливый* не нападаетъ.

Нельзя надѣяться ни на сопротивленіе *робкаго*, ни на помощь *трусливаго*.

Lâche, poltron.

Le lâche recule, le *poltron* n'ose avancer: le premier ne se défend point; il manque de valeur; le second n'attaque point, il pèche par le courage. Il ne faut pas compter sur la résistance d'un *lâche*, ni sur le secours d'un *poltron*.

Полно, довольно.

Оба сіи нарѣчія принадлежатъ до количества, съ тою разностью, что *полно* имѣетъ большое отношеніе къ тому, которое употреблять хочешь.

Скупому сколько денегъ ни давай, никогда не скажетъ *полно*. Для мота не *довольно* милліоновъ.

Многіе, имѣя посредственный доходъ, говорятъ: для насъ его *довольно;* но рѣдкій скажетъ *полно* желать больше.

Assez, suffisamment.

Ces deux mots regardent également la quantité: avec cette différence, qu'assez a plus de rapport à la quantité qu'on veut avoir et que suffisamment en a plus à la quantité qu'on veut employer.

L'avare n'en a jamais *assez;* il accumule et souhaite sans cesse. Le prodigue n'en a jamais *suffisamment;* il veut toujours dépenser plus qu'il n'a.

On dit d'une petite portion et d'un revenu médiocre, qu'on en a *suffisamment*, mais on ne dit guère qu'on en a *assez*.

Проступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ.

Виною называется ненаблюденіе предписанныхъ должностью правилъ.

Тяжкая вина, то-есть важное нарушеніе закона, именуется *преступленіемъ*.

Злодѣянія происходятъ отъ безмѣрнаго развращенія сердца. Злодѣй обыкновенно безчеловѣченъ, вѣроломенъ и врагъ общія безопасности.

Грѣхъ есть дѣйствіе противу гласа совѣсти.

Faute, crime, pêché, délit, forfait.

La *faute* tient de la faiblesse humaine; elle va contre les règles du devoir.

Le délit par de la désobéissance ou de la rebellion contre l'autorité légitime: il est une transgression de la loi civile.

Le forfait vient de scélératesse et d'une corruption entière du coeur; il blesse les sentiments d'humanité, viole la foi et attaque la sûreté publique.

Le pêché va proprement contre les mouvements de la conscience.

Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помощь.

Въ нуждѣ *помогаютъ;* въ трудѣ *пособляютъ;* въ недостаткѣ *вспомоществуютъ;* для обороны *даютъ помощь*.

Состраданіе велитъ *помогать* бѣднымъ; великодушіе влечетъ *пособлять* безсильнымъ; щедрый человѣкъ своимъ излишкомъ *вспомоществуетъ* другимъ въ недостаткахъ. Человѣчество заставляетъ *подавать помощь* беззащитнымъ.

Secourir, aider, assister.

On dit *secourir* dans le danger, *aider* dans la peine *assister* dans le besoin. On va au secours dans un combat, on *aide* à porter un fardeau, on *assiste* les pauvres.

Ce sera donc au puissant à *secourir* l'infortunité: il est homme et généreux, il le fera. Ce sera surtout au fort à *aider* le faible: il le fera, s'il est bon et officieux. Ce sera surtout au riche à *assister* le pauvre: il le fera de grand coeur, s'il est sensible et charitable.

Совершить, докончить, прекратить.

Совершить есть докончить то, чего много уже сдѣлано: *оканчиваютъ* начатое, продолжая работу; *прекращаютъ* тѣ, кои недоконченное прерываютъ, или вовсе уничтожаютъ.

Achever, finir, terminer.

On *achève* ce qui est commencé, en continuant à y travailler. On *finit* ce qui est avancé, en y mettant la dernière main. On *termine* ce qui ne doit pas durer, en le faisant discontinuer.

Правота, правосудіе.

Правота есть добродѣтель, влекущая насъ отдавать каждому справедливость. *Правосудіе,* кажется, опредѣлено награждать и наказывать сходственно съ закономъ.

Justice, équité.

La *justice* est une vertu qui rend à chacun ce qui lui appartient. *L'équité* se prend pour la justice, considérée. non pas dans la rigueur de la loi, mais dans une modération et un tempérament raisonnables.

Всегда, непрестанно.

Всегда значитъ во всякое время, при всякихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи. *Непрестанно* значитъ безъ остановки, безъ прерыванія.

Toujours, continuellement.

Ce qu'on fait *toujours* ce fait en tout temps et en toute occasion. Ce qu'on fait *continuellement* se fait sans interruption et sans relâche.

Влюбленный, любовникъ.

Тотъ *влюбленъ,* кто въ сердцѣ своемъ страсть любви ощущаетъ; но *любовникъ* только тотъ, кто въ своей страсти изъяснился. Часто случается видѣть *влюбленныхъ,* которые не смѣютъ казаться любовниками; но нерѣдко видимъ *любовниковъ,* которые никогда *влюблены* не бывали.

Amant, amoureux.

Il suffit d'aimer pour etre *amoureux*. Il faut témoigner qu'on aime pour être *amant*.

On est souvent très *amoureux* sans oser paraître *amant*. Quelquefois on se déclare *amant* sans être amoureux.

Миръ, тишина, покой.

Всѣ сіи слова знаменуютъ состояніе, никакому волненію не подверженное; но *миръ* означаетъ оное относительно ко внѣшнимъ непріятелямъ, *тишина* — къ будущему или прошедшему приключенію, *покой* изображаетъ сіе состояніе безъ всякаго отношенія.

Tranquillité, paix, calme.

Ces mots expriment également une situation exempte de trouble et d'agitation; mais celui de *tranquillité* ne regarde précisément que la situation en elle-même, et dans le temps présent, indépendamment de toute relation; celui de *paix* regarde cette situation par rapport au dehors; celui de *calme* la regarde par rapport à l'évènement soit passé, soit futur.

Кому угодно, тотъ можетъ не остановиться на этихъ примѣрахъ, но привести и другіе, какъ-то: *обманывать, проманивать, проводить* (surprendre, tromper, leurrer, duper); *основать, учредить, установить, устроить* (fonder, établir, instituer, ériger); *понятіе, мысль, мнѣніе* (pensée, idée, notion); *низкій, подлый* (bas, abject, vil); *лѣнивый, праздный* (paresseux, fainéant): *суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ* (hypocrite, cafard, cagot, bigot): *писатель, сочинитель, творецъ* (écrivain, auteur): *животное, скотъ* (animal, bête, brute): *ревность, ревнованіе* (jalousie, émulation).

Заимствованія Фонъ-Визина у Жирара касаются преимущественно общей части синонимики, то-есть опредѣленій, толкованій значенія словъ. Но въ частныхъ разъясненіяхъ онъ уклоняется отъ образца, и нерѣдко сочиняетъ самъ примѣры, которыми должно оправдаться основное различіе между тѣми или другими словами. Отъ этого нерѣдко происходитъ у него различіе между общимъ и частнымъ элементами синонимическаго объясненія. Первый элементъ берется извнѣ, совершенно готовый, какъ результатъ разбора французскихъ реченій, а

иногда какъ выводъ изъ произвольныхъ логическихъ воззрѣній; второй же имѣетъ дѣло съ реченіями языка русскаго, представляющаго свои особенности, которыя объясняются только характеромъ народной жизни или складомъ народнаго ума. Согласить національные идіотизмы какого-либо языка съ отвлеченно-логическими построеніями можно только искусственно, и вотъ почему Фонъ-Визинъ, желая подкрѣпить общее понятіе частными разъясненіями, прибѣгаетъ иногда къ произвольнымъ, насильственнымъ толкованіямъ. Онъ даетъ словамъ значеніе, котораго они вовсе не имѣютъ, или которое имѣютъ не во всѣхъ случаяхъ; въ безразличномъ открываетъ различное, и въ различномъ замѣчаетъ какія-то сходства.

Мы видѣли, какъ Фонъ-Визинъ переводилъ синонимы Жирара; посмотримъ теперь, какъ онъ измѣнялъ или передѣлывалъ подлинникъ:

L'art des grands est de *leurrer* les petits par des promesses magnifiques, et l'art des petits est de *duper* les grands dans les choses que ceux-ci commettent à leurs soins.

Проманивать есть большихъ бояръ искусство. Стряпчіе обыкновенно *проводятъ* челобитчиковъ.

Louis XI a *fondé* les Quinze-Vingt. Louis XIV a établi les Filles de Saint-Cyr. Ignace de Loyola a institué les Jésuites Paris a été *érigé* en archevêché en 1622, sous Louis XIII.

Въ Россіи Екатерина II *основала* общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* намѣстничества, установила совѣстный судъ и *устроила* благочиніе.

Les esprits légers commencent beaucoup de choses sans en *achever* aucune. Les personnes extrêmement prévenues en leur faveur ne donnent guère de louanges aux autres sans *finir* par un correctif satirique. Ne peut-on pas douter de la sagesse de ces lois qui au lieu de *terminer* les procès, ne servent qu'à les prolonger?

Чтобъ написанная купчая имѣла свое дѣйствіе, необходимо надобно оную *совершить*. Тяжбу начать легко, да окончить трудно. Совѣстный судъ преклоняетъ судимыхъ *прекращать* распри примиреніемъ.

Pour plaire en compagnie, il faut y parler toujours bien, mais non pas *continuellement*.

Не тотъ писатель хорошъ, кто пишетъ *непрестанно*, но тотъ, кто пишетъ *всегда* хорошо.

Racine, Voltaire sont d'excellents *écrivains:* Corneille est un excellent *auteur.* Descartes et Newton sont des *auteurs* célèbres: l'*auteur* de la „Recherche de la Verité“ est un *écrivain* du premier ordre.

У насъ въ древности *писцовъ* было мало; изъ нихъ отличился Несторъ, *писатель* россійской исторіи. Между *сочинителями* нынѣшняго вѣка славенъ Ломоносовъ, *творецъ* лучшихъ одъ на россійскомъ языкѣ.

Les gens inquiètes n'ont point de *tranquillité* dans leur domestique. Les querelleurs ne sont guère en *paix* avec leurs voisins. Plus la passion a été orageuse, plus on goûte le *calme.* — Pour conserver la *tranquillité* de l'état, il faut faire valoir l'autorité sans abuser du pouvoir. Pour maintenir la *paix,* il faut être en état de faire la guerre. Ce n'est pas toujours en molissant qu'on rétablit le calme chez le peuple mutiné.

Худой *миръ* лучше доброй брани. Исцѣля себя отъ ложнаго любочестія, я пошелъ въ отставку и жилъ въ *покоѣ. Тишина* часто бурю предвѣщаетъ.

Въ церковныхъ книгахъ нерѣдко находимъ выраженія: *миръ* ти, евангеліе *мира,* князь *мира,* успе въ *мирѣ:* слѣдственно миръ берется за союзъ, согласіе, добрую совѣсть, блаженство. Давидъ, раздробляя понятія свои о добромъ правленіи, говоритъ, что въ немъ „милость и истина сретостася, правда и миръ облобызастася“.

Въ примѣръ къ синонимамъ: *понятіе, мысль, мнѣніе,* Фонъ-Визинъ прибираетъ слѣдующій, не находящійся у Жирара: „Сколько судей, которые, не имѣвъ о дѣлахъ яснаго *понятія,* подавали на своемъ роду весьма много *мнѣній,* въ которыхъ весьма мало *мыслей*“. Равнымъ образомъ между тремя примѣрами на различіе словъ: *полно* и *довольно,* одинъ принадлежитъ Фонъ-Визину: Если наливаютъ въ рюмку черезъ край, то и пьяница скажетъ *полно,* хотя ему и *не довольно*“. При разборѣ точнаго смысла реченій: *животное* и *скотъ,* читаемъ: „люди и *скоты,* составляющіе родъ *животныхъ,* имѣютъ между собою ту разницу, что *скотъ* никогда человѣкомъ сдѣлаться не можетъ, но человѣкъ иногда добровольно становится *скотомъ.* Человѣкъ въ чести сый, а не въ разумѣ, приложися *скотомъ* несмысленнымъ и уподобися имъ“.

Мы сказали, что „Опытъ сословника“ любопытенъ для насъ

особенно. какъ *сборникъ понятій о разныхъ предметахъ, интересовавшихъ Фонъ-Визина.* Заимствуя толкованіе этихъ понятій изъ чуждаго источника и убѣжденный въ его справедливости, нашъ авторъ пользовался имъ при случаѣ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Большею частью синонимы послужили матеріаломъ для нѣкоторыхъ мѣстъ комедіи „Недоросль", которая явилась въ свѣтъ почти въ одно время съ „Собесѣдникомъ". Разговоры между Правдинымъ, Софьей и Стародумомъ ясно выражаютъ тѣ же мысли, какія выражены при разборѣ синонимовъ: „низкій и подлый". „званіе, чинъ и санъ". Если, по мнѣнію Стародума, „прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ, и чины нерѣдко выпрашиваются, тогда какъ истинное почтеніе необходимо заслуживается; если одно почтеніе должно быть лестно человѣку — душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ. кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ": то и по толкованію различій между словами: „званіе. чинъ и санъ", кто въ большомъ санѣ не имѣетъ большой души. тотъ не возбудитъ никогда къ себѣ внутренняго почтенія; можно имѣть *званіе* безъ *чина*, но стыдно брать *чины* безъ *званія* (т.-е. должности); есть большіе *чины*, въ которыхъ нѣтъ никакой нужды имѣть большія достоинства, а достигаютъ до нихъ иногда знатностью породы, которая есть самое меньшее изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ". Второе явленіе четвертаго акта разсуждаетъ объ истинной знатности. Стародумъ объясняетъ своей племянницѣ. что „степени знатности слѣдуетъ разсчитывать по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей. довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами". — „Безъ знатныхъ дѣлъ, говоритъ онъ, знатное состояніе ничто; въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина презнатная особа". Тѣ же разсужденія повторяются въ синонимахъ „низкій и подлый". Въ низкомъ состояніи можно имѣть благороднѣйшую душу, равно какъ и весьма большой баринъ можетъ быть весьма *подлый* человѣкъ. Слово *низкость* принадлежитъ къ состоянію, а *подлость* къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія *подлаго,* кромѣ бездѣльниковъ. Въ *низкое* состояніе приходитъ человѣкъ иногда поневолѣ, а *подлымъ* всегда становится добровольно. Презрѣніе знатнаго

подлеца къ добрымъ людямъ *низкаго* состоянія есть зрѣлище, унижающее человѣчество". Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что, разграничивая значеніе синонимовъ: „животное и скотъ", о которыхъ мы уже говорили, Фонъ-Визинъ имѣлъ въ виду ту сцену Недоросля, въ которой Митрофанъ повторяетъ за Кутейкинымъ: „азъ же есмь червь", а Кутейкинъ объясняетъ смыслъ послѣдняго слова: „червь, сирѣчь, *животина, скотъ,* а не человѣкъ" и т. д.

Разговоръ между Милономъ и Стародумомъ, имѣющій предметомъ уясненіе различій между неустрашимостью и храбростью, кн. Вяземскій справедливо назвалъ испытаніемъ въ нравственной философіи. Можно прибавить къ тому, что это испытаніе производится также по синонимамъ Жирара, какъ видно изъ прилагаемаго сличенія:

Милонъ. Я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. — Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимымъ военачальникъ.

Она (неустрашимость) добродѣтель.

Храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни.

Courage, bravoure.

La *bravoure* est dans le sang: le courage est dans l'âme.

Le *courage* paraît plus propre au général et à tous ceux qui commandent: la *bravoure* est plus nécessaire au soldat et à tout ce qui reçoit des ordres.

La première (la *bravoure*) est une espèce d'instinct: le second (le *courage*) est une vertu.

On est brave à telle heure et suivant les circonstances: on a du *courage* à tous les instánts et dans toutes les occasions.

Вотъ почему Стародумъ, довольный толкованіемъ Милона, заключаетъ испытаніе тѣми же словами, какими оно началось:

Милонъ. Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ.

Никто, конечно, не будетъ удивляться подобнымъ заимствованіямъ, переходящимъ иногда въ голый переводъ съ какого-нибудь иностраннаго языка на русскій. Они ничего не говорятъ ни противъ таланта, ни противъ образованія Фонъ-Визина.

Это — подражательный элементъ нашей литературы, всегда имѣвшей право пользоваться чужимъ добромъ. Можно представить множество тому примѣровъ и прежде и послѣ Недоросля. Что касается собственно до этой комедіи, то заимствованія, въ ней находящіяся, указаны уже Вѣстникомъ Европы (1811, № 15), кн. Вяземскимъ (Фонъ-Визинъ) и г. Тихонравовымъ (Замѣтки по поводу смирдинск. изданія русскихъ авторовъ, Москов. Вѣдомости 1853, № 6). Въ Вѣстникѣ Европы Р. Ц., разбирая въ письмѣ къ пріятелю „Разсужденіе о стихотворствѣ", помѣщенное въ третьей книжкѣ Чтеній въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова", обвиняетъ его автора за то, что онъ умолчалъ о Княжнинѣ. Письмо ни болѣе, ни менѣе, какъ апологія, и довольно плохая, русскаго трагика противъ обличеній въ заимствованіяхъ. По этому поводу апологетъ поставилъ на видъ, что и Фонъ-Визинъ многіе разговоры въ Недорослѣ взялъ изъ сочиненій Дюфрени, а насмѣшку на счетъ географіи изъ Вольтера. Дѣйствительно, мнѣніе Простаковой о безполезности географіи взято изъ повѣсти Jeannot et Colin, Вольтера; разговоръ Стародума съ Правдинымъ о придворной жизни частью изъ Дюфрени, частью изъ характеровъ Лабрюйера; синонимы Жирара дали объясненіе различія между словами: неустрашимость и храбрость. Прибавимъ къ этимъ указаніямъ еще одно. Слова Стародума Софьѣ, которая читала трактатъ Фенелона о воспитаніи дѣвицъ: „Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случалось читать изъ нихъ все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель" (явленіе 2-ое дѣйствія 4-го) — суть подражаніе слѣдующему мѣсту извѣстнаго сочиненія Дюкло: „On déclame beaucoup depuis un temps contre les préjugés: peut-être en a-t-on trop détruit... Je ne puis me dispenser, à ce sujet, de blâmer les écrivains qui, sous prétexte, ou voulant de bonne foi attaquer la superstition, ce qui serait un motif louable et utile, si l'on s'y renfermait en philosophe citoyen, sapent les fondements de la morale et donnent atteinte aux liens de la société". (См. гл. 3-ю: sur l'éducation et sur les préjugés). Вообще Фонъ-Визинъ черпалъ значительно изъ книги Дюкло, особенно въ письмахъ изъ Франціи къ гр. П. И. Панину, что уже показано кн. Вяземскимъ. Равнымъ образомъ въ письмахъ Фонъ-Визина къ сестрѣ есть выписки изъ журнала того

времени (1783) „Literatur und Völkerkunde“. Наконецъ слова Нельстецова Сеуму (въ ком. „Выборъ гувернера“), что „законодателю надобно быть великому исчислителю“ переведены изъ сочиненія Лабомеля: „Мои мысли“.

Возвращаемся къ нашему предмету.

Въ числѣ различныхъ мнѣній Фонъ-Визина особенно выдается его мнѣніе *о высшемъ нравственномъ достоинствѣ человѣка*. Оно принадлежитъ не ему, а заимствовано или прямо изъ сочиненія Дюкло: Considérations sur les moeurs de ce siècle, или — что впрочемъ одно и то же — изъ выше названнаго сборника синонимовъ, потому что послѣдній принялъ въ основаніе своихъ толкованій книгу Дюкло, по изданію 1764 года, которая и цитуется въ концѣ разбора словъ: „*Probité, vertu, honneur*“. Опытъ сословника сокращенно передалъ подлинникъ. Г. Тихонравовъ указалъ нѣкоторыя мѣста перевода; мы представляемъ почти весь переводъ, прилагая вмѣстѣ и французскій текстъ:

Безпорочность, добродѣтель, честь.

Часто безъ разбору говорится: онъ ведетъ жизнь *безпорочную, добродѣтельную, честную;* но чтобъ узнать, всѣ ли сіи выраженія единообразно употреблять можно, надлежитъ опредѣлить разумъ каждаго.

Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего бы не пожелалъ себѣ. *Добродѣтель* распространяетъ сіе правило гораздо далѣе, и велитъ дѣлать то другимъ, чего бы пожелалъ себѣ,

Состоянія людей такъ многообразны, что при различеніи *добродѣтели* отъ *безпорочности* необходимо надобно разсмотрѣть внимательно, какой человѣкъ, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ доброе дѣло.

Иногда *безпорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродѣтель*. Богатый человѣкъ, не разстраивая нимало своего состоянія, помогъ бѣдному нѣкоторымъ подаяніемъ. Угнетенный нищетою возвратилъ отданную ему на сохраненіе вещь, о которой никто не зналъ, что она у него въ сохраненіи. Одинъ изъявилъ *добродѣтель* и другой *безпорочность;* но которая больше достойна почтенія? Можно сказать, что *безпорочность* бѣднаго есть уже добродѣтель, а добродѣтель богатаго есть только что *безпорочность*.

Сверхъ сихъ качествъ, долженствующихъ руководствовать нашими дѣлами, есть третіе, весьма достойное вниманія — *честь*.

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Sur la probité, vertu et l'honneur.

On n'entend parler que de *probité*, de *vertu* et d'*honneur*; mais tous ceux qui emploient ces expressions en ont-ils des idées uniformes? Tâchons de les distinguer.

„Ne faites point à autrui ce que vous ne voudriez pas qui vous fût fait.“ L'observation exacte et précise de cette maxime fait la *probité*. „Faites à autrui ce que vous voudriez qui vous fût fait“. Voilà la *vertu*.

En distinguant la *vertu* et la *probité*, en observant la différance de leur nature, il est encore nécessaire, pour connaître le prix de l'une et de l'autre, de faire attention aux personnes, aux temps et aux circonstances.

Il y a tel homme dont la *probité* mérite plus d'éloges que la *vertu* d'un autre. Un homme, au sien de l'opulence, n'aura-t-il que les devoirs, les obligations de celui qui est assiégé par tous les besoins? Un homme pauvre remet un dépôt dont il avait seul le secret. La *probité* est la *vertu* des pauvres; la vertu doit être la *probité* des riches.

Outre la *vertu* et la probité, qui doivent être les principes de nos actions, il y en a un troisieme, très digne d'être examiné: c'est l'*honneur*.

L'homme de *probité* se conduit par education, par habitude, par interêt ou par crainte. L'homme *vertueux* agit avec bonté. L'homme d'*honneur* pense et sent avec noblesse: ce n'est pas aux lois qu'il obéit; ce n'est pas la réflexion, encore moins l'imitation qui le dirigent; il pense, il parle et agit avec une

sorte de auteur et semble être son propre législateur à lui-même. L'*honneur* est l'instinct de la *vertu*, et il en fait le courage. Il n'examine point; il agit sans feinte, même sans prudence, et ne connaît point cette timidité ou cette fausse honte qui étouffe tant de *vertus* dans les âmes faibles; car les caractères faibles ont le double inconvénient de ne pouvoir se répondre de leurs *vertus* et de servir d'instrumens aux vices de tous ceux qui les gouvernent.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Фонъ-Визинъ предпочитаетъ „честь" безпорочности и добродѣтели. Въ отношеніи къ логикѣ здѣсь повторена ошибка французскаго автора: видовое понятіе *(честь)* смѣшано съ родовымъ *(добродѣтель)*; но автору нашему, въ настоящемъ случаѣ, нужно было не логическое разграниченіе и размѣщеніе понятій: ему нужно было представленіе высшаго достоинства человѣка. *Идеалъ нравственнаго человѣческаго совершенства*, по его воззрѣнію, состоитъ въ *честности*. Честность не видъ добродѣтели или безпорочности, предметъ не подчиненный имъ и даже не равночинный, а возвышающійся надъ ними. Образцовый, примѣрный человѣкъ есть человѣкъ честный. Вотъ какъ онъ думалъ и вотъ чему остался вѣренъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи Фонъ-Визинъ не слѣдуетъ французскому подлиннику: постановка *чести* на первый планъ, возвышеніе ея надъ добродѣтелью и безпорочностью сдѣланы отъ него самого. Дюкло не имѣлъ такого намѣренія, что видно изъ полнаго разъясненія означенныхъ синонимъ, переданнаго нашимъ комикомъ сокращенно.

Это понятіе о высшемъ нравственномъ достоинствѣ преимущественно раскрывается Стародумомъ и въ Стародумѣ. Его „profession de foi" совершенно согласно съ тогдашними педагогическими началами, усвоенными Екатериною, которыя предписывали наставникамъ развивать въ юныхъ сердцахъ чувство чести, и съ состояніемъ той эпохи или того круга общественнаго, гдѣ, по словамъ Стародума Софьѣ, всего чаще встрѣчаются „умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствахъ". Воспитаніе, имъ полученное, вкоренило въ душѣ его то качество, котораго не имѣютъ люди, воспитанные другимъ образомъ. Это высокое качество,— „честность". Стародумъ гордится имъ, по справедливости, и называетъ себя „другомъ *честныхъ* людей". Наилучшая похвала

его Софьѣ заключается въ томъ, что онъ видитъ въ ней „сердце *честнаго* человѣка". Милонъ возбуждаетъ къ себѣ его сочувствіе, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ „племянникъ графа *Честана*. — Будучи высочайшимъ достоинствомъ сердца, честность есть притомъ достоинство нераздѣлимое и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія хорошія качества. Отсюда новый перевѣсъ честности надъ умомъ: „умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, если недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ". Каллисѳенъ, главное лицо греческой повѣсти, можетъ быть названъ своего рода Стародумомъ: отношенія обоихъ къ придворнымъ одинаковы. Отличительное качество того и другого — „честность". Отмѣтка рукою Аристотеля на Каллисѳеновомъ письмѣ говоритъ слѣдующее: „При государѣ, котораго склонности не вовсе развращены, вотъ что *честный человѣкъ* въ два дни сдѣлать можетъ!" Почетнѣйшее титло гр. Н. И. Панина, „данное ему гласомъ цѣлой націи, было титло *честнаго человѣка*: біографъ не могъ придумать большой похвалы тому, чью жизнь описывалъ. Наконецъ и къ Екатеринѣ II обращается онъ съ тою же похвалою, въ которой болѣе достоинства, чѣмъ во всѣхъ лирическихъ возгласахъ стихотворцевъ: „имѣя монархиню *честнаго человѣка*" и проч. (См. вопросы Фонъ-Визина).

Какая причина такого высокаго понятія о чести? Вѣроятно, Фонъ-Визинъ руководствовался извѣстнымъ побужденіемъ, въ силу котораго онъ допустилъ даже логическую несообразность, то-есть поставилъ честность выше добродѣтели, вмѣсто того, чтобы отнести ее, какъ видъ, къ добродѣтели, какъ роду. Побужденіе — такъ мы думаемъ — объясняется особымъ намѣреніемъ сочиненій Фонъ-Визина. Хотя они касаются всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ гражданскаго благоустройства, но главная ихъ тема — воспитаніе, и именно воспитаніе дворянства, сословія, важнѣйшаго въ монархіи. Ему, по словамъ Наказа, въ особенности противны унизительныя дѣйствія (№ 372); ему въ особенности предписывается *честь* (№ 364). Совершенство же сохраненія чести состоитъ въ любви къ отечеству и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей, изъ чего послѣдуетъ похвала и слава, особливо тому роду, который между

предками своими считаетъ болѣе такихъ людей, кои украшены были добродѣтелями, честью, заслугою, вѣрностью и любовью къ своему отечеству, слѣд. и къ государю (№№ 373—374). Послѣ этого не удивительно встрѣтить въ рѣчахъ Стародума рѣзкія выходки противъ недостойныхъ дворянъ вообще, противъ вельможныхъ дворянъ въ частности, которые, несмотря на свою знатность, владѣли искусствомъ *проманивать*, т.-е. не дѣлать обѣщаемаго, питая тщетною надеждою (Опытъ россійск. сослов.). Изъ 13-го вопроса императрицѣ Екатеринѣ видно, что въ сердцахъ дворянъ поселилась безчувственность къ достоинству благороднаго званія, что почетное титло дворянина не было уже несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства. Надлежало возвысить *упадшія души дворянства.* А чтобы достигнуть этой цѣли, слѣдовало *возвысить понятіе о чести,* какъ главной принадлежности дворянства. Фонъ-Визинъ — самъ дворянинъ — то и сдѣлалъ: честь поставлена имъ на первомъ планѣ; добродѣтель и безпорочность отодвинуты на второй планъ.

Картина нравственнаго паденія дворянъ нарисована Фонъ-Визинымъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ въ письмѣ къ Екатеринѣ по поводу вопросовъ. Увидѣвъ изъ отвѣтовъ императрицы, что она осталась недовольна нѣкоторыми его вопросами, въ томъ числѣ и 15-мъ, относившимся къ дворянской безчувственности, Фонъ-Визинъ объясняется слѣдующимъ образомъ: „Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностью, которую къ сему самому ободренію *(ободренію душъ со стороны правительства)* изъявляютъ многіе *злонравные* и *невоспитанные* члены сего почтеннаго общества *(дворянства).* Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или, паче, занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, чтобы ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ: я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ — и вотъ что растерзало мое сердце; вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ!“

Изъ недостатковъ дворянскаго сословія, современнаго Фонъ-Визину, самыми крупными были отсутствіе надлежащаго, пря-

мого разума и вслѣдствіе этого отсутствія — непониманіе смысла въ словѣ *должность*. „Непрямой разумъ есть тотъ, который полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно“; а „должность есть тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бъ у людей былъ прямой разумъ, если бъ должность исполняли такъ, какъ о ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Тогда дворянинъ считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему есть столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ — *подлѣе* его ничего на свѣтѣ не знаю“.

Непрямой разумъ и превратное понятіе о должности имѣютъ своимъ источникомъ *дурное воспитаніе* и проистекающее отсюда *злонравіе*. Фонъ-Визинъ не раздѣляетъ этихъ предметовъ, какъ видно, изъ оправдательнаго письма къ Екатеринѣ, назвавшаго недостойныхъ дворянъ *злонравными* и *невоспитанными* членами общества, равно и изъ Недоросля, гдѣ въ дурновоспитываемомъ Митрофанѣ готовится злонравный помѣщикъ.

Позволяемъ себѣ кстати присовокупить сюда два замѣчанія.

Исправленіе Митрофана новымъ, хорошимъ воспитаніемъ было уже поздно, жизнь при отцѣ и матери сдѣлала бы его окончательно злонравнымъ, и потому Правдинъ совершенно разумно говоритъ ему: „съ тобою, дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить...“

Кн. Вяземскій видитъ въ этихъ словахъ довольно странное понятіе о службѣ. Ему, говоритъ онъ, слѣдовало бы сказать: „пошелъ-ка въ училище!“ а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы“. Въ общемъ смыслѣ или — пожалуй въ приложеніи къ нашему времени это мнѣніе справедливо, но исторически оно не вѣрно. Въ какое бы училище могъ поступить шестнадцатилѣтній Митрофанъ? Его нельзя было принять въ воспитательныя заведенія, находившіяся подъ управленіемъ Бецкаго, по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что своимъ примѣромъ онъ вредно бы подѣйствовалъ на товарищей, тогда какъ намѣреніе Бецкаго состояло именно въ устраненіи всякаго вреднаго вліянія отъ воспитанниковъ; во-вторыхъ потому, что, ради такого

устраненія, дѣти принимались въ училища въ раннемъ возрастѣ, когда образъ мыслей и поступковъ семейной среды не оставилъ еще сильнаго впечатлѣнія на дѣтскомъ умѣ и сердцѣ. Народныя училища еще не существовали въ то время, когда Фонъ-Визинъ писалъ свою комедію. Куда же Правдинъ могъ пристроить Митрофана? А если бы послѣдній и пристроился гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, то и въ такомъ случаѣ не было надежды на пользу. Только подобные Ломоносову люди учатся хорошо, несмотря на насмѣшки товарищей, величавшихъ его двадцатилѣтнемъ болваномъ. Митрофану же и русская грамота не давалась, не говоря уже о латыни. Нѣтъ, именно такъ: „пошелъ-ка служить“. Служба заставила бы Митрофана что-нибудь дѣлать, по крайней мѣрѣ, удалила бы его изъ дома Простаковыхъ — этой школы злонравія. Отецъ Митрофана имѣлъ право сказать о своемъ сынѣ то же самое, что Бригадиръ сказалъ о своемъ: „Не говорилъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается“.

Не можемъ согласиться и съ другимъ замѣчаніемъ кн. Вяземскаго, будто правило Стародума, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выйти въ отставку, когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ, слишкомъ исключительно: ибо дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. — Въ отношеніи къ нынѣшнему понятію такъ, но не такъ съ исторической точки зрѣнія, т.-е. относительно понятій и обычаевъ, современныхъ Стародуму, когда у насъ не стыдно было *ничего не дѣлать* (12-й вопросъ Фонъ-Визина), когда главное стараніе большей части дворянъ состояло въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ, *не служа,* гвардіи унтеръ-офицерами (17-й вопросъ). Одинъ изъ коренныхъ пороковъ тогдашняго дворянства заключался въ праздности. Должности боялось оно больше всего: „Что за радость выучиться? говоритъ Простакова Правдину. Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья выберутъ еще *въ какую-нибудь должность*“. Вооружаясь противъ дворянской праздности и лѣни, Фонъ-Визинъ мѣтилъ не въ небывалое, а дѣйствительное зло, какъ видно изъ словъ его, что „дворянинъ не считаетъ за безчестье не дѣлать ничего, когда ему есть столько дѣла“.

Нравственное возвышеніе дворянства постоянно занимало Фонъ-Визина. Гораздо прежде Недоросля указывалъ онъ смѣшныя и презрительныя стороны людей, унижающихъ собою дворянское званіе. Онъ требовалъ труда и чести отъ того класса, который, по его понятію, занимаетъ первое мѣсто въ монархіи. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ переводъ его съ нѣмецкаго: „Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? Съ прибавленіемъ особливаго о томъ разсужденія г. Юстія (нап. 1766)“.

Во французскомъ журналѣ 1754 г. „Mercure de France“ напечатаны были нѣкоторыя замѣчанія маркиза де-Лассе о купечествѣ. Авторъ видитъ въ торговлѣ важную отрасль государственнаго благосостоянія, а въ купечествѣ — важный классъ государства. Примѣчанія де-Лассе явились въ то время, когда во мнѣніяхъ общества относительно разныхъ сословій произошла значительная перемѣна, когда даже придворные убѣдились въ пользѣ и преимуществахъ торговаго сословія, и когда французы, переставъ прельщаться одною суетою и питаться однимъ тщеславіемъ, начали, по крайней мѣрѣ, въ правительственной сферѣ, помышлять о дѣлахъ серіозныхъ. Такъ сказано самимъ авторомъ на первыхъ страницахъ „Торгующаго дворянства“. — Несмотря на это, Лассе считаетъ особеннымъ зломъ для государства, если дворянамъ позволено будетъ торговать. Мнѣніе это раздѣляетъ онъ со многими публицистами того времени. Монтескье также находилъ гибельнымъ, если дворяне пустятся въ торговлю. Слова его приведены и въ „Торгующемъ дворянствѣ“ (стр. 12) и въ „Наказѣ“ (№ 330). Какъ у него, такъ и у Лассе были свои политическія причины, основанныя между прочимъ на томъ, что основаніе монархіи — честь, которая преимущественно пріобрѣтается славою оружія. Но у дворянъ, презиравшихъ купцовъ, такого основанія не было. Они просто имѣли въ виду глупое высокомѣріе, барскую спесь и праздность. Дворянину стыдно трудиться — вотъ въ чемъ заключалось коренное ихъ правило.

Противъ этихъ-то замѣчаній маркиза де-Лассе написано „Торгующее дворянство“ (1756). Авторъ его — аббатъ Куайе (Coyer), воспитатель герцога бульонскаго. Онъ доказываетъ пользу, которая произойдетъ для государства, если дворянство

станетъ заниматься торговлею. Такъ какъ авторитетъ Монтескьё служилъ важнымъ препятствіемъ его мнѣнію, то онъ подкрѣпляетъ себя другимъ авторитетомъ — сочиненіемъ Вобана: Système de la dime royale, гдѣ объяснено важное значеніе торговли, которую будутъ производить дворяне.

Въ опроверженіе доводовъ Куайе явилась, 1756 г., книга: „Военное дворянство, или французскій патріотъ". На систему Куайе смотритъ она, какъ на стремленіе къ разрушенію монархіи, которой отличіе по ученію Монтескье — честь, главное сословіе — дворянство, и главное занятіе дворянства — военная служба.

Юсти, нѣмецкій юристъ, перевелъ книгу Куайе, снабдивъ ее своими примѣчаніями. Въ обоихъ авторахъ — Лассе и Куайе — видитъ онъ патріотовъ, но мнѣнію послѣдняго отдаетъ преимущество, хотя и не желаетъ, ради національнаго, нѣмецкаго интереса, чтобы оно возымѣло дѣйствіе; ибо торговля Франціи, и безъ того значительная, при участіи дворянства еще болѣе увеличится, и въ соединеніи съ торговлею Англіи подавитъ развитіе того же предмета въ другихъ странахъ (напр. въ Германіи).

Что заставило Фонъ-Визина взяться за переводъ означенной книги? Мы не думаемъ, чтобы во мнѣніяхъ нашего, современнаго ему, общества относительно значенія сословій купеческаго и дворянскаго произошла значительная перемѣна, о которой говоритъ де-Лассе. Перемѣны не было даже и въ сферѣ правительственной, какъ доказываютъ статьи Наказа, заимствованныя у Монтескьё, о неприличіи торговли для дворянства — статьи, прямо противоположныя мнѣнію Куайе. Думаемъ также, что переводъ не явился бы послѣ обнародованія Наказа, т.-е. послѣ 1767 года: извѣстно, что всѣ просвѣщеннѣйшіе писатели Екатерининскаго вѣка любили въ своихъ мнѣніяхъ сообразоваться съ воззрѣніями императрицы на разные предметы государственнаго устройства, выраженными ею въ Наказѣ. По нашему мнѣнію, для Фонъ-Визина торговля, производимая дворянствомъ, вовсе не имѣла значительности: книга, имъ переведенная, обратила на себя его вниманіе другими сторонами. Онъ видѣлъ въ ней указаніе такихъ недостатковъ французскаго благороднаго сословія, которые безъ малѣйшей натяжки прилагались и къ современному ему благородному русскому сословію. Главнѣйшій изъ этихъ недостатковъ —

превратное понятіе о чести, дошедшее до того, что дворянинъ считалъ за безчестье что-нибудь дѣлать. Слово честь прикрывало другое, совершенно ему противное — *подлость*. Вслѣдствіе спеси, праздности, дурного воспитанія, злонравія, непрямого разума, превратнаго взгляда на должность явились дворяне, не достойные быть дворянами, подлѣе чего Фонъ-Визинъ ничего не могъ себѣ представить. Книга Куайе, наполненная многими сатирическими выходками, дала ему возможность отнести ихъ къ дворянамъ раболѣпствующимъ, которые терзали его сердце. Вотъ что для него было важно.

Укажемъ нѣсколько подобныхъ выходокъ.

На возраженіе, что „дворянская честь весьма нѣжна: не будетъ ли ей то предосудительно, если дворянство вступать будетъ въ купечество?“ — Куайе отвѣчаетъ:

„Сколь ни нѣжна дворянская честь, но она носитъ знатныхъ господъ ливреи, служитъ на ихъ конюшняхъ и въ передяихъ комнатахъ: одинъ титулъ пажа или шталмейстера наводитъ (т.-е. *показываетъ*) на сіи домашнія службы. Купечество же зависитъ отъ одного государства и отъ самого себя“ (стр. 74—75).

„Я, конечно, судьямъ нашимъ не присовѣтую соединить вѣсы купечества съ вѣсами правосудія, столь же мало совѣтовать я буду нашимъ воинамъ, оказавшимъ храбрость свою или могущимъ оказать оную, извлекать мечъ за купечество; но паче многочисленное *дворянство къ праздности осужденное* увѣщевать я буду къ принятію участія въ трудахъ и благополучіи купцовъ“ (стр. 79—80).

Тѣхъ, которые съ удивленіемъ спрашиваютъ: „можно ль тому статься, чтобъ дворяне въ лавкахъ мѣрили и вѣсили?“ Куайе въ свою очередь спрашиваетъ:

„Лучше ли жить имъ въ маленькой деревнѣ безпечно, и *вредить своею праздностью* себѣ, семьѣ своей и всему государству?

„Честь, сія страсть благородныхъ душъ, сіе къ великимъ дѣламъ побужденіе, не всегда по истинному ея свойству представляется. Дворянство родилося для чести: сіе внушаютъ ему съ младенчества. Предразсужденіе ихъ въ томъ утверждаетъ, и они съ прискорбностью спрашиваютъ о томъ, не безчестно ли купечество. — Что до меня касается, то я еще вопросъ предлагаю: состоитъ ли въ томъ честь, чтобъ имѣть участіе въ преимуществахъ своего отечества, дать людямъ полезное упражненіе, земледѣліе приводить въ цвѣтущее состояніе, до-

ставить деньгамъ хожденіе въ государственномъ корпусѣ, возставить общую повѣренность (т.-е. *кредитъ*) и возвысить счастіе государства въ такомъ свѣтѣ, который отъ васъ хотѣла скрыть натура" (стр. 89—90).

„Но что будетъ изъ дворянскихъ преимуществъ, если дворяне будутъ торговать?

Дворяне могутъ, какъ прежде, развѣсить свои гербы и оказывать неудовольствіе мѣщанамъ; могутъ говорить о своихъ предкахъ, когда ихъ о томъ не спрашиваютъ; могутъ сохранить первый слогъ, прибавляющійся къ ихъ фамиліи, проливать кровь шпагою, начинать и дѣлать поединки, сохранять освобожденіе свое отъ подати съ тѣмъ, чтобъ оныя платить подъ другимъ именемъ, итти въ монахи въ дворянскіе монастыри, для доставленія всѣмъ благороднымъ вѣчнаго блаженства, скакать съ собаками по полямъ, носящимъ созрѣлые плоды, бить бѣдныхъ крестьянъ, а иногда и убивать ихъ до смерти. Можно возвратить имъ нѣкоторыя и изъ потерянныхъ ими преимуществъ, какъ-то: достигать вышнихъ наукъ въ высокихъ училищахъ въ короткое время, обходиться съ оружіемъ, различать себя отъ простыхъ людей и многія другія преимущества" (стр. 104—105).

„Есть нація (англичане), которая влюблена была столь же въ свое происхожденіе и знатность крови, какъ и наша. Голова наполнена у нихъ была рыцарствомъ, поединками, крестными (*крестовыми*) походами, увеселеніемъ, великолѣпіемъ, пажами, ливреею, праздностью и всѣми добродѣтелями, знатнымъ особамъ приличными. Тотъ, который бы предложилъ имъ о купечествѣ, конечно бъ посаженъ уже былъ въ дурацкій домъ. Нынѣ дворяне сей націи защищаютъ отечество свое шпагою и обогащаются купечествомъ" (стр. 116—117).

„Всѣ состоянія государства подаютъ поводъ къ честолюбію. Юристъ можетъ достигнуть до вышняго слоя въ судебномъ мѣстѣ; воинъ до чиновъ воинскихъ, церковный служитель до священства. Одинъ купецъ не имѣетъ никакого сіянія въ своихъ предѣлахъ, и обязанъ оставить купечество, если, какъ французы говорятъ, хочетъ онъ *быть чѣмъ*. Сіи худо понятыя слова великій причиняютъ вредъ. Чтобъ *быть чѣмъ*, остается дворянство по большой части *ничѣмъ*" (стр. 132).

Такъ образованнѣйшій писатель Екатеринина вѣка, радѣя о возвышеніи упадшихъ душъ дворянъ, поставилъ честь —

отличительное ихъ свойство — первымъ нравственнымъ качествомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ безпорочность и добродѣтель, и въ человѣкѣ честномъ видѣлъ идеалъ человѣческаго достоинства. Онъ показывалъ дворянству превратное его понятіе о благородствѣ и своихъ выгодахъ, обличалъ его невѣжество и злонравіе, требовалъ отъ него прямого разума, исполненія обязанностей, трудолюбія, истинной любви къ отечеству, готовой на безкорыстіе и жертвы.

Галаховъ.

Какое содержаніе давало для комедіи время Екатерины II.

Какое же содержаніе могло дать комедіи время Екатерины, и какъ понимали въ то время самую комедію?

Смѣсь началъ истинной образованности и прежняго невѣжества поразительно столкнулись въ обществѣ Екатеринина вѣка: новыя начала жизни составляли рѣзкій разладъ съ преданіями прежней жизни. Мы говорили, что со времени Петра Великаго до Екатерины II Россія окрѣпла матеріально. Образованность, которую мы приняли отъ Европы, была очень немногосложна, и большая часть народа чуждалась образованія. Признаки образованности, и то внѣшніе, были; внутреннихъ же, духовныхъ, не было. И посреди этихъ обстоятельствъ является Екатерина Великая сильнымъ двигателемъ нашего общества. Трудно сказать что-нибудь общее объ этомъ времени, представить какую-нибудь вѣрную его характеристику. Съ одной стороны, прежняя жизнь достигла полнаго политическаго блеска, основаннаго на началахъ старинной жизни, нисколько не утративъ своего главнаго признака, съ другой — появляется сильное вліяніе новаго ученія, европейскаго духа, литературы, философіи. Особенно замѣтно столкнулись два послѣдніе признака: поверхностная необразованность и европейская цивилизація съ французскою утонченностью. Высшій классъ отличался послѣднимъ и былъ нововводителемъ; низшій былъ таковъ же, какъ и теперь, а средній (понимая подъ этимъ словомъ одно среднее дворянство) прикрывалъ недостатки образованія французскими отрывочными словами, фижмами и кафтаномъ; онъ не имѣлъ оригинальности ни одного, ни другого. — Эти-то герои выпали на долю Фонъ-Визина, и онъ

сдѣлалъ имъ честь „Бригадиромъ“ и „Недорослемъ“. — Еще при императрицѣ Елизаветѣ Европа считала Россію державою полу-азіатскою, хотя и давно вошла въ сношенія съ нею. Съ виду мы давно казались европейцами: на головѣ у насъ былъ тупей съ длинною косою, вложенною въ кошелекъ, мы щеголяли во французскихъ кафтанахъ съ пуговицами разныхъ сортовъ, въ глазетовыхъ и шелковыхъ камзолахъ, въ кружевныхъ манжетахъ, въ башмакахъ, въ треугольныхъ шляпахъ. Длинная коса, рогатый тупей или безчисленное множество буклей, манжеты, закрывающія всѣ пальцы рукъ, широкія серебряныя пряжки на тупоносыхъ башмакахъ, бамбуковая трость съ металлическимъ набалдашникомъ, были признаками щеголя. Ассамблеи, учрежденныя Петромъ Великимъ, имѣли важное вліяніе на русскіе нравы: они нанесли окончательный ударъ прежнимъ обычаямъ. Это полезное учрежденіе вызвало дамъ въ гостиныя, дало права женщинѣ, и, вслѣдствіе этого, возникла свѣтская жизнь. Ассамблеи превратились въ soirées dansantes, балы, концерты и маскарады. Танцы были самымъ взыскательнымъ искусствомъ. Мужчины, посыпавъ голову пудрой, принялись за свой многосложный туалетъ; прабабушки наши затянулись въ корсеты и фижмы, надѣли длиннохвостые роброны, фуро, фуро-ферме, левиты, полонезы, жилеты, сертуки съ тремя разноцвѣтными воротниками. Безъ колецъ и перстней, перчатокъ и вѣера, никакая дама не смѣла войти въ гостиную. Надѣвъ черевики съ высокими каблуками и нарумянившись, какъ нынче не румянятся и купчихи, наши дамы изучили жеманные книксены у балетмейстеровъ, и протянули свои ручки къ русскимъ петиметрамъ, которые, шаркая и раскланиваясь, цѣловали эти милыя ручки со всевозможной осторожностью. Въ саду Сухопутнаго шляхетнаго корпуса дозволялось гулять два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ; въ эти два дня въ одной изъ бесѣдокъ предлагались любителямъ политики и словесности газеты, вѣдомости, журналы, на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; въ томъ же саду находились бильярдъ, фортунка и качели; гуляющіе могли за деньги получать оржадъ, лимонадъ, мороженое, шоколадъ, кофе, чай, конфеты и разные плоды; тамъ же была ресторація, въ которой готовили обѣды и ужины цѣною по рублю, по полтинѣ и по тридцати копеекъ съ посѣтителя, кромѣ вина... Дворянство начало ѣсть телятъ, зайцевъ, голубей, кроликовъ,

колбасы, салатъ, — начало нюхать и курить табакъ. Мы усвоили себѣ экипажи по французскому образцу и сбрую подъ вліяніемъ польской изобрѣтательности. Впереди парадныхъ экипажей знатныхъ и достаточныхъ людей ѣздили вершники, одѣтые по-гусарски или по-казацки. Скороходы иногда исполняли эту должность, а гайдуки исправляли иногда должность лакеевъ. Въ это же самое время мы не на шутку заговорили по-французски, фантазировали кое-какъ на клавикордахъ и танцовали въ собраніяхъ... Такимъ образомъ, внѣшность была приготовлена на европейскій образецъ; но кое-гдѣ прорывался востокъ. Нужно было одушевить картину, и одушевленіе началось съ царствованія императрицы Екатерины II.

Вотъ общество, которое представлялось Фонъ-Визину. Единства въ немъ не было. Политика, побѣды и матеріальная жизнь увѣнчиваютъ полнымъ блескомъ старинную роскошную, открытую боярскую, спесивую жизнь; но съ этимъ мы видимъ и появленіе образованности, уже настоящей, а не внѣшней. Столкновеніе этой образованности съ прежнею грубостью, или лучше, соединеніе внѣшняго лоска образованія и прежней неподвижности составляетъ характеръ героевъ Фонъ-Визина; онъ не коснулся двухъ остальныхъ классовъ народа — самаго высшаго, который съ внѣшностью усвоилъ себѣ и начала образованности, и низшаго, не усвоившаго себѣ ни началъ, ни внѣшности.

Дудышкинъ.

Образованность русскаго дворянства въ XVIII столѣтіи.

На дворянствѣ лежала обязанность учиться. Посылка дворянскихъ дѣтей за границу для обученія началась еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ первый разъ отправлено было изъ комнатныхъ стольниковъ: въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22. Большая часть изъ нихъ отправились въ началѣ 1697 г. Въ августѣ того же года Петръ Великій изъ Амстердама писалъ къ Виниусу: „Стольники, которые прежде насъ посланы сюда, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ премѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ статъ“ (Пекарскаго: Т. I.; Устрялова: Т. II, стр. 425). Родители посылали своимъ дѣ-

тямъ, отправленнымъ за море въ науку, большія суммы денегъ, отчего тѣ жили тамъ въ волѣ и холѣ, гуляли, мало занимаясь наукой. Петръ Великій въ 1710 г. запретилъ посылать деньги за границу помимо адмиралтейскаго приказа (П. С. № 2. 292). Но дворяне за моремъ все-таки плохо занимались наукой. Кононъ Зотовъ въ 1715 г. писалъ Петру изъ Франціи: „не худо бы было, если бы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать латинистовъ изъ средней статьи людей, т.-е. не изъ *породныхъ*.... Для того, что вездѣ породные презираютъ труды" (Пекарскаго: Т. 1, стр. 157); но Петръ не переставалъ посылать за море людей *породныхъ*. Въ 1716 г. онъ писалъ: „понеже мы получили вѣдомость изъ Италіи, что нашихъ въ Венеціи въ морскую службу принять хотятъ, также нынѣ изъ Франціи отозвались, что и тамъ ихъ примутъ же: того для велите какъ наискорѣе въ С.-Петербургѣ отобрать изъ школьниковъ *лучшихъ дворянскихъ дѣтей* и привезть въ Ревель и посадить на корабляхъ съ первыми вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, Францію и Англію по 20 человѣкъ" (П. С. № 2. 999). Но, вырвавшись на свободу, русскіе молодые дворяне, какъ выражается пр. Соловьевъ, на западѣ Европы позволяли себѣ такое же поведеніе, къ какому привыкли въ лѣсахъ и степяхъ Европы восточной. Кононъ Зотовъ продолжалъ сообщать царю самыя неутѣшительныя о нихъ свѣдѣнія. А въ 1717 г. онъ извѣщалъ царя: „Г. маршалъ д'Эгре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся между собою и бранятся таковою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги". Въ сентябрѣ новое письмо: „Гардемаринъ Глѣбовъ покололь шпагою гардемарина Барятинскаго и за то подъ арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ, лицомъ къ лицу" (Соловьева: Т. XVI, стр. 30).

Посылки въ заграничную науку дворянскихъ недорослей были для нихъ великой тяжестію, *сущимъ несчастіемъ* (такъ выражался одинъ изъ посланныхъ, Вас. Вас. Головинъ). Чтобъ избавиться отъ нихъ, они поступали иногда въ монахи. Такъ одинъ вологодскій помѣщикъ Ив. Марковъ, посланный въ Ве-

нецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся въ монахи одного с.-петербургскаго монастыря. Но стѣны православной обители не спасли его отъ заморской науки: великій просвѣтитель Россіи велѣлъ взять изъ монастыря іеродіакона Іоасафа и послать его изучать навигацію (Соловьева: Т. XVII, стр. 306).

Отправляя дворянскихъ дѣтей въ науку за границу, Петръ Великій не забывалъ и оставшихся дома, постоянно принуждая ихъ учиться. А учиться куда какъ было нужно: многіе дворянскія дѣти, по свидѣтельству Данилова, грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали (стр. 14). Въ 1714 г. повелѣно было во всѣ губерніи послать по нѣсколько учениковъ изъ математическихъ школъ. Въ архіерейскихъ домахъ и при монастыряхъ образованы были школы, въ которыхъ дворянскіе и приказные дѣти отъ 10—15 лѣтъ должны учиться цыфири и нѣкоторой части геометріи. Учителя во время ученія не могли брать съ учениковъ плату, а по выучкѣ они выдавали свидѣтельства, при чемъ въ пользу ихъ взималось по рублю. Безъ изученія цыфири и нѣкоторой части геометріи нельзя было дворянину жениться. Поэтому, безъ свидѣтельства изъ школы, священники не могли выдавать вѣнечныхъ памятей (П. С. № 2. 762, 2. 778). Дѣти же знатныхъ дворянъ (не исключая губернаторскихъ и др. начальниковъ) отъ 10 лѣтъ высылались въ школы въ С.-Петербургъ (П. С. № 2. 968), а если родители укрывали ихъ, то съ нихъ взимался штрафъ (П. С. 2. 497). При гвардейскихъ полкахъ учреждены были также школы, въ которыхъ обучались малолѣтки, записанные въ полки. Остальные распредѣлялись между другими школами. Петръ Великій установилъ комплектъ учениковъ изъ дворянскихъ недорослей въ академіяхъ: въ С.-Петербургѣ 300, въ Геодезіи 30, въ Москвѣ 500 человѣкъ (П. С. № 4. 863). Онъ самъ наблюдалъ за распредѣленіемъ между ними шляхетскихъ недорослей. Адмиралъ Мордвиновъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что по вторичномъ смотрѣ и разборѣ недорослей самимъ государемъ, онъ, будучи 13 лѣтъ, былъ записанъ въ новгородскую школу для обученія цыфирной наукѣ, а потомъ, въ числѣ 84 человѣкъ дворянъ, онъ былъ отосланъ для обученія въ Нарву. Въ октябрѣ того же года именнымъ указомъ всѣ они были взяты въ С.-Петербургъ и опредѣлены въ Академію съ прибавленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ

Москвы съ Сухаревой башни (стр. 9). Петръ Великій строго слѣдилъ, чтобы дворяне исполняли его приказаніе объ обученіи своихъ дѣтей. Однимъ указомъ онъ повелѣлъ опредѣлить дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ на Сухареву башню для изученія мореплаванія. Но родители отдали ихъ въ Заиконоспасское училище. Петръ Великій былъ такъ раздраженъ этимъ ослушаніемъ, что повелѣлъ всѣхъ учениковъ дворянъ изъ Спасскаго монастыря отправить въ С.-Петербургъ и заставилъ ихъ тамъ бить сваи на Мойкѣ. Гр. Апраксинъ, узнавъ о приближеніи монарха къ пеньковымъ амбарамъ, снялъ съ себя андреевскую ленту, мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и началъ самъ вбивать сваи. Приблизившійся государь сказалъ: „Ѳедоръ Матвѣевичъ, ты адмиралъ и кавалеръ, какъ же ты вбиваешь сваи?“ — „Государь“, отвѣчалъ Апраксинъ, „здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата, а я что за человѣкъ? Какое имѣю въ родѣ преимущество“ (Б.-Каменскаго Словарь: Т. I, стр. 58).

Мы видѣли, какъ вели себя молодые русскіе дворяне, посланные въ науку за границу. Туго учились они и въ русскихъ школахъ. Оторванные отъ деревенскаго приволья, гдѣ до 15-лѣтняго возраста считали ихъ дѣтьми малыми — неразумными, которымъ нянюшки и дядьки изъ холоповъ вбивали въ голову барскую спесь и презрѣніе къ труду, какъ дѣлу холопскому, какъ могли они трудиться въ школахъ и учиться наукамъ? Нѣкоторые изъ нихъ въ деревнѣ хаживали на медвѣдя, другіе тѣшились кулачными боями, а иные попривыкли и къ чарочкѣ: удивительно ли, что въ школахъ по два дня ихъ сѣкли батогами (Веселаго: Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса — цитата изъ Пекарскаго)

Преемники Петра, хотя съ меньшей энергіей, но продолжали его заботы объ обученіи шляхетства. Объ этомъ мы встрѣчаемъ указъ Екатерины I (П. С. № 4. 863), но особенно заботится о томъ Анна Іоанновна или, правильнѣе сказать, ея великій пособникъ — Минихъ. Число школъ въ губерніяхъ было увеличено, и малолѣтки-дворяне обучались въ нихъ, кромѣ грамоты и наукъ, воинской экзерциціи, а которые изъ нихъ были бѣдны, тѣмъ при школахъ выдавалось жалованье, противъ солдатскихъ дѣтей (П. С. № 6. 949). Учрежденъ былъ на опредѣленное число дворянскихъ дѣтей Сухопутный шляхетный корпусъ. Образована артиллерійская школа, въ которую герольдмейстеромъ представлено 700 человѣкъ ты[-] ян-

скихъ дѣтей (Данилова: стр. 30). Мы видѣли, что по закону 1737 г., опредѣлившему порядокъ явки на смотръ дворянскихъ недорослей, во второмъ смотрѣ, въ 12 лѣтъ, они должны были знать чтеніе и письмо, на третьемъ, въ 16 лѣтъ, кромѣ закона и артикуловъ православной вѣры — ариѳметику и геометрію. Родители, желавшіе и имѣвшіе средства продолжать обученіе дѣтей дома, могли брать ихъ къ себѣ и съ третьяго смотра, а иначе шляхетскіе недоросли отдавались въ академію, въ которой обучались географіи, фортификаціи и исторіи. Невыучившіеся до 3-го смотра ариѳметикѣ и геометріи отдавались безъ выслуги въ матросы (П. С. № 7.170 и др.). Но исполняли ли родители требованіе закона 1737 г.? Въ 1743 г. Синодъ сообщилъ вѣдѣніемъ Сенату, что россійскіе дворяне (и прочихъ чиновъ люди) дѣтей своихъ обучаютъ только часовнику и псалтыри, а не катехизису, отчего дворянскія дѣти не знаютъ основаній православной вѣры. Родителямъ вмѣнено въ обязанность обучать своихъ дѣтей катехизису, а за неисполненіе этой обязанности велѣно въ губерніи губернаторамъ, а въ провинціяхъ воеводамъ брать штрафъ за каждаго человѣка изъ шляхетства по 10 р., а прочихъ — по 2 р. (П. С. № 8. 726).

Съ учрежденіемъ Московскаго университета произошла коллизія между обязанностію службы и обученія. Коллизія эта, благодаря участію Ив. Ив. Шувалова, разрѣшилась въ пользу образованія. „Главное препятствіе въ достиженіи способныхъ людей, по моему мнѣнію", доносилъ Сенату первый кураторъ Московскаго университета „состоитъ въ томъ, что дворянскія дѣти въ такихъ лѣтахъ, когда должно приготовляться, чтобъ быть годными къ службѣ, во оную вступаютъ, имѣя многіе способы происходить по случаю, а не по достоинству" (Чтенія кн. 3-ья, 1858).

Ходатайство Шувалова было уважено, и дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, *отпущались* въ Императорскій Московскій университетъ для обученія наукъ, такъ напр. Фонъ-Визинъ, записанный 10 лѣтъ въ Семеновскій полкъ солдатомъ, въ томъ же, 1754 г., *отпущенъ* былъ въ университетъ. Въ полку за обученіе производили его въ чины, а въ университетѣ сдѣлали студентомъ (соч. Фонъ-Визина, изд. Ефремова стр. 15). Но дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, а въ университетъ студентами, во всякое

время могли быть потребованы герольдмейстеромъ на службу. Въ 1756 г. Московскій университетъ представлялъ Сенату, что многіе ученики изъ дворянъ показываютъ склонность къ наукамъ и успѣваютъ въ нихъ. Но большая часть изъ нихъ записаны въ службу въ молодыхъ лѣтахъ, а другимъ приходитъ время записываться, отчего всѣ они принуждены оставлять университетъ, а вслѣдствіе этого и нельзя ожидать, чтобъ изъ благородныхъ вышли люди ученые. Московскій университетъ предлагаетъ сообщить въ герольдію объ ученикахъ — дворянахъ, записавшихся въ университетъ, чтобъ герольдія дозволила имъ учиться до сколькихъ лѣтъ Сенатъ заблагоразсудитъ. А чтобъ тѣ, которымъ разрѣшено продолжать ученіе въ университетѣ, не могли отбывать ни отъ службы, ни отъ ученія — Московскій университетъ долженъ сноситься о нихъ съ герольдіей. Для тѣхъ же, которые состоятъ въ дѣйствительной службѣ, но желаютъ продолжать ученіе въ университетѣ, постановить, чтобъ старшинство ихъ наблюдалось и въ повышеніяхъ ихъ не обходили, дабы они не потеряли въ полкахъ свое произвождение. Уважая это представленіе, Сенатъ приказалъ: въ университетъ принимать шляхетскихъ недорослей, по желанію ихъ, отъ 7 до 8 лѣтъ, которые уже были на смотрахъ. О числѣ принятыхъ и вновь вступающихъ сообщать въ герольдію. А недорослямъ дозволить учиться въ университетѣ до 16 и даже до 20 лѣтъ; а которые захотятъ быть долѣе 20 лѣтъ, о такихъ докладывать Сенату. А обучающихся недорослей, которые записаны по военной или гражданской службѣ, производствомъ въ чины не обходить (П. С. № 10. 558). Вотъ историческое основание тѣхъ классовъ, которые даются воспитанникамъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Несмотря на обязательное обученіе шляхетства, грамотность между ними распространялась туго. Конечно, между высшимъ дворянствомъ выводились уже въ 18 вѣкѣ такія *не студерованные* и *грамотѣ неученые*, какіе были между боярами временъ Котошихина (стр. 19). Впрочемъ, о степени образованія нѣкоторыхъ нашихъ сановниковъ первой половины 18 в. можемъ сдѣлать заключеніе по одному указу конца царствованія Анны Іоанновны. Въ 1737 г. повелѣно было всѣмъ кадетамъ дважды въ годъ производить экзаменъ, въ присутствіи одного сенатора. Когда въ 1740 г. наступилъ срокъ этихъ экзаменовъ,

то Сенатъ назначилъ присутствовать при нихъ одному сенатору, старшему чиномъ, генералъ-аншефу Чернышеву. Но генералъ-аншефъ Чернышевъ, *подобно прочимъ сенаторамъ, за необученіемъ другимъ наукамъ, кромѣ военной экзерциціи*, при экзаменѣ могъ быть только безполезенъ; тайный же совѣтникъ Нарышкинъ, *единственный членъ сената, къ этому дѣлу способный*, былъ занятъ другими дѣлами. Вслѣдствіе этого, Сенатъ представилъ государынѣ о назначеніи къ присутствію на экзаменахъ болѣе компетентныхъ лицъ. Высочайшая резолюція постановила производить впредь экзамены генералъ-фельдмаршалу Миниху и учителямъ де-сіансъ, адмиралтейской и инженерной школы, а сенаторовъ къ тому не употреблять (П. С. З. № 8253). Предсѣдатель олонецкаго в. з. суда, полковникъ Николай Тутолминъ, котораго зналъ Державинъ въ 1785 г., по свидѣтельству его, худо разумѣлъ грамоту (Записки Державина, стр. 256). Еще ниже было образованіе женщины въ высшемъ кругу дворянства: въ 18 в. не трудно было встрѣтить женщину въ самомъ богатомъ дворянскомъ семействѣ, едва грамотную и даже вовсе неграмотную. Такъ, напримѣръ, бабка Энгельгардта, имѣвшая болѣе тысячи душъ, едва умѣла читать и писать по-русски (Записки Энгельг., стр. 3). Воззрѣніе на образованіе рядового дворянства охарактеризовалъ Фонъ Визинъ въ своемъ Недорослѣ. Дворянство это, впрочемъ, не имѣло средствъ, если бъ даже и была его добрая воля, получать хорошее образованіе: учебныхъ заведеній было мало, педагогическія средства ихъ были крайне печальныя: извѣстны тѣ учителя новооткрытой Московской гимназіи, у которыхъ учился Фонъ Визинъ — они запивали смертную чашу, часто не позволявшую имъ являться на уроки; извѣстенъ его разсказъ о символическихъ пуговицахъ на кафтанѣ его учителя, знаменующихъ 5 склоненій и 4 пуговицахъ на камзолѣ, знаменующихъ 4 спряженія (Соч. Фонъ-Визина въ изд. Ефремова, стр. XI). Учителя цыфирныхъ и геометрическихъ школъ были и того хуже. О домашнихъ педагогахъ говорить нечего: это были личности въ родѣ пономаря Брудастаго, изображаемаго въ Запискахъ артиллеріи майора Данилова (стр. 38), или артиллеріи штыкъ-юнкера Полетаева, съ которымъ мы встрѣчаемся въ Запискахъ Державина (стр. 10), или въ родѣ тѣхъ иностранныхъ мадамовъ и гувернеровъ, которые въ своемъ отечествѣ были горничными и лакеями, а въ Россіи занима-

лись болѣе уличною торговлею, чѣмъ преподаваніемъ, о которыхъ говоритъ одинъ указъ 1756 г. (П. С. № 10543). Многіе дворянскія дѣти въ началѣ 18 в. грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а многіе и вовсе ея не разумѣли: на челобитной, поданной Ларіономъ Линевымъ въ вотчинную коллегію, въ 1721 г., о передачѣ недвижимаго имѣнія въ наслѣдіе сыну, вмѣсто неграматнаго просителя, руку приложилъ посторонній (П. С. № 5658).

Много неграмотныхъ дворянъ мы встрѣчаемъ даже во второй половинѣ 18 вѣка. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому могутъ служить наказы дворянскимъ депутатамъ комиссіи 1767 г. Почти въ каждомъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько неграмотныхъ дворянъ, въ чинахъ подпоручика, прапорщика, даже капитана, не говоря уже о вахмистрахъ и солдатахъ. Для примѣра мы укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ наказовъ. Подъ московскимъ наказомъ и *полной мочію*, данными московскому депутату Петру Ивановичу Панину, неграмотныхъ дворянъ мы не встрѣчаемъ — но они подписаны цвѣтомъ русскаго дворянства. Подъ боровскимъ наказомъ 3 подписи другихъ лицъ по прошенію: въ костромскомъ наказѣ, вмѣсто 9 дворянъ, по неумѣнію ихъ грамотѣ, подписался подпоручикъ Иванъ Апитковъ; въ михайловскомъ 80 подписей постороннихъ лицъ по прошенію; въ судиславскомъ 11 постороннихъ подписей, по неумѣнію грамотѣ; въ медынскомъ 8 неграмотныхъ: въ любимскомъ 9; въ ярославскомъ 4 и т. д. (См. 30 дворянскихъ наказовъ въ Сб. р. ист. общ., T. IV.)

При такомъ множествѣ неграмотныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи наказовъ, удивляешься тѣмъ зрѣлымъ и здравымъ понятіямъ шляхетства о своихъ нуждахъ, о потребностяхъ другихъ классовъ, о вопросахъ государственныхъ, съ которыми мы иногда встрѣчаемся и въ наказахъ и въ депутатскихъ заявленіяхъ. Правда, попадаются и такіе наказы, какъ, напримѣръ, Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губ., въ которомъ дворянство сознается, что оно по *скудоумію своему* не можетъ сдѣлать никакихъ представленій объ общихъ нуждахъ, кромѣ того, что имѣются по формѣ судовъ великія продолженія: или какъ кадыковскаго дворянства Костромской губ., въ которомъ оно выставляетъ главнымъ образомъ на видъ неудобства закона 1765 г., запрещающаго привозить въ города вино и водку, отчего дворянство, имѣя штабъ и оберъ-офицер-

скіе чины, принуждено покупать вино въ питейныхъ домахъ съ непристойнымъ запахомъ и специями, что *противно характеру дворянства*. Но это исключеніе. Большая же часть наказовъ, *несмотря на непривычку дворянъ въ семъ упражненіи*, какъ выражается тульское шляхетство, составлены съ большимъ разумѣніемъ и основательностію. Для объясненія этого противорѣчія не забудемъ, что комиссія 1767 г. вызвала къ дѣятельности лучшія силы нашего общества, что въ составленіи наказовъ принимало участіе не большинство шляхетства, но меньшинство, и притомъ меньшинство, состоявшее изъ такихъ лицъ, какъ Панины, Орловы (собственно Гр. Гр.), Болтинъ, Щербатовъ, Бибиковъ и др. Они-то давали тонъ и направленіе комиссіи, они, вѣроятно, и составляли наказы. Но на основаніи этихъ наказовъ мы не можемъ дѣлать заключенія о высокомъ уровнѣ образованія дворянства: даже при Александрѣ I, въ 1801 г., правительство обратило вниманіе на то, что въ полкахъ много дворянъ, не умѣющихъ грамотѣ (П. С. № 19825).

Романовичъ-Славатинскій.

О вольности дворянства.

Настоящую главу мы посвящаемъ обозрѣнію *личныхъ правъ* дворянства, въ ихъ историческомъ развитіи. Мы принимаемъ этотъ терминъ дворянской грамоты и свода законовъ, которые противополагаютъ понятіе личныхъ правъ, присвоеваемыхъ каждому дворянину въ отдѣльности, *правамъ общественнымъ*, принадлежащимъ дворянину, какъ члену, входящему въ составъ дворянскаго общества.

Личныя права дворянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зарождались еще въ московскій періодъ, но они развиваются, главнымъ образомъ, въ періодъ освобожденія ихъ отъ обязательной службы. Въ предыдущемъ періодѣ на дворянствѣ лежали преимущественно обязанности. Если до 1762 года дворянство было *тяглымъ, крѣпостнымъ* состояніемъ, отличавшимся отъ другихъ крѣпостныхъ классовъ только родомъ тягла и крѣпости, то съ 1762 г. оно сдѣлалось состояніемъ *привиллегированнымъ*, отличающимся отъ другихъ непривиллегированныхъ классовъ своими правами и преимуществами.

Понятіе личныхъ правъ дворянства, и самое это слово (*личныя преимущества*), въ законодательство наше вводятся жалованной дворянской грамотой 1785 г. Въ первый разъ въ нашемъ государственномъ строѣ, стоявшемъ на тяглѣ и на повинностяхъ всѣхъ общественныхъ классовъ, появляется классъ людей, личныя права которыхъ признаны и обезпечены закономъ. Въ первый разъ въ нашемъ обществѣ появляется *лицо*, а не *холопъ* — человѣкъ, котораго безъ суда нельзя подвергнуть наказанію, котораго и судъ не можетъ подвергнуть наказанію тѣлесному; котораго безъ суда нельзя лишить имущества, принадлежавшаго ему на правахъ октроированной полной собственности. Начала эти, привнесенныя въ нашъ государственный строй и юридическій бытъ, не могли не имѣть великаго цивилизующаго вліянія на нашу гражданственность. Правда, права эти, пока составляли удѣлъ немногихъ, имѣли видъ привиллегій самаго незначительнаго меньшинства націи. Но въ нихъ, въ этихъ личныхъ правахъ и привиллегіяхъ дворянства, положено было на русскую почву зерно тѣхъ человѣческихъ и общегражданскихъ правъ, которыя въ настоящее время начинаютъ дѣлаться достояніемъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Можно, пожалуй, призадуматься надъ вопросомъ, какой государственный строй лучше и справедливѣе — тотъ ли, который ни въ комъ не признаетъ правъ человѣческой личности, святости и неприкосновенности человѣческаго духа и тѣла, труда и имущества, — или тотъ, который признаетъ эти права въ незначительномъ меньшинствѣ и отдаетъ большинство, массу народа, въ жертву всяческимъ неправдамъ и насиліямъ привиллегированнаго меньшинства. Но если это признаніе человѣческихъ правъ меньшинства является только переходнымъ моментомъ, шагомъ къ признанію ихъ и въ массѣ народа — то историку нельзя не привѣтствовать такого явленія, нельзя не признать его цивилизующимъ. Такимъ явленіемъ были личныя права дворянства.

Многія изъ этихъ личныхъ правъ были октроированы вслѣдствіе заявленія самого дворянства объ ихъ необходимости. Удовлетворила ли бы жалованная грамота всѣмъ желаніямъ сословія, мы не можемъ судить, не зная проекта правамъ благородныхъ, составленнаго дирекціонной комиссіей. Мы только знаемъ, что лица, подобныя ярославскому депутату кн. Щербатову, въ которыхъ, можетъ быть, жива еще была традиція кн. Дм. Мих.

Голицына и другихъ дѣятелей 1730 г., не были удовлетворены тѣми личными правами, которыя октроированы жалованной грамотой. Кн. Щербатовъ думалъ, что если „прямо разсмотрѣть, то россійскій дворянинъ никакихъ правъ не имѣетъ, окромѣ позволенія имѣть деревни и носить шпаги" (Чтенія 1859 г. кн. 3). Недовольство кн. Щербатова высказалось также въ его памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" „исчекли законы, правами дворянскими.... названные, которые болѣе лишніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ, и вообще дѣлаютъ отягощеніе народу" (стр. 92).

Напротивъ, императрица Екатерина II думала, что русское дворянство пользовалось даже до грамоты 1785 г. такими драгоцѣнными правами, какими могло похвалиться дворянство лишь въ немногихъ другихъ странахъ. Но императрицу слишкомъ далеко увлекла полемика съ аббатомъ Шаппомъ д'Отерошемъ, который въ своемъ „Путешествіи въ Сибирь" (1761) говорилъ: „дворянство, закабаленное въ ужасное рабство, вымѣщаетъ его на всемъ народѣ". Екатерина II полемизируетъ съ аббатомъ, нисколько не стѣсняясь исторіей. Она силится доказать, что дворянство никогда не было въ закабаленномъ рабствѣ, что дворянство въ каждой области составляло сословное цѣлое (?), что дворянинъ пользовался свободою дѣлать завѣщанія, заключать договоры съ государями объ обмѣнѣ земель и т. п. (Осмнадц. вѣкъ: кн 4-я, стр. 326 „Антидотъ"). Нѣкоторые иностранные писатели, посѣщавшіе Россію въ концѣ царствованія Екатерины II, находили, что если бы привиллегіи, пожалованныя императрицей дворянству, неприкосновенно исполнялись, то ни въ какой странѣ дворянство не пользовалось бы большими правами. Но, разбирая §§ жалованной грамоты, они находили, что фактъ и право далеко расходились между собою (Voyage de deux Francais dans le Nord d'Europe, fait en 1790—1792. T. IV. Ch. III). Дѣйствительно, привиллегіи дворянства не только нарушались, какъ напр. при Николаѣ I, не только многіе изъ нихъ были мертвою буквою, но нѣкоторыя существеннѣйшія изъ этихъ привиллегій даже вовсе были отмѣнены Павломъ I. Правительство въ такихъ случаяхъ стояло на своемъ правѣ: оно давало или отнимало, по своему благоусмотрѣнію. Петръ III освободилъ отъ обязательной службы, Павелъ I считалъ нужнымъ возвратиться къ ней; Екатерина II освободила отъ тѣлесныхъ наказаній, Па-

велъ I началъ подвергать имъ. Θедоръ Іоанновичъ даровалъ крѣпостныхъ крестьянъ, Александръ II отнялъ ихъ и т. д. Юридической подстилки, какъ у дворянства феодальнаго, права нашего дворянства не имѣли — тяжбы и процесса съ верховною властію за нарушеніе ихъ дворянство наше вести не могло. Подстилка правъ русскаго дворянства всегда была *политическая;* верховная власть надѣляла однимъ правомъ, лишала другого, смотря по потребностямъ государства.

Мы сказали, что нѣкоторыя изъ личныхъ правъ дворянства зародились еще въ московскомъ періодѣ. Но формулируются они въ дворянской грамотѣ, откуда переходятъ и въ сводъ законовъ. Дворянская грамота перечисляетъ довольно много личныхъ преимуществъ дворянства (36). Существеннѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Вольность и свобода — въ смыслѣ освобожденія отъ обязательной службы (§§ 17, 18, 19 и 20).

2) Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, распространяемая на дворянъ, служащихъ въ нижнихъ чинахъ военной службы (§§ 15 и 16).

3) Право поземельной собственности и другія преимущественныя права (§§ 21—23, 26, 33 и 34).

4) Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговыми операціями (§§ 26—32).

5) Свобода отъ личныхъ податей (§ 36), свобода деревенскаго помѣщичьяго дома отъ постоя (§ 35). А о свободѣ отъ рекрутчины грамота ничего не говоритъ, но она подразумѣвалась, какъ послѣдствіе свободы отъ обязательной службы.

6) Всѣ эти личныя права дворянства обезпечивались неприкосновенностію дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властію (§§ 5, 6, 8 и 14).

Но важнѣйшимъ личнымъ правомъ дворянства — дворянскимъ по преимуществу было владѣніе крѣпостными крестьянами. Жалованная грамота о немъ не упоминаетъ, такъ какъ оно вполнѣ уже опредѣлилось ко временамъ ея изданія. Разсмотрѣніе этого права составитъ предметъ слѣдующей главы нашего изслѣдованія, а настоящую главу мы посвятимъ изученію всѣхъ другихъ личныхъ правъ.

1. Изъ вольности и свободы, въ смыслѣ освобожденія отъ обязательной службы, развились права и преимущества дворянства по службѣ государственной: обязанность служилаго

класса и шляхетства нести службу преобразовалась въ право поступленія въ государственную службу и преимущества дворянства во время ея прохожденія, сравнительно съ другими классами. Дворянство главнымъ образомъ поставляло контингентъ чиновъ военныхъ и отчасти гражданскихъ. Законодательство по этому предмету было вѣрно завѣту ярославскаго депутата кн. Щербатова, что дворяне по одному имени своему имѣютъ преимущественное передъ другими званіями право служить отечеству (Сб. Русск. Историч. Общ., т. IV, стр. 149).

II. Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, жалуемыхъ дворянству грамотой 1785 г. — свобода отъ тѣлесныхъ наказаній. Преимуществомъ этимъ дворянство до того времени не пользовалось. Правда, уже въ 17 ст. въ уголовное законодательство начинаютъ вкрадываться нѣкоторыя отличія въ наказаніяхъ людей, сообразно ихъ различнымъ чинамъ. Но отличія эти въ большей части случаевъ были болѣе количественныя, чѣмъ качественныя: за одно и то же преступленіе человѣка меньшаго чина били кнутомъ или плетьми, а большаго чина — плетьми и батогами. Соборное уложеніе (Гл. XXI, ст. 47) постановляетъ, что по оговору языка на дворянина и людей его пытать прежде людей, а буде они покажуть на своего господина, то пытать и его. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ уложеніе допускаетъ даже качественное различіе въ наказаніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ гл. о судѣ (X) постановлялось: за неправый судъ на думныхъ людей налагался штрафъ и отнималась у нихъ часть, а людямъ недумнымъ чинили торговую казнь; за поддѣлку судебнаго протокола дьяка били кнутомъ, а подьячему отсѣкали руку. Но тѣмъ не менѣе по исконному московскому порядку служилые люди всѣхъ безъ изъятія чиновъ, будучи холопами царя, равно подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ. Политическая программа Юрія Крижанича — серба и католика, переѣхавшаго въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ и потомъ сосланнаго въ Сибирь — чтобы князья, бояре и боярскія дѣти могли писаться полными, а не уничижительными именами, были освобождены отъ наказанія кнутомъ и батогами, клейменія, отнятія члена, пытки и смертной казни, а наказывались бы только ссылкой и отнятіемъ почестей и должностей — программа эта была исполнена по истеченіи цѣлаго столѣтія, послѣ ея составленія — при Екатеринѣ II (Н. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 77).

III. Жалованная грамота подтверждаетъ дворянству право поземельной собственности и даетъ ему нѣкоторыя новыя имущественныя права.

Въ 17 ст. помѣстья и вотчины хотя продолжаютъ различаться между собою по названію, но въ сущности представляютъ одинъ и тотъ же видъ поземельнаго владѣнія: начала вотчиннаго владѣнія проникаютъ въ помѣстную систему, начала помѣстной системы входятъ во владѣніе вотчинами. Въ сущности какъ помѣстья, такъ и вотчины представляютъ *несвободную поземельную собственность* въ томъ именно смыслѣ, что на обладателяхъ ею лежитъ повинность обязательной службы государству, а самое обладаніе обусловливается этою службою. Точнѣе сказать, поземельное владѣніе въ 17 ст. возможно было только подъ условіемъ службы государству (Градовскаго: Исторія мѣстнаго управленія). Естественное послѣдствіе такого порядка вещей состояло въ томъ, что какъ помѣстья, такъ и вотчины, по уложенію, преимущественно и почти исключительно, могли принадлежать только лицамъ, служащимъ царю. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этихъ лицъ, вотчинами могли владѣть только гости, которымъ иногда жаловались и помѣстья. Но гости иногда получали также значеніе служилыхъ людей. Притомъ, послѣ уложенія, въ 1666 г., даже гостямъ запрещено было покупать вотчины. Такимъ образомъ, въ 17 ст. поземельное владѣніе сосредоточивается въ рукахъ одного служилаго класса. Отсюда былъ прямой выводъ для законодательства 18 вѣка: *поземельное владѣніе можетъ принадлежать только лицамъ дворянскаго сословія.*

Слившись фактически въ 17 в. въ одинъ видъ поземельнаго владѣнія, помѣстья и вотчины сливаются и юридически въ началѣ 18 в.—законами Петра I и Анны Іоанновны. Петръ Великій помѣстья и маетности смоленской шляхты предоставилъ ей въ вотчину еще въ 1701 году (П. С. З. № 1845). Закономъ 1714 г. Петръ Великій установилъ одинъ и тотъ же порядокъ единонаслѣдія, какъ въ помѣстьяхъ, такъ и въ вотчинахъ. Дворяне въ 18 в. толковали этотъ законъ, какъ изящнѣйшее благодѣяніе, которымъ Петръ Великій всѣ помѣстныя дачи дворянамъ въ собственность (это понятіе слилось съ понятіемъ вотчины) пожаловалъ (Размышленіе о неудобствахъ дать свободу крестьянамъ. 1785 г. Чт. кн. 3-я 1861 г.). Но едва ли такъ понималъ законъ 23 марта 1714 г. виновникъ его. За-

кономъ этимъ Петръ Великій освятилъ только то, что уже установилось фактически — соединилъ помѣстья съ вотчинами и нѣкоторыми другими имуществами подъ общимъ названіемъ *имуществъ недвижимыхъ*. Анна Іоанновна, отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи, подтвердила это соединеніе. Но соединеніемъ помѣстій съ вотчинами едва ли выиграли права поземельной собственности дворянства — скорѣе это соединеніе было въ интересѣ распространенія регальныхъ правъ государства на всякое поземельное владѣніе, окончательнымъ торжествомъ того порядка, который вырабатывался уже въ 17 ст. — подчиненіе условіямъ ограниченнаго помѣстнаго владѣнія, владѣнія полнаго и вотчиннаго.

Какія же лица могли обладать недвижимыми имуществами на правѣ полной собственности, если только таковое право у насъ существовало до Екатерины II? Петръ Великій не разрѣшилъ этого вопроса: вопросъ разрѣшался постепенно въ теченіе послѣдующаго времени, и примѣнительно къ недвижимымъ имуществамъ разнаго рода.

1. Что касается *недвижимой поземельной собственности*, лежащей не въ городахъ, но въ уѣздахъ, то уже въ 17 ст. она могла принадлежать только *царскимъ чиновнымъ людямъ*. Мы знаемъ, что изъ этихъ царскихъ чиновныхъ людей при Петрѣ Великомъ образовалось *шляхетство*, раздѣлявшееся на *потомственное* и *личное*. О правѣ дворянъ потомственныхъ на владѣніе уѣздными землями не могло быть никакого сомнѣнія. Но могли ли уѣздныя земли принадлежать личнымъ дворянамъ? Законодательство Петра Великаго вопроса этого не разрѣшало. Въ законахъ же, изданныхъ Анной Іоанновной и Елизаветой Петровной, вопросъ этотъ разрѣшается даже отрицательно: поземельная собственность, лежащая въ уѣздѣ, *можетъ принадлежать только потомственнымъ дворянамъ*, съ устраненіемъ отъ нея лицъ прочихъ состояній, и даже личныхъ дворянъ. Но запрещеніе личнымъ дворянамъ владѣть поземельной собственностію направлено было только на новое пріобрѣтеніе ея, но не на ту, которою они уже владѣли. Это ясно выражено въ межевыхъ инструкціяхъ 1754 и 1766 гг.: утверждая права на поземельную собственность, которою уже владѣли дворяне личные, инструкціи эти воспрещаютъ имъ новое пріобрѣтеніе ея.

Жалованная грамота окончательно освящаетъ право благо-

родныхъ — потомственнаго дворянства — на поземельную собственность. Она представляетъ имъ право именоваться и писаться помѣщиками и вотчинниками своихъ помѣстій и вотчинъ родовыхъ, благопріобрѣтенныхъ и жалованныхъ (П. С. № 16187, § 21).

Основаніе исключенію лицъ недворянскаго происхожденія владѣть поземельною собственностью завѣщано законодательству 18 в. предшествовавшимъ временемъ. Разумъ этого основанія заключается въ томъ, что на дворянствѣ лежала обязательная служба государству, за отбываніе которой оно владѣло землями съ прикрѣпленными къ нимъ крестьянами. Съ этой точки зрѣнія, исключеніе лицъ тѣхъ и другихъ состояній на которыхъ не лежала обязательная служба, находило себѣ оправданіе. Но какъ только обязательная служба была снята съ дворянства, исключительно принадлежавшее ему право землевладѣнія сдѣлалось ничѣмъ неоправдываемой привиллегией. Понятно стремленіе законодательства, послѣдовавшаго за отмѣной обязательной службы, распространить право владѣнія уѣздными землями и на лицъ недворянскаго происхожденія. Впрочемъ, законодательство 18 в. сдѣлало только незначительный шагъ на этомъ пути: городовое положеніе дозволило именитымъ гражданамъ имѣть загородные дворы и сады. Рѣшительнѣе шагъ былъ сдѣланъ Александромъ I: указъ 12 декабря 1801 г., о которомъ одинъ изъ образованнѣйшихъ его современниковъ, гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, сказалъ, что онъ „есть учрежденіе такой важности и пользы, что можетъ быть поставленъ въ числѣ тѣхъ, кои и не къ лѣтописямъ частнаго народа, но всего человѣчества принадлежатъ“ (Р. Арх. № XI, 1869 г.) — указъ 1801 г. — „преддверіе уничтоженія самаго рабства“ — предоставилъ право пріобрѣтенія всѣхъ земель безъ крестьянъ всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ (П. С. № 20075). Императоръ Николай I въ 1848 г. сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ: онъ разрѣшилъ и крѣпостнымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе всякаго рода недвижимыхъ имуществъ, а въ томъ числѣ и ненаселенныхъ земель — съ согласія ихъ помѣщиковъ (2 е П. С. № 22042). Послѣ этого за дворянствомъ осталось только право владѣть населенными недвижимыми имѣніями, какъ исключительная его привиллегія, которой были лишены другіе общественные классы.

2. Домами — не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ — лица дворянскаго состоянія могли владѣть и до жалованной грамоты, которая только подтверждаетъ имъ это право (П. С. № 16187, § 30). Относительно способа пользованія городскими домами было не въ обычаѣ старинныхъ русскихъ баръ отдавать ихъ внаймы, и какъ бы долго ни продолжалось отсутствие хозяевъ, городскія дворянскія палаты стояли пустыми, въ ожиданіи ихъ возвращенія, подобно царскимъ дворцамъ (Вигель, ч. I, стр. 180).

3. Лавками въ городахъ прежде могли владѣть только городские обыватели. Но Екатерина II, въ 1783 г., дозволила всѣмъ, живущимъ въ городахъ, а въ томъ числѣ и дворянамъ, имѣть въ домахъ своихъ лавки и амбары. Жалованная грамота дозволяетъ благороднымъ имѣть въ своихъ городскихъ домахъ рукодѣлие (П. С. № 16187, § 30). На основании этого права, гр. Апраксинъ, въ 1802 г., устроилъ на своемъ дворѣ лавки, положивъ основание существующему и понынѣ Апраксину двору. Но вопросъ о владѣніи лавками въ городахъ все-таки былъ разрѣшенъ законодательствомъ не довольно опредѣлительно. Не было именно выяснено, ограничивается-ли право лицъ, не принадлежащихъ къ городскимъ обывателямъ, владѣніемъ лавками только въ домахъ своихъ, или же они имѣютъ и право пріобрѣтать лавки въ гостиныхъ дворахъ, рядахъ и на рынкахъ? Послѣднее было запрещено законами 1824 и 1826 г. Но зато возникали сомнѣнія и по вопросу уже разрѣшенному законодательствомъ: можетъ ли дворянинъ, безъ записки въ гильдію, пріобрѣтать въ городѣ дома съ лавками? Такъ напримѣръ, жена полковника Воейкова въ 1853 г. должна была записаться въ московское купечество, по случаю покупки дома съ лавками въ Москвѣ. Въ государственномъ совѣтѣ по этому поводу снова былъ возбужденъ вопросъ о правѣ дворянъ владѣть въ городахъ домами съ лавками. Вопросъ былъ разрѣшенъ подтвержденіемъ закона 1783 года — могутъ владѣть безъ записи въ гильдіи. (2. П. С. № 6457).

4. Петръ Великій разрѣшилъ лицамъ всѣхъ состояній учреждать фабрики и мануфактуры. Но эти фабрики и мануфактуры, былъ поставлены подъ строгій контроль мануфактуръ коллегіи, составляли ограниченную собственность ихъ владѣльцевъ. Екатерина II освободила ихъ отъ этого контроля, сдѣлавъ полною собственностью тѣхъ лицъ, которымъ онѣ принадле-

жали. Жалованная грамота ограничила право благородныхъ имѣть фабрики и мануфактуры, предоставивъ имѣть ихъ только въ деревняхъ (П. С. № 16.187 § 28). Пока дворянамъ не дозволялось записываться въ гильдіи, до тѣхъ поръ они безусловно были устранены отъ владѣнія фабриками и мануфактурами въ городахъ. Право это они пріобрѣли въ 1827 году, когда предоставлено всѣмъ дворянамъ, потомственнымъ и личнымъ, имѣть фабрики и заводы въ городахъ, съ запискою въ одну изъ трехъ гильдій; а личнымъ дворянамъ, кромѣ того, было дозволено безъ всякой записки въ гильдію имѣть въ городахъ такъ-называемыя домашнія заведенія.

IV. Право служилыхъ людей заниматься торговлею и разными промышленными операціями было несовмѣстно съ обязательною службой, на нихъ лежавшею. Петръ Великій указомъ о единонаслѣдіи дозволилъ кадетамъ дворянскихъ фамилій итти въ чинъ купеческій, или заниматься какимъ-нибудь знатнымъ художествомъ (П. С. № 2789, § 15). Положеніе регламента главнаго магистрата, что шляхетство, живущее въ городахъ, не числится между гражданами (П. С. № 3708, гл. VII), вѣроятно, относилось не къ кадетамъ: занимаясь торговлею или художествами, они должны были имѣть право приписываться къ одной изъ двухъ гильдій, на которыя раздѣлялось гражданство. Такимъ образомъ, по законамъ Петра, торговлею могли заниматься только кадеты: остальное шляхетство, несшее обязательную службу, отъ нея устранялось. Но подъ торговлею, не дозволенною шляхетству, разумѣлись въ законодательствѣ Петра Великаго купля-продажа *купныхъ* товаровъ, которую могли вести только купцы по профессіи. Но какъ шляхетство, кромѣ своего служилаго характера, имѣло значеніе класса землевладѣльческаго, то ему, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, дозволена была продажа домашнихъ товаровъ — произведеній его деревень.

При Екатеринѣ I, въ 1726 г., мы встрѣтили указъ, разрѣшающій какъ смоленской шляхтѣ, такъ и помѣщикамъ всей имперіи, повсемѣстную продажу продуктовъ деревенскихъ хозяйствъ, съ ограниченіемъ: не вывозить ихъ за границу и не продавать иноземнымъ купцамъ для заморскаго торга (П. С. № 4918). Шляхетству, при первомъ появленіи у насъ векселей, не были запрещены и вексельныя обязательства: первый вексельный уставъ, изданный при Петрѣ II въ 1729 г., не за-

ключалъ въ себѣ безусловнаго запрещенія векселей для шляхетства (П. С. № 5410).

Съ отмѣною закона о единонаслѣдіи, кадеты лишились права записываться въ купечество, что сдѣлалось, такимъ образомъ, безусловно запрещеннымъ для шляхетства. Въ 1736 г. дворянскій недоросль Доможировъ, укрываясь отъ службы, записался въ с.-петербургское купечество. Сенатъ приговорилъ: Доможирова отдать въ солдаты, а съ членовъ с.-петербургской ратуши, записавшихъ его въ купечество, взыскать штрафъ (П. С. № 6945).

Занятіе дворянства торговлей было несовмѣстно съ его обязанностію службы. Послѣ отмѣны обязательной службы было совершенно сообразнымъ съ дѣломъ предоставить ему право записываться въ купечество, но случилось иначе: Екатерина II стремилась, во что бы то ни стало, создать въ Россіи дворянство на манеръ французскаго или нѣмецкаго, считавшаго занятіе торговлей *безславнымъ* для дворянства, и поэтому она приняла начало, которое старалось привить и самому дворянству, что занятіе торговлей *не совмѣстно съ достоинствомъ человѣка благороднаго, дворянина*. Въ своемъ Наказѣ Екатерина II во взглядѣ на то, можетъ ли дворянство заниматься торговлей, слѣдуетъ мнѣнію *нѣкотораго лучшаго о законахъ писателя*, который думалъ, что „противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало.... и противно существу самодержавнаго правленія, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило... и что потому обыкновеніе, дозволившее въ нѣкоторой державѣ торги вести дворянству, способствовало къ приведенію тамъ въ безсиліе прежняго учрежденнаго правленія" (Гл. XIII Наказа, § 330, ср. Esprit Монтескье). Воззрѣнія самого дворянства высказались въ коммиссіи 1767 г. Они были по этому случаю весьма разнорѣчивы: одни изъ депутатовъ смотрѣли на право дворянъ заниматься торговлей съ точки зрѣнія Наказа, а другіе были противоположнаго мнѣнія. Такъ, напримѣръ, ростовскій депутатъ Ѳедоръ Языковъ высказалъ, „чтобъ дворянамъ не давать права производить торгъ и имѣть фабрики, какъ родъ *званія ихъ, имъ не соотвѣтствующій*" (Сб., стр. 163); галицкій депутатъ Юрій Лермантовъ требовалъ, „чтобъ дворянамъ не дозволять обязываться векселями" (Ib. стр. 202). Напротивъ, ярославской депутатъ кн. Щербатовъ заявилъ, чтобы

одному дворянству представлено было право заниматься торговлею не только своихъ домашнихъ, но и другихъ произведений (Iв. стр. 152), а кашинский депутатъ Кожинъ возражалъ галицькому депутату, „что запретить дворянству обязываться съ купцами векселями не только не способно, но и вредно, ибо чрезъ это коммерція можетъ много пострадать" (стр. 208).

Воззрѣние на торговлю, какъ на *недворянское* дѣло, развившееся во французскомъ дворянствѣ и принятое Екатериной II, желавшей, подобно Людовикамъ Франціи, окружить себя своими доморощенными шевалье и жентиломами, начинаетъ проникать въ дворянство; но воззрѣніе это настолько не было въ крови сословія, что въ средѣ его же самого оно встрѣчало отпоръ. Замѣчательна полемика Ф.-Визина въ брошюрѣ о „Торгующемъ дворянствѣ" съ „храбрымъ дворяниномъ" маркизомъ де-Лассе, который доказывалъ, что дворянству *унизительно* заниматься торговлею, и что если дворяне сдѣлаются хоть на время купцами, то въ нихъ пропадетъ рыцарский духъ, составляющий гордость и украшение Франціи. Ф.-Визинъ, какъ ни проникнутъ былъ дворянскими воззрѣніями, думалъ, что *бѣдные дворяне* могли бы безъ ущерба для государства обратиться къ купеческой дѣятельности, предоставивъ войну старшимъ своимъ братьямъ — дворянству богатому (соч. Ф.-Визина, изд. Ефремова: стр. 156 „Торгующее дворянство противу положенное дворянству военному"). Насколько наше дворянство, даже богатое и знатное, не брезгало впослѣдствіи, когда это было разрѣшено ему, записываться въ гильдіи, видно изъ замѣтки Гакстгаузена, который зналъ даже сенаторовъ (feu le sénateur de Rakhmanoff), которые, по отставкѣ, записывались въ первую гильдію (Etudes V. 3 me, p. 63).

Но если торговля вообще и запрещалась нашему дворянству, то, имѣя право винокуренія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣло право подряда на поставку вина.

Жалованная грамота, подтвердивъ прежнее право дворянъ продавать произведенія ихъ деревенскихъ хозяйствъ (§ 27), расширила его тѣмъ, что предоставила имъ право произведенія эти отпускать оптомъ за границу (§ 32).

Что касается права дворянъ записываться въ гильдіи, то вопроса этого жалованная грамота не разрѣшаетъ ни положительно, ни отрицательно. Но она предоставила дворянамъ

пользоваться городовымъ правомъ (§ 13). Городовое же право, по городской грамотѣ 1785 г., дозволяло всякому, какого бы кто состоянія ни былъ, объявивъ капиталъ, записаться въ гильдію (П. С. З. № 16188, § 92). Поэтому нѣкоторые дворяне и начали записываться въ гильдіи.

V. Жалованная грамота освобождаетъ дворянство отъ личныхъ податей (§ 36). Она освящаетъ то, что образовалось исторически. Личной обязанностію служилаго класса была служба; личныя подати и повинности составляли обязанность другихъ общественныхъ классовъ — въ собственномъ смыслѣ *тяглыхъ*. Это самое служитъ основаніемъ освобожденія отъ личныхъ податей шляхетства въ 18 вѣкѣ; освобожденіе это дѣлается уже впослѣдствіи, по отмѣнѣ обязательной службы, *сословной привилегіею, на достоинствѣ дворянскаго званія* основанной. Но насколько — по воззрѣніямъ Петра Великаго свобода шляхетства отъ податей обусловливалась его обязательною службою государству, видно изъ одного указа 1710 г., которымъ велѣно было переписать дворянъ во всѣхъ губерніяхъ и которые изъ нихъ будутъ къ службѣ негодны, тѣхъ обложить денежными окладами, подобно дворянамъ Ингерманландской губерніи (П. С. З. № 2251). Когда за основаніе податной системы была принята *душа*, какъ окладная единица, то для приведенія въ извѣстность этихъ окладныхъ единицъ, указомъ 1718 г. велѣно было произвести ревизію (П. С. З. № 3245). Въ ревизскія сказки внесены были только души, обложенныя податью. Ревизія, такимъ образомъ, установила строгое различіе между податными общественными классами, записанными въ ревизскія сказки, и неподатными, въ сказки незаписанными. Не весьма справедливо, поэтому, одинъ изслѣдователь назвалъ разборомъ *государственныхъ сословій*. Между состояніями неподатными на первомъ планѣ стояло шляхетство, между состояніями податными на послѣднемъ планѣ стало крѣпостное крестьянство. Ревизія провела ту рѣзкую, юридическую черту разграниченія между общественными классами, какой не знала Русь допетровская.

Повторяемъ: основаніемъ первоначальнаго исключенія дворянъ изъ подушныхъ классовъ была обязательная служба, на нихъ лежавшая. Основаніе это сохранило свою силу до 1762 г., когда обязательная служба была снята. Затѣмъ не оставалось болѣе другого основанія, какъ сословная привилегія, внѣшняя

разграничительная черта благородныхъ отъ подлыхъ. Уничтожение этой сословной привилегіи могло произойти двоякимъ путемъ: или, оставивъ окладной единицей душу, распространить подушную подать и на дворянство, или же, избравъ другую окладную единицу — недвижимое имущество, снять подушную и съ другихъ общественныхъ классовъ. Законъ 1863 г., замѣнившій подушную подать для городскихъ обывателей налогомъ съ ихъ недвижимыхъ имуществъ, показываетъ, что законодательство наше пошло по второму пути. Послѣдовательное развитіе закона 1863 г. и распространеніе его на сельскихъ обывателей сгладитъ и относительно ихъ слѣды сословной привилегіи, установившейся при иныхъ порядкахъ.

Свобода дворянъ отъ рекрутчины имѣла также историческое основаніе. На дворянствѣ прежде лежала обязательная служба государству — въ высшихъ чинахъ военныхъ и гражданскихъ. Это была для него своего рода рекрутчина. Въ 1762 г. юридически обязательная служба была снята съ дворянства, но долгъ оставалсь нравственной обязанностію, требуемою честью и достоинствомъ благороднаго сословія. Жалованная грамота подтверждаетъ свободу и вольность отъ службы, но не налагаетъ рекрутчины; на дворянствѣ лежитъ новая обязанность — мѣстная служба по выборамъ. Преобразованія послѣдняго времени замѣняютъ выборные дворянствомъ суды и полиціи — коронными, а мѣстную службу распространяютъ на все земство. Такимъ образомъ, крушится послѣднее основаніе льготы дворянства — свободы отъ рекрутчины, и единственнымъ правомѣрнымъ способомъ формированія военныхъ силъ дѣлается *конскрипція* — обязанность всего народа русскаго служить въ родномъ войскѣ — къ которой должно будетъ прійти законодательство, послѣдовательно развивая привнесенныя уже въ нашъ общественный строй начала.

Жалованная грамота освобождаетъ помѣщичій деревенскій домъ отъ постоя (§ 35), которому подлежитъ на основаніи городской грамоты городской домъ дворянина (§ 15). Освобождались ли отъ постоя деревенскіе дома помѣщиковъ до жалованной грамоты 1785 г.? Относительно великорусскихъ дворянъ мы не имѣемъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Мы только знаемъ, что въ 1722 г. дворянамъ повелѣно было строить избы для полковыхъ урядниковъ и солдатъ „для того,

что ежели станутъ стоять по *дворамъ мужичьимъ*, то будутъ ссоры" (П. С. № 3901, п. 5).

Въ городскомъ быту личность дворянина не такъ выдѣлялась изъ массы городскихъ обывателей, какъ выдѣлялась она въ сельскомъ быту изъ массы крѣпостныхъ крестьянъ: городскіе дома, какого бы ранга владѣльцы ихъ ни были, подлежали постою еще по закону 1718 г. (П. С. № 3203). Но замѣчательно стремленіе дворянства избавить отъ постойной повинности и свои городскія палаты. Въ П. С. мы встрѣтили интересный случай въ 1756 г., свидѣтельствующій о такомъ стремленіи: д. ст. сов. Демидовъ не допускалъ въ свой домъ назначеннаго постоя, говоря, что ежели кто придетъ къ нему ставить постои, того онъ будетъ выгалывать въ шею. За такое своевольство государыня Елизавета Петровна повелѣла въ домъ Демидова поставить вдвое, а ежели для того не будетъ особливыхъ покоевъ, то ввесть постой въ покои, имъ самимъ занимаемые (П. С. № 10649).

VI. Жалованная грамота установила *неприкосновенность* дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властію. Начало это совершенно новое. Въ 17 в., безъ всякаго судебнаго разбирательства, по одному слову царя, у чиновныхъ людей отнимались чести, и они перечислялись изъ высшаго разряда въ низшій: такъ, напримѣръ, въ 1689 г. у кн. Вас. Вас., да у сына его Алексѣя Вас. Голицыныхъ *отняты были чести*, и они написаны изъ бояръ въ дѣти боярскія по послѣднему городу, а въ 1691 г. то же самое случилось и съ кн. Анд. Голицынымъ, за непстовыя слова про царское величество, по повелѣнію царя, отняли у него боярство и записали въ дѣти боярскія по послѣднему городу; у Собакиныхъ же отняли стольничество и записали ихъ также въ дѣти боярскія по послѣднему городу (Записки Желябужскаго). Наоборотъ, изъ того же Желябужскаго и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ видно, что тѣлесное наказаніе до Петра Великаго не лишало царскихъ чиновныхъ людей *чести*: ихъ били кнутомъ или плетьми, снявъ рубашку, и затѣмъ сажали на прежнее мѣсто — судьей приказа, воеводой полка или города, стольникомъ или стряпчимъ царя, а боярской, окольнической, стольнической или стряпческой чести никакой *потерки* отъ того не было. Только Петръ Великій установилъ начало, что *шельмованные* и публично на площади наказанные, или только

обнаженный и не напрасно пытанный — лишаются своего титула и ранга, *безчестятся,* такъ что всякій членъ общества долженъ чуждаться ихъ, *мерзить* ими (Гл. XIII генеральнаго регламента и § 18 табели о рангахъ).

Жалованная грамота постановляетъ, чтобъ *благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо.* Поэтому она требуетъ, чтобъ дворяне не лишались дворянскаго достоинства, пока сами не лишатъ себя онаго преступленіемъ, *основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ.* Къ такимъ преступленіямъ грамота относитъ слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по закону слѣдуетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) подговоръ другихъ къ подобнымъ преступленіямъ. Но каковы бы ни были преступленія дворянина — *безъ суда,* и притомъ суда *своими равными,* онъ не могъ лишиться ни дворянскаго достоинства, ни жизни, ни имѣнія. Притомъ, дѣло дворянина, достойнаго за свои преступленія лишенія дворянскаго достоинства или жизни, не вершилось безъ внесенія въ сенатъ, оттуда поступало на высочайшую конфирмацію (П. С. № 16181). Эти начала жалованной грамоты непоколебимо соблюдались впослѣдствіи, и вносились въ сводъ законовъ.

Но что касается *равнаго суда* для дворянина, то, какъ мы говорили, это право всегда было мертвой буквою.

Романовичъ-Славутинскій.

Доморощенное невѣжество времени Екатерины II.

По указанію Екатерины Великой періодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. Старинныя суевѣрія, предразсудки и ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды. Посмотрите, какъ наивно жалуется на свое время уѣздный дворянинъ Екатерининскаго вѣка, ясно доказывая своими жалобами всю несостоятельность своихъ требованій: „Да полно, нынче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ: экое времечко! Вотъ

до чего дожили: и своего вина нельзя привезть въ городъ: пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ; поэтому скоро изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность. Какая вольность? Дали вольность, а ничего неможно своею волею сдѣлать: нельзя у сосѣда и земли отнять; встарину-то побольше было намъ вольности. Бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ. А вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продать на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову. То-то была воля-то! Нынче и денегъ отдавать въ проценты нельзя: больше шести рублей брать не велятъ; а бывало, такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, что можно выйти изъ службы, да поѣхать за море: а не слыхать, что тамъ дѣлать; хлѣбъ-атъ мы и русскій ѣдимъ, да таково жъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и неволно было выйти, такъ были на это лѣкари: отнесешь ему *барашка въ бумажкѣ* (то есть подарокъ), да судьѣ другого, такъ и оставятъ за болѣзнями. Да ужъ, бывало, какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь. былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье! Ты, Ѳалалеюшка, не запомнишь этого".

Въ подобныхъ жалобахъ лучшая похвала Екатерининскому вѣку, и съ этой точки зрѣнія получают для насъ особенно любопытное и поучительное значеніе сатирическія нападки журналовъ на разныя темныя стороны отжившаго быта.

Чтобъ противодѣйствовать застарѣлымъ предразсудкамъ и порокамъ, журналы полагали необходимымъ сокрушить невѣжество и водворить въ отечествѣ образованіе европейское, однако на основахъ національныхъ, съ сохраненіемъ своей самостоятельности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи. Осмѣивая разные невѣжественные толки о значеніи и пользѣ наукъ, „Живописецъ" прекрасно обрисовываетъ нѣкоторыя типическія черты, выхваченныя имъ изъ тогдашняго общества: эта умная и мѣткая статья живо напоминаетъ намъ первую сатиру Кантемира („Къ уму своему"). Вотъ она:

„О времена! блаженныя времена, въ которыя не учась гра-

мотѣ становимся грамотеями! Нѣкоторые ненавистники письмянъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка и правилъ грамматическихъ. Устыдитесь, государи мои строгіе судьи, устыдитесь своего мнѣнія, оставьте ваше заблужденіе. Вы то проповѣдуете, чего не было, или что вышло уже изъ моды: кто же будетъ вамъ слѣдовать?... Пропади знаніе россійскаго языка, ежели и безъ него можно жить въ большомъ свѣтѣ: а этотъ большой свѣтъ составляютъ почтенные и любезные наши *щеголи* и *щеголихи*. Изчезните правила грамматическія! вы только пустое дѣлаете затрудненіе. А ученіе — о, эта ненужная тягость совсѣмъ брошена! Но что я слышу! строгіе, ученые и благоразумные люди негодуютъ, вооружаются противъ меня, хотятъ дѣлать опроверженіе моимъ правиламъ: я пропалъ! Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ. Благородные невѣжды, вѣтреные щеголи, модные вертопрашки, на васъ полагаю я надежду; вы держитесь моихъ правилъ, защищайте ихъ: острые ваши языки къ тому способны. И вы, *добрые старички*, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно: науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль? одно разоренье. Дѣтямъ своимъ вы говорите: расти только великъ да будь счастливъ, а умъ будетъ — прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы! новая истина открывается свѣту! премудрые воспитатели! въ вашемъ невѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ человѣческія мудрости Жанъ-Жака Руссо: онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны...“

„Послушаемъ теперь, какъ молодые люди о наукахъ разсуждаютъ. „Что въ наукахъ, говоритъ *Наркисъ*: астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ, на что жъ мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? Нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ; куда она годится! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня? Нѣтъ: какая жъ въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе? Нѣтъ: такъ она и недо-

стойна моего вниманія. Прочія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня не влюбились? Нѣтъ, это невозможность; слѣдовательно для меня всѣ онѣ безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это — стихотворство, да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да та бѣда, что я не знаю русскаго языка. Покойный батюшка его терпѣть не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ, и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился. Полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживаетъ: человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найти счастья! То, что имѣю я, другой почелъ бы счастьемъ; но для меня этого мало. О, Россія, Россія! когда научишься ты познавать достоинства людскія?" Такъ разсуждаетъ Наркисъ; достоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ; красавицы почитаютъ его *Адонисомъ*, а солюбовники *Мартомъ*, и всѣ его трепещутъ; да и есть чего и страшиться, ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ французскаго *шпагобойца*; къ дополненію его достоинствъ: играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а притомъ разумѣетъ по-французски. Не завидный ли это молодецъ? не совершенный ли онъ человѣкъ? Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти Наркисовы?"

„*Худовоспитанникъ* говоритъ: науки никакой не могутъ мнѣ привести пользы; я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ; такъ онѣ для меня и не годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть кричать: пали! коли! руби!... Науки да книги умягчаютъ сердце, а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ..."

„*Кривосудъ*, получа судейскій чинъ, говоритъ: по наукамъ ли чины раздаются? я ничему не учился, и не хочу учиться; однакожъ я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобы знать наизусть всѣ указы и, въ случаѣ нужды, умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ деньги? науками ли наживаютъ деревни? науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастли-

выми? Нѣтъ! такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ, хотя семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ; то переучимъ мы его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру. О науки! науки! безполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки".

"*Щеголиха* говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. *Ужесть* какъ смѣшны ученые мужчины; а наши сестры ученыя — о! онѣ-то совершенныя дуры. *Безпримѣрно,* какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотою лица; не для матеематики дано намъ острое и проницательное понятіе; не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ; не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобъ были обожаемы. Въ словѣ: *умѣть нравиться* — всѣ наши заключаются науки. За науки ли любятъ насъ до безумія; наукамъ ли въ насъ удивляются? науки ли въ насъ обожаютъ? — Нѣтъ, право нѣтъ. Пусть явится ученая женщина въ общество щеголихъ: никто съ нею и слова не промолвитъ; а если она заговоритъ сама, то всѣ мужчины зѣвать станутъ. И чтожъ она тѣмъ выиграетъ? не больше какъ назовутъ ее ученою женщиною, и то такіе люди, которыхъ самихъ называютъ *педантами.* Прекрасная побѣда! безпримѣрно какъ славна! Ученая женщина! Ученая женщина! фуй! какъ это *неловко.* Напротивъ того, ежели пріѣду я въ такое собраніе, то въ мигъ окружатъ меня всѣ мужчины. Станутъ наперерывъ хвалить меня: одинъ удивляется красотѣ моего лица, другой хвалитъ руки, третій — станъ; иной походку, тотъ пріятность моего голоса, иной превозноситъ нѣжность моего вкуса въ нарядахъ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ моихъ даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріятная и любезная женщина; вотъ чудесное произведеніе природы! вотъ совершенное ея сотвореніе: она мила какъ ангелъ! Разумѣется, что всѣ такія слова безъ проводника идутъ къ сердцу. Не успѣю я осмотрѣться, какъ уже тысячи найду обожателей. Одинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слугою, лишь бы могъ имѣть счастье всегда меня видѣть. Какъ это много! *безпримѣрно* много! Изъ благороднаго человѣка хочетъ сдѣлаться слугою для того только, чтобъ чаще на меня смотрѣть и удивляться. Другой говоритъ,

что онъ оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишь бы могъ быть моимъ любимымъ невольникомъ. Ужасная мысль! годится хоть въ трагедію; по счастью, что онъ еще не король, а то бы и въ истину онъ такъ сдурачился... Слыша это, какъ не восхищаться? Какъ за учтивости не платить ласкою? Я такъ и поступаю: съ однимъ поговорю, другого похвалю, на третьяго брошу взглядъ, поражающій его сердце, и такъ далѣе. Я ни одному ничего не обѣщаю, но однакожъ всѣхъ ихъ къ себѣ привязываю. *Ужесть* какъ завидно состояніе красавицы, и какъ *безпримѣрно* жалко ученой женщины!"

„*Молокососъ* говоритъ: я не хочу тратить времени для наукъ: онѣ мнѣ не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнѣе предъ тѣми, которые въ наукахъ погубили молодыя свои лѣта. Деньги на мое содержаніе жалуетъ мнѣ батюшка, а когда недостаетъ оныхъ тогда забираю въ долгъ, и мнѣ вѣрятъ...."

„*Волокита* разсуждаетъ такъ: какая польза мнѣ въ наукахъ? науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? науками ли имъ нравятся? науками ли упорныя побѣждаютъ сердца? науками ли украшаютъ лобъ? науками ли торжествуютъ надъ солюбовниками? — Нѣтъ: такъ онѣ для меня и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, *сидѣть разбросану*, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть *совсѣмъ развязану*; словомъ, дойти до того, чтобъ называли *шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дураками называемъ. Когда можно до этого дойти, то это значитъ — дойти до совершенства въ моей наукѣ".

Невѣжество, проповѣдывавшее противъ образованія, по указанію нашихъ сатириковъ было двоякое: одни смотрѣли на науку со стороны матеріальной пользы, и если познанія не вели къ непосредственному и для всѣхъ наглядному удовлетворенію первоначальныхъ житейскихъ нуждъ, то объявляли ихъ безплодными и ссылались при этомъ на примѣръ предковъ, которые и не учась жили не бѣднѣе нашего; другіе, подъ вліяніемъ французскихъ нравовъ, все значеніе воспитанія полагали въ усвоеніи внѣшняго лоска, въ умѣньи держаться въ обществѣ, въ ловкости пріемовъ и въ легкомъ изученіи тѣхъ искусствъ, какія признавались модою за необходимыя:

знанія серьезныя и основательныя считали они излишнимъ и вмѣстѣ скучнымъ бременемъ. Вооружаясь противъ подобныхъ предразсудковъ, журналы должны были и дѣйствительно обращали самое живое вниманіе на методу *воспитанія*, какъ на основу общественнаго блага и въ настоящемъ и въ будущемъ. „Пріятное съ Полезнымъ" воспользовалось съ этою цѣлью англійскимъ изданіемъ „Юношеской библіотеки" и помѣстило на своихъ страницахъ теоретическія статьи: *о воспитаніи, о наградахъ, преимущественныя дарованія женщинъ для воспитанія дѣтей, о путешествіи* (для образованія) *въ чужіе края*. Этими статьями „Пріятное съ Полезнымъ" думало установить болѣе правильный взглядъ на вопросы о воспитаніи. Пренебрегать воспитаніемъ (говоритъ названный нами журналъ) есть явная несправедливость, отъ которой теряетъ цѣлое общество; съ самаго малолѣтства надобно вкоренять въ юное сердце понятія о чести и справедливости; надобно внушать дѣтямъ наклонность къ труду, ибо ничто такъ не оказываетъ благородства духа, какъ безпрестанное упражненіе"; надобно пріучать ихъ къ человѣколюбію, и для того обращаться съ ними кротко. „Если кто хочетъ сдѣлать своихъ дѣтей честными людьми, тотъ долженъ быть имъ истиннымъ родителемъ, а не строгимъ и жестокосердымъ судьей. Надлежитъ имъ доказать, что ихъ любишь; ибо когда они въ томъ удостовѣрятся, то и тебя взаимно любить будутъ. По сей къ тебѣ любви они станутъ почитать твою надъ ними власть... за дѣйствіе твоей къ нимъ горячности, и твои повелѣнія будутъ принимать за совѣты, ведущіе ихъ къ благополучію. Они тебя будутъ бояться не такъ, какъ властелина, но какъ любезнаго друга, коего почитаютъ и опасаются оскорбить".

Послѣ преобразованій, совершенныхъ Петромъ Великимъ, въ обществѣ нашемъ долгое время замѣчалась странная и пестрая смѣсь старины съ новизною. Пышныя моды, роскошь и свободные нравы, напоминавшіе Парижъ и Лондонъ, стояли рядомъ съ пристрастіемъ къ старымъ обычаямъ и суевѣріямъ и съ мелочною бережливостью, которая учитывала всякую кроху и упускала изъ виду самыя главныя требованія домашней экономіи; утонченная вѣжливость и внѣшній лоскъ французскаго общежитія встрѣчались съ самыми угловатыми и наивно грубыми формами. Подъ вліяніемъ этихъ характеристическихъ особенностей, воспитаніе главнымъ образомъ пред-

ставляло два совершенно различныя явленія: оно или оставалось вѣрнымъ преданіямъ и правиламъ до петровской старины, или преклонялось предъ новостію и блескомъ чужеземныхъ идей, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ по справедливости можетъ быть названо *французскимъ*. И та, и другая методы воспитанія имѣли свои хорошія стороны, но еще болѣе недостатковъ. Сатира не могла и не хотѣла оставить эти недостатки безъ обличеній и укоризны.

Люди старинныхъ преданій вѣрили, что опытъ житейскій лучше всякаго ученья, и большею частью предоставляли своихъ дѣтей матери-природѣ. О воспитаніи немного прилагалось заботъ или и вовсе о немъ не было рѣчи, по пословицѣ: „лишь бы здоровъ былъ Иванушка да счастливъ, а умъ будетъ - всему самъ научится!“ У насъ, говорили старики, изстари положено: для дворянина — шпага, для стряпчаго — перо, *а грамота для поповъ*. Въ глуши деревень, среди грубой и недѣятельной жизни, выростали баричи, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ привыкая къ сонливству и праздности. Окруженные толпою мамъ, нянекъ, шутихъ и прочей дворни, они рано знакомились съ примѣрами не совсѣмъ поучительными, о чемъ еще Кантемиръ отзывался съ горькимъ чувствомъ: „слуги суть язва дѣтей!“ Учить грамотѣ начинали поздно, и вообще учили мало и плохо, такъ что, по отзыву „Трутня“, во всей Руси немного было такихъ, которые умѣли бы правильно писать. Учителями обыкновенно назначались пономарь, дьячокъ, иногда грамотный дворовый человѣкъ, и ученье ограничивалось чтеніемъ часослова, четій-миней и библіи...

Были, конечно, и между поклонниками старины люди, понимавшіе потребность болѣе серьезнаго образованія и, по примѣру высшаго круга общества, возлагавшіе всѣ свои надежды на иноземныхъ гувернеровъ; но чтобъ выбрать достойнаго наставника, имъ, большею частью, недоставало ни нужныхъ свѣдѣній, ни средствъ. Но если и замѣтно было въ нѣкоторыхъ лицахъ это — хотя невольное и малосознанное — уваженіе къ образованію, зато попадались и такіе отцы, которые прямо объявляли себя противниками всякаго образованія, почитая издержки на воспитаніе дѣтей излишнею тратою и мотовствомъ: по какому-то странному убѣжденію они увѣряли, что „кто много знаетъ, тотъ уже отцу и матери не кормилецъ“. Журналъ „И то и се“ разсказываетъ о такихъ отцахъ,

которые сердились, когда дѣти просили нанять имъ учителя, и для вящшаго увѣщанія прибѣгали къ ременной плеткѣ.

Какія послѣдствія могли быть плодомъ подобнаго воспитанія? Разумѣется, самыя печальныя. „Живописецъ" въ прекрасной статьѣ, подъ заглавіемъ: *Слѣдствія худого воспитанія*, яркими красками обрисовываетъ тотъ общественный вредъ, какой порождается невниманіемъ къ дѣтямъ, поблажкою и распущенностью. На плоды небрежнаго воспитанія указываютъ и другіе современные журналы, преслѣдуя лѣнивыхъ недорослей, трутней и лежебоковъ, которые жили въ постоянной праздности: гоняли голубей, бѣгали по двору съ собаками и предавались разнымъ порочнымъ наклонностямъ.

Журналы 1769—1774 годовъ представляютъ нѣсколько любопытныхъ картинъ (tableaux de genre) изъ домашней жизни людей, остававшихся вѣрными стариннымъ предразсудкамъ и обыкновеніямъ. Эти картины указываютъ, съ одной стороны, въ какомъ кружкѣ и въ какихъ понятіяхъ возрастали новыя поколѣнія, а съ другой — знакомятъ съ нравами, уже въ то время начинавшими отживать свой вѣкъ.

„Всячина" разсказываетъ объ одной семидесятилѣтней старушкѣ:

„На сихъ дняхъ, любезный читатель, съѣздилъ я къ теткѣ своей, барынѣ лѣтъ семидесяти... Не успѣлъ я войти въ двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: „бусурманъ, какъ ты въ комнаты входишь, да не крестишься?" Я старался подойти поближе къ кровати, на которой она сидѣла, чтобъ поцѣловать у нея руку, но почти непреоборимыя препятствія между нами находились и лишали меня долго сего удовольствія. У самой двери, направо, стоялъ превеликій сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При концѣ сего узкаго прохода сидѣли на землѣ рядомъ слѣпая, между двумя кормилицами, и двѣ богадѣльницы. Предъ ними ближе къ кровати лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; одна излишняя за штатомъ монахиня, двѣ внуки ея родныя, дѣвушки-невѣсты, да дура. Монахиня да внуки отъ прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что онѣ лежали на перинахъ. У кровати занавѣски были открыты, знатно отъ духоты, ибо тетушка была одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для

услугъ, подпирая рукою руку, а сею щеку. Ихъ недосуги живо изображало растрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, дабы сказать можно было, что у нея въ комнатѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы не находился православный". Неловкій посѣтитель не могъ пробраться къ старушкиной постели, не задѣвъ концомъ своей шпаги за тряпицу, которою была обверчена голова карлицы. Отъ этого поднялся крикъ и визгъ. „Я еще не успѣлъ отцѣпить (шпаги), какъ услышалъ, что слѣпая возопила велимъ голосомъ: „ахъ, проклятый! раздавилъ мои пироги и весь карманъ мой замаслилъ". Тетушка очень осердилась на меня и сказала: „Что ты, шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить? Во Франціи у васъ, что ли, такой маниръ? Безбожный! на слѣпую напалъ. Бѣдная такъ радовалась дѣвочка пирогомъ, и сколько ими укладывания было! а дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣдь ся ты лучше, мой свѣтъ.., ко мнѣ не пріѣзжать, если только для того ѣздить будешь, чтобы сдѣлать развратъ въ моемъ домѣ: да и дѣтей перепугалъ: Лиза поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣ-обѣда не спала". Тутъ Лиза, ея большая внука, начала ей въ рѣчь, и съ ужимкою молвила: „*ужесть*, бабушка-сударыня, какъ я испугалась! А сестрица чуть жива". Груша и то сказала: „ахъ, радость, мочи нѣтъ, уморишь; не могу вздумать, какъ онъ на всѣмъ, на всѣмъ; нѣтъ ужъ, сестрица, какъ онъ *не вѣженъ*; право, *ужесть какъ не важенъ!* просимъ оставить въ покоѣ". Я примѣтилъ, что во время сего разговора обѣ дѣвушки головою вертѣли то на одну, то на другую сторону, и держивая весьма часто рукою платокъ шейный подъ бородкою, сидя притомъ очень прямо. Я все еще не терялъ надежды приближиться къ кровати теткиной, но стоя въ углу извинялся, какъ могъ... Тетушка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ, что сія минута способна подойти къ ней, но какъ темно было со стороны кровати, гдѣ я подошелъ, — наклоняясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столикъ съ изломанною ножкою, на которомъ закуски стояли, и уронилъ оный теткѣ на кровать. Здѣсь дѣвки прибѣжали: одна зацѣпила лампаду. Тутъ монахиня проглаголила: аминь, аминь, аминь, разсыпался! Тетушка вышла изъ терпѣнія и закричала: „подай плетей". Посѣтитель поспѣшилъ убраться.

Обычно окружалъ себя большою дворнею, приживалками.

барскими барынями, дураками и дурами, былъ сильно укорененъ еще въ XVII-мъ столѣтіи; эти приживалки, знакомцы, сказочники и дураки содержались, при всѣхъ богатыхъ домахъ, для развлеченія домохозяевъ и ихъ гостей, или, какъ тогда выражались, для *потѣшнаго дѣла*. „Когда гости пріѣдутъ, то первое слово: позовите дураковъ. Сіе есть самый ласковый пріемъ... Кой часъ дураки войдутъ, то уцѣпятся другъ другу въ волосы, и кто которому болѣе выдернетъ клочковъ волосовъ тому поднесутъ чарку водки. Хозяинъ обыкновенно хохочетъ тому такъ, что въ третьей комнатѣ слышно. Знатно, по привычкѣ уже сердоболія нѣтъ; а того и на умъ не придетъ, что и дураки суть люди. Когда же кто ихъ уйметъ, тогда иные говорятъ: нѣтъ ничего, они привыкли... Дураки же бываютъ вымараны, выпачканы, почти наги, а обыкновенно босы; рожи у нихъ разбиты и пьяны. Если гости чуть станутъ ихъ унимать, чтобы не дралися, то бросаются на гостей, и тогда бѣги скорѣе вонъ". По преданію, въ прихожей Ромодановскаго (князя-цесаря) было завсегда забавно: много шутовъ находилось, и медвѣдица разносила передъ обѣдомъ водку. Чтобъ разсѣвать скуку, обыкновенно призывались дураки и дуры или сказочники; чтобъ прогнать у дѣтей безсонницу, заставляли разсказывать имъ на сонъ грядущій разныя сказки...

По ближе и нагляднѣе всего съ людьми стариннаго покроя знакомятъ насъ любопытныя письма, писанныя къ Ѳалалею: конечно, знакомятъ они насъ только съ темными сторонами ихъ характеровъ и убѣжденій, но такова задача сатиры. Выписки, приводимыя нами изъ журналовъ семидесятыхъ годовъ, не вполнѣ изображаютъ дѣйствительный бытъ; онѣ схватываютъ только тѣ черты, какія соотвѣтствовали ихъ сатирической цѣли. Свѣтлыхъ сторонъ жизни сатира не могла касаться; но, повторяемъ, ея живая и бойкая насмѣшка надъ недостатками общества не есть ли самое свѣтлое явленіе, которое лучше всякихъ похвалъ говоритъ за нравственное развитіе сатирической эпохи?

Аѳанасьевъ.

Невѣжество подъ покровомъ внѣшняго европейскаго образованія.

Въ частной и общественной жизни высшихъ слоевъ общества у насъ въ XVIII столѣтіи, въ свѣтскихъ, нравахъ

и обычаяхъ, замѣчается сильное чужеземное вліяніе. Въ этомъ отношеніи особенно важно было знакомство наше съ французами. Современники Екатерининской эпохи признавались, что нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы не смягчили такъ нашихъ нравовъ, какъ смягчило ихъ частое обхожденіе съ французами и путешествія въ Парижъ.

Но какъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Европою общество русское стояло на весьма невысокой ступени умственнаго и нравственнаго образованія, то понятны крайности и односторонность его увлеченій внѣшностью европейской жизни, свѣтскими условными приличіями и обыкновеніями. Что въ разсадникъ истиннаго просвѣщенія, насажденный Петромъ Великимъ и его сподвижниками, вторглись разные плевелы, въ томъ виновата не западная цивилизація, виноваты мы сами, наша молодость и неразвитость. Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ богатыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы какъ дѣти бросились на то, что кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостью и блескомъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія. Подъ французскими кафтанами еще долгое время таились грубые старинные нравы; наружная утонченная вѣжливость очень часто прикрывала внутреннюю пустоту и мрачныя убѣжденія. Такія противорѣчія заставили Сумарокова и другихъ литераторовъ выступить съ обличительнымъ протестомъ. Сатирическіе журналы, со всею энергіею патріотическаго негодованія, наравнѣ съ темными явленіями старины, осмѣивали и крайности односторонняго увлеченія чужеземнымъ, и въ ихъ насмѣшкахъ замѣчается подчасъ желчное остроуміе.

На листкахъ „Кошелька" напечатано слѣдующее письмо защитника французскихъ нравовъ:

„Чортъ меня возьми! по чести моей, я объ васъ сожалѣю. Вы (г. издатель „Кошелька") родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательны быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумасбродство. Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила.... Перестаньте понапрасну

марать бумагу! нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтрены, насмѣшливы, вѣдь они васъ засмѣютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью. Вамъ было должно родиться давно, давно, то-есть когда древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день мылись въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе... сожигали въ срубахъ или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю, словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ. Тутъ-то бы вы прославились! Я думаю, что вы бѣднымъ французамъ не дали бы и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ; но всѣхъ бы ихъ выгнали изъ государства, или еще изъ особенной ревности приказали бы всѣхъ ихъ сжечь: то-то бы славное было дѣло! Но шутки въ сторону; вы, государь мой, весьма смѣшной проповѣдникъ! Проповѣдуете пороки подъ именемъ добродѣтелей и хотите, чтобы вамъ вѣрили... Вы стараетесь привлекать людей къ тому, отъ чего съ превеликою трудностью ихъ отторгали: вы конечно худо поняли намѣреніе Ж.-Ж. Руссо, съ которымъ онъ утверждалъ свою систему. Скажите мнѣ, не хочется ли вамъ, чтобы путешествіе въ Парижъ, молодыми нашими дворянами предпріемлемое для познанія свѣта и для просвѣщенія своихъ единоземцевъ, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, въ Россію помощью обращенія съ французами, съ великимъ трудомъ введенныя, опять изъ Россіи изгнаны были вмѣстѣ съ французами? Не того ли ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее насъ изъ варваровъ въ европейцевъ? И если это такъ, такъ вы великую имѣете причину сожалѣть о старомъ платьѣ, ибо оно и красиво, и покойно: въ которомъ платьѣ спишь, въ томъ можно и въ гости къ женщинамъ ходить... Ха, ха! какой вы чудакъ! Прославляя древнія русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не потрудились поискать о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Россіи писателяхъ, но довольствовались утвердиться на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: встарину-то было хорошо жить;

встарину-то были люди богаты; встарину-то хлѣбъ родился; встарину-то были люди умны!“

Въ заключеніи письма высказано, что Россія только тогда можетъ назваться просвѣщенной страной, когда всѣ крестьяне наши будутъ разумѣть по-французски.

Рядомъ съ этимъ письмомъ любопытно будетъ прочитать другое, подписанное *Люборусовымъ*, на котораго уже избранный псевдонимъ указываетъ, какъ на защитника народности.

„Люблю я, говоритъ онъ, русскихъ, потому что происхожу отъ русскихъ людей; люблю русскіе столы, ибо кажется мнѣ, что у нѣмцевъ для русскихъ желудковъ оные голодноваты; люблю по-русски уживать, ибо не вѣрю, чтобъ испортился отъ того желудокъ, а полагаю, что тѣ, которые не ужинаютъ, стараются больше сберечь деньги, нежели ихъ здоровье. Щи, потрохъ, селедка, рубцы, говядина, дворовыя птицы и прочія русскія кушанья чрезвычайно мнѣ пріятны, а суповъ, фрикассовъ, рагу, дичи, бирксовъ, клюквы со сметаной, сыру съ червями и прочихъ иностранныхъ поваренныхъ выдумокъ хотя бы для меня и на свѣтѣ не было! ибо кажется мнѣ, что многія изъ нихъ выдуманы не для вкусу, а только для того, чтобы чѣмъ-нибудь (хотя и худымъ) набить свой желудокъ и сберечь хорошіе припасы для продажи и скопленія денегъ. Почитаю русскую одежду для того, что она проста и покойна, не такъ какъ иностранная, которая изобильна ненужными многочисленными прорѣхами [1]). Говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу, ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно...“

Въ приведенныхъ нами письмахъ высказались тѣ два про-

[1]) «Трудолюбивый Муравей», въ которомъ напечатано письмо Люборусова (стр. 169—181), помѣщалъ на своихъ страницахъ статью: О старинномъ русскомъ платьѣ бояръ, дворянъ, приказныхъ, купцовъ и боярынь (стр. 97). «Всякая Всячина», [illegible] тѣмъ, которые даже на своихъ крестьянахъ желали видѣть нѣмецкіе кафтаны, напечатала письмо, гдѣ въ защиту народной русской одежды выставлялась ея пластичность, удобство и соотвѣтственность съ климатическими условіями. Къ этому письму редакторъ присоединилъ свое замѣчаніе, что русское платье сходнѣе съ холоднымъ климатомъ, но что всякая долгая одежда отнимаетъ проворство и расторопность; если бы къ французскому кафтану прибавить, что у него недостаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ.

тивоположныя убѣжденія, которыя и послѣ долгое время слышались въ нашемъ обществѣ, заправляли литературными отзывами, служили неисчерпаемымъ источникомъ журнальной полемики. Обѣ стороны желали высказать истину, но, подъ угломъ болѣе или менѣе крайнихъ воззрѣній, не всегда достигали своей цѣли. „Какъ истребить, спрашивалъ Фонъ-Визинъ, два сопротивные и оба вредные предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?" *Временемъ и знаніемъ*, отвѣтила Екатерина Великая. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что трудная задача объ отношеніяхъ народности къ общечеловѣческому образованію никогда не была разрѣшаема такъ *практично*, какъ въ сатирическихъ изданіяхъ 1769 - 1774 года. Они не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, ни тѣхъ, какія наслѣдованы отъ до-петровской старины, ни тѣхъ, какія возникали вслѣдствіе слѣпого пристрастія къ чужеземнымъ обычаямъ: нападая на ложь условныхъ приличій и неразборчивость нашу при выборѣ иностранныхъ гувернеровъ, они съ чувствомъ полнаго уваженія относились къ европейской наукѣ и ея представителямъ...

Въ высшихъ кружкахъ русскаго общества, въ прошломъ столѣтіи, воспитаніе дѣтей и юношей поручалось иностраннымъ дядькамъ, мадамамъ и учителямъ, наиболѣе охотно французамъ и француженкамъ. Если богатыя и знатныя фамиліи, располагая огромными матеріальными средствами и усвоивъ себѣ европейскую образованность, безъ особенныхъ трудностей могли вызывать изъ-за границы учителей и гувернеровъ, дѣйствительно свѣдущихъ и достойныхъ, то для другихъ выгода эта была рѣшительно недоступна: при недостаточномъ образованіи самихъ родителей не легко было имъ выбрать добраго воспитателя, не говоря уже о препятствіяхъ, полагаемыхъ состояніемъ. Но духъ подражанія, владычество моды и примѣры большого свѣта были слишкомъ сильны. Большинство стало принимать къ себѣ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, не разбирая ни нравственныхъ ихъ достоинствъ, ни познаній; думали только о наружномъ лоскѣ и заботились, чтобы воспитаніе удовлетворяло принятымъ обыкновеніямъ и стало подешевле. Въ статьѣ о воспитателяхъ, напечатанной въ „Вечерахъ", по этому поводу сказано: „Можно признаться, что мы черезъ французскій языкъ, а не черезъ французскихъ

учителей, новыя пріобрѣли знанія, возстановили хорошій вкусъ въ литературѣ... По чѣмъ мы сей націи вподлинну обязаны, за то благодарить ее и почитать должно, не ослѣпляясь однако именемъ человѣка, который на Сенѣ родился. По какому-то непонятному пристрастію къ уроженцу парижскому или другого городка древнихъ галловъ, мы надѣемся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить всю великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ французахъ дивимся. Желать открыть дорогу своимъ дѣтямъ къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ — похвально, но не имѣть попеченія о ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнимъ — безбожно!" Толпы иноземцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, явились на Руси съ предложеніемъ своихъ корыстныхъ услугъ, и имъ-то многіе родители стали неосторожно ввѣрять будущую надежду отечества. Насмѣшливый „Трутень" въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ публиковалъ.

„*Кронштатъ*. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, до такой приведены крайности, что для пріобрѣтенія золота принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разсказахъ солгали очень мало, ибо, по достовѣрнымъ доказательствамъ, всѣ они природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и въ должностяхъ третьяго рода; многіе изъ лишь въ превеликой ссорѣ съ парижскою полиціей", которая и попросила ихъ выбраться изъ столицы. „Ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей".

Что дѣйствительно бывали подобные воспитатели, этотъ грустный фактъ засвидѣтельствовало самое законодательство. Въ именномъ указѣ 11-го января 1755 года, которымъ утверждено основаніе Московскаго университета, сказано, что „у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали; оттого лучшее время для воспитанія пропадало даромъ. Иные же родители, не имѣя

знанія въ наукахъ по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препроводили". Взамѣнъ такихъ невѣжественныхъ воспитателей необходимы, по словамъ указа, національные надежные люди для заведенія, при посредствѣ ихъ, училищъ по большимъ городамъ.

И современныя записки, и комедіи оставили намъ довольно характеристическихъ указаній, подтверждающихъ отзывы журналовъ. Прежде всего приведемъ письмо Ѳомы Стародурова къ пріятелю, съ просьбою пріискивать для его внуковъ учителя, письмо, написанное съ такимъ же талантомъ, какъ и всѣмъ извѣстное письмо его превосходительства Дурыкина, принадлежащее перу Фонъ-Визина.

„Ты знаешь (пишетъ Стародуровъ), что я уже человѣкъ пожилой, слишкомъ лѣтъ въ шестьдесятъ; итакъ нынѣшнія поведенции кажутся мнѣ очень чудны, такъ что имъ не могу надивоваться, и онѣ же денежки очень таскають. Дѣды наши были хотя и не такъ смышлены, какъ нынѣшніе молодчики, однако сказать правду матку, были они насъ гораздо покрѣпче да и побогатѣе; иноземскія прихоти были имъ незнакомы. Я про себя скажу, чтобы конечно не прежде, какъ лѣтъ въ двадцать пять, началъ я учиться россійской азбукѣ, если бы не было у насъ государя императора Петра I, который дворянъ велѣлъ выгонять въ службу. Тогда и я попался на Сухареву башню и зѣло поученъ былъ въ арихметикѣ... Нынѣ же шестилѣтній ребенокъ болтаетъ по-французскому или по-нѣмецкому — хоть куда поди! Этотъ маперъ завелся и у деревенскихъ дворянъ, такъ что за нимъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень, очень порядочныя денежки. Мнѣ, правда, хочется, чтобы и мои внучаты нынѣшнимъ-то наукамъ поучены были, однако не могу найти учителя по своему достатку, а бросать деньги даромъ я право не привыкъ: мнѣ всякая полушка потомъ приходитъ. Третьяго года хотѣлъ было я ихъ записать въ кадетскій корпусъ и поубавилъ имъ года по четыре съ небольшимъ, однако ихъ по лицу узнали, что они старѣе шести лѣтъ. Итакъ я принужденъ былъ учить ихъ дома русской грамотѣ, и они у пономаря моего выучились читать и писать. Послалъ бы ихъ въ Питеръ въ школу, да право нѣтъ силы, а притомъ боюсь, чтобъ они отъ иноземцевъ не научились ихъ отступничеству и не при-

выкли бы по постамъ ѣсть мясо. Однако, что дѣлать? надобно ихъ учить, а то нынѣ, сказываютъ, безъ наукъ то немного получишь. Пожалуй, другъ мой, выпиши мнѣ изъ Питера какого добренькаго человѣчка, который бы взялся двухъ моихъ внучатъ учить по-французскому, по-нѣмецкому, егографіи, исторіямъ, иноземской пляскѣ, ариѳметикѣ и другимъ нынѣшнимъ наукамъ; только, пожалуй, поторгуйся съ нимъ хорошенько: а я уже, какъ быть! дамъ ему въ годъ рублей сорокъ, а особенно когда станетъ онъ у меня смотрѣть въ бѣдномъ моемъ домишкѣ за холопишками, за животиной, за хлѣбомъ и за сѣномъ. А то я уже становлюсь старъ, и за всѣмъ не усмотришь. Если за эти деньги найти не можно, то, что дѣлать! хоть рубли по полтора и прибавить, а болѣе платить я право не въ состояніи. Вить при старости съ голоду умереть не хочется, да мнѣ же и сѣды всѣ станутъ смѣяться, если въ одинъ годъ употреблю на иноземца столько, сколько самому мнѣ не издержать и въ три года. Отъ двухъ тысячъ душъ некстати тянуться за большими боярами и учить дѣтей нынѣшнимъ наукамъ .. Пожалуй, другъ мой, постарайся поискать подешевле, а великая бы милость Божія, когда бы можно было сыскать рубликовъ за двадцать за пять или ровно за двадцать".

При общемъ недостаткѣ въ учителяхъ, *дешевые* воспитатели были конечно и самые негодные, отъ которыхъ нечего было ожидать добра. „Всякчина" разсказываетъ, что въ одномъ домѣ такъ дорого платили порядочному учителю, что мать за нужное сочла отпустить его, чтобъ имѣть возможность прибавить повару лишнихъ сто рублей; а для сына былъ выбранъ другой наставникъ *подешевле*, изгнанный изъ своего отечества „съ напечатаніемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ" и не знавшій даже грамотѣ. Не посчастливилось ему и въ Россіи, ибо между нимъ и полиціей возникло нѣкоторое недоразумѣніе: полиція доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово: „воровалъ" крайнимъ невѣжествомъ выдумано. Когда этотъ дешевый учитель попалъ въ тюрьму, матушка очень сожалѣла: „Гдѣ мнѣ найти другого столько дешеваго?" говорила она. Однако она утѣшилась тѣмъ, что вскорѣ прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егерь французскаго посла, которые не захотѣли съ нимъ обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитаніемъ русскаго благороднаго юношества. Можно ли, спрашивалъ сотрудникъ

одного сатирическаго журнала, разсчитывать на нравственное развитіе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Франціи и дешево беретъ за ученіе? „Смѣхъ и жалость я чувствую, когда вспомню о томъ контрактѣ, какой видѣлъ я въ Москвѣ, между однимъ господиномъ и оборваннымъ французомъ, сдѣлавшимся изъ лотерейнаго разносчика учителемъ. Учитель показался не дорогъ, и контрактъ заключенъ съ нимъ такого содержанія. 1) „Я Пьеръ-де-Фаде обязуюсь получать отъ господина NN каждую недѣлю штофъ водки и каждый день по одной бутылкѣ французскаго вина; 2) потому что я, де-Фаде, истинный норманскій дворянинъ, то мнѣ должно имѣть три раза въ недѣлю для выѣзда экипажъ съ кучеромъ и лакеемъ, которымъ иного дѣла не будетъ, какъ возить меня, де-Фаде, по всему городу къ моимъ товарищамъ; 3) когда я своихъ пріятелей посѣщаю, то естественно, что и они посѣщать меня будутъ, а для того имѣть мнѣ другіе три дни особый столъ... Жалованья мнѣ получать 500 рублевъ, а я, Пьеръ де-Фаде, обязуюсь обучать дѣтей помянутаго NN своему природному языку, благонравію и всему, что знаю“. Отецъ и мать плакали отъ радости, найдя такого ученаго мужа; стали *дѣтки* учиться, черезъ полгода позабыли русскую грамоту и плохо узнали французскую, черезъ годъ выучились въ банкъ и квинтичъ, скоро потомъ узнали бильярдные дома и наконецъ промотали отцовское имѣніе. И что другое могли дать подобные воспитатели? Сами чуждые основательнаго образованія, они многого могли выучить своему родному языку. Науки оставались на второмъ планѣ, а то и вовсе до нихъ не было дѣла. Умѣнье одѣваться со вкусомъ, любезность, грація внѣшнихъ пріемовъ, ловкость въ танцахъ — вотъ главное, на что обращалось особенное вниманіе гувернеровъ. О твердомъ нравственномъ воспитаніи, безъ сомнѣнія, не могли думать ни фонъ-визиновскій Вральманъ, ни мусье де-Фаде. Такая сторона современнаго воспитанія особенно мѣтко осмѣяна сатирическими статьями „Котелька...“

Согласно съ принятою системою воспитанія, богатые родители считали необходимымъ отпускать своихъ взрослыхъ сыновей за границу, чтобы, путешествуя по западной Европѣ, закончили они тамъ свое блестящее образованіе: мысль прекрасная! Польза такихъ путешествій, предпринимаемыхъ послѣ

достаточнаго приготовительнаго воспитанія, велика и несомнѣнна. Еще „Всякая Всячина“ настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. По порученію императрицы, И. И. Бецкій въ 1782 году составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей съ цѣлью образованія. Но юные недоросли, избалованные дома и привычкою къ роскоши и окружавшею ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ и отцовъ, мечтали не о трудахъ, а о наслажденіяхъ парижской жизни. Что могли они вывезть прочнаго изъ-за границы, куда вырывались на полную свободу, и гдѣ на каждомъ шагу искали одинхъ соблазновъ, гдѣ женщины были такъ увлекательны, а общественныя развлеченія такъ легко доступны, гдѣ роскошь въ то время являлась во всемъ изящномъ блескѣ? По отзывамъ современниковъ, они со страстью предавались праздной и шумной жизни, проматывали въ большихъ европейскихъ городахъ цѣлыя состоянія, и никогда не заглядывали въ тѣ мѣста, гдѣ обитали науки. „Трутень“ жаловался, что молодые люди вывозили изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и узаконеніяхъ просвѣщенныхъ народовъ. Много смѣшного можно было подмѣтить въ этихъ путешественникахъ, и комедія не замедлила воспользоваться такимъ богатымъ источникомъ. Комедія у насъ постоянно шла объ руку съ сатирою, взаимно восполняя другъ друга и помогая одна другой. Подобно сатирѣ, комедія обратила самое тревожное вниманіе на воспитаніе, какъ на главный жизненный вопросъ. Фонъ-Визинъ посвятилъ этому вопросу три комедіи. Въ яркихъ, типическихъ образахъ и строго-комическихъ положеніяхъ осмѣялъ онъ и недостатки того воспитанія, которое основывалось на букварѣ, и пустоту легкаго свѣтскаго воспитанія, подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ. Въ *Бригадирѣ* Фонъ-Визинъ коснулся тѣхъ безплодныхъ, совершаемыхъ глупыми недорослями путешествій, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь *къ уму своему*, онъ говоритъ:

Ты хочешь здѣшніе обычая исправить,
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,

Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила...
Но, видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ, и пр.

Въ подобныхъ нападкахъ сатирическихъ писателей XVIII вѣка на французскихъ гувернеровъ и русскихъ баричей, странствовавшихъ въ Парижъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой доли преувеличенія; сатира такъ легко переходитъ въ карикатуру, а писатель, тревожно занятый интересами своей эпохи и возмущенный ея недостатками, съ большимъ насиліемъ для себя можетъ выдерживать хладнокровное безпристрастіе; обыкновенно овладѣваетъ имъ жажда безпощаднаго осмѣянія тѣхъ крайностей, въ которыхъ видится ему источникъ нравственнаго зла. Зло конечно существовало; это засвидѣтельствовано передовыми людьми прошлаго столѣтія, вовсе не старовѣрами, а людьми, горячо преданными европейскому образованію, каковы: Фонъ-Визинъ, Новиковъ и сама императрица. Но нападая на него, писатели не всегда выдерживали должную мѣру. Не все же были Вральманы: были изъ иноземцевъ и такіе, которые дѣйствительно научили нашихъ предковъ многому добру. Особенно рѣзкая односторонность замѣчается въ журнальныхъ обвиненіяхъ французскихъ гувернеровъ и учителей въ томъ, что они внушали своимъ воспитанникамъ презрѣніе къ отечественнымъ нравамъ и безконечное уваженіе къ французскимъ. Понятно, что люди, рожденные въ странѣ высшей цивилизаціи и привыкшіе къ инымъ, болѣе мягкимъ и человѣчнымъ нравамъ и обычаямъ, съ гордымъ сознаніемъ своего народнаго достоинства говорили о своемъ отечествѣ, и непривѣтливо смотрѣли на наши суровыя обыкновенія и откровенную грубость въ обхожденіи. Если Фонъ-Визинъ, одинъ изъ замѣчательно-свѣтлыхъ умовъ своего времени, съ непріязненнымъ чувствомъ замѣтилъ, что во Франціи лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ съ мѣстъ передъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ*; если Фонъ-Визинъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что французскіе офицеры гуляли по улицамъ безъ слуги, то какъ должны были поражаться европейскими

нравами люди, стоявшіе далеко ниже Фонъ-Визина по уму, по образованію, и съ дѣтства воспитанные въ грубыхъ и не совсѣмъ человѣчныхъ убѣжденіяхъ? Съ другой стороны, какъ должны были поражать иноземцевъ, выросшихъ среди иныхъ обычаевъ, наше безцеремонное обращеніе съ подчиненными и слугами, наша барская спесь и семейная автократія! Передавая своимъ ученикамъ презрѣніе къ такимъ суровымъ нравамъ, они, конечно, дѣйствовали не совсѣмъ недобросовѣстно.

Афанасьевъ.

Россія и Западъ XVIII столѣтія въ дѣлѣ воспитанія.

Философія и этика достигли въ XVIII вѣкѣ высокаго развитія, а главное — широкаго распространенія: онѣ захватили въ кругу умственной жизни цѣлыя массы общества. Во всѣхъ уголкахъ Европы съ восторгомъ принимали горячую проповѣдь французскихъ философовъ объ уваженіи личности человѣка, свободы мысли и слова, религіозныхъ убѣжденій: съ другой стороны, въ Германіи пріобрѣтали широкую популярность ученія нѣмецкихъ мыслителей объ обязанностяхъ человѣка къ самому себѣ и къ ближнимъ, объ обязательномъ внутреннемъ самоусовершенствованіи, и проч. Но на дѣлѣ въ повседневной жизни еще туго прививалось простое человѣческое отношеніе сильнаго къ слабому, старшаго къ младшимъ; древнее право сильнаго замѣтно сказывалось въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Если кое-гдѣ мелькало сознаніе, что пора изъять подрастающія поколѣнія изъ подъ гнетущей власти сильныхъ и старшихъ, ввести больше сдержанности въ обращеніи съ дѣтьми, поставить ихъ ростъ въ болѣе разумные условія, то и на Западѣ, не только что у насъ въ Россіи, не оказывалось наготовѣ средствъ, съ которыми можно бы было выполнить новыя, зарождающіяся задачи воспитанія: долго не создавалось для нихъ исполнителей, и лучшіе мыслители-педагоги своего времени оказывались безсильны въ практическомъ примѣненіи новыхъ теорій. И на Западѣ мы нерѣдко встрѣчаемся съ такими же мрачными сторонами въ воспитаніи и школьной жизни, какимъ привыкли дивиться въ родныхъ литературныхъ памятникахъ прошлаго вѣка. Не даромъ ве-

ликій Кантъ говаривалъ, что дѣтство въ тотъ вѣкъ было временемъ ига египетскаго: „Eine wahre ägyptische Hochzeit“.

Во Франціи во всю первую половину вѣка въ школахъ для средняго и низшаго класса сохранились въ силѣ чуть не средневѣковыя преданія школьной педагогики, хотя потребность въ образованіи, а тѣмъ болѣе въ грамотности здѣсь давно сложилась. До революціи, заключаетъ Тэнъ, говоря о среднемъ образованіи, во всякомъ департаментѣ было по нѣскольку коллежей; учили въ нихъ даромъ; платили только полные пансіонеры отъ 300—450 фр. Если мелкій землевладѣлецъ не могъ платить 300 франковъ, то отсылалъ сына въ знакомую семью буржуа того городка или ремесленника съ платой по нѣскольку ливровъ въ мѣсяцъ. Подъ конецъ царствованія Людовика XV крестьяне и мастеровые начали посылать сыновей въ такіе коллежи маленькихъ городковъ, гдѣ жизнь была еще очень дешева. Населеніе серьезно цѣнило образованіе, а между тѣмъ изъ оконъ школъ еще слышались шлепанье розогъ, крики, стоны и рыданья. Въ концѣ XVII вѣка отъ высшаго начальства получались уже инструкціи школьнымъ учителямъ наказывать умѣренно и съ разборомъ, а по рукамъ и въ XVIII в. еще ходила популярная гравюра-реклама, изображавшая нѣмецкіе волчки и толпу школьниковъ съ надписью: „чѣмъ больше ихъ бьютъ, тѣмъ лучше они дѣйствуютъ“. Гравюра оправдывала существованіе многихъ свирѣпыхъ педагоговъ, одинъ видъ которыхъ внушалъ ужасъ школьникамъ. Современники говорили, что послѣ извѣстныхъ своей жестокостью шотландскихъ(?) учителей французскіе были самыми ярыми экзекуторами; многіе изъ нихъ являлись только случайными педагогами. Одинъ состоятельный обыватель г. Анжу разсказываетъ, что началъ учиться въ школѣ сборщика городской таможни, оборваннаго, бѣдно одѣтаго старика, отъ котораго издали несло водкой и табакомъ; но этотъ старикъ обладалъ недюжинными педагогическими способностями, и въ 10 мѣсяцевъ выучивалъ ребятишекъ читать, писать и считать. За учебное дѣло брались самые разнообразные люди: учили мастеровые, потерявшіе способность къ физическому труду, учили набожные старыя дѣвы, безхитростно передавая нѣсколькимъ ребятишкамъ все, что сами знали; но были учителя-спеціалисты, называвшіе себя учителями письменности.

Также безхитростно устраивались и штатныя школы во

Франціи XVIII в. На помѣщеніе классовъ, мебель и проч., не обращали вниманія. Въ началѣ этой эпохи городская школа Бріансона, въ которой кромѣ грамоты и счисленія преподавали латинскій языкъ, помѣщалась въ конюшнѣ одного обывателя за 36 фр. въ годъ. Въ такихъ школахъ учились дѣти разныхъ сословій отъ ремесленниковъ до провинціальнаго дворянства, только первыхъ не обучали латыни, какъ предмету безполезному въ ихъ дѣлѣ.

Дѣти титулованныхъ аристократовъ начинали свое воспитаніе дома въ своихъ замкахъ и многимъ изъ нихъ приходилось поминать свое дѣтство, главымъ образомъ, суровою строгостью родителей. Викторъ Мирабо (род. 1715 г.), отецъ депутата, извѣстный подъ именемъ „друга людей", разсказываетъ въ поученіи своимъ дѣтямъ, что родители относились къ нимъ съ такой неуклонной строгостью, что ни онъ, ни братья его не запомнятъ отъ нихъ ни малѣйшей ласки. Всякое проявленіе откровенности или нѣжности считалось постыдной слабостью въ ихъ семьѣ. „Я никогда не имѣлъ чести прикоснуться къ кожѣ этого почтеннаго человѣка, этого добрѣйшаго отца", писалъ Мирабо. Дома мальчиковъ училъ какой-то учитель за 30 экю въ годъ; по дешевизнѣ и ничтожеству онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ нашимъ педагогамъ той же эпохи. Потомъ мальчиковъ отдавали въ іезуитскій коллежъ, не имѣвшій ничего общаго съ военной службой, къ которой они готовились; оттуда, едва достигнувъ 4-го класса, каждый изъ нихъ лѣтъ 13, 14 поступалъ въ полкъ или во флотъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ воспитаніе пополнялось въ какой-нибудь военной привилегированной академіи, гдѣ обучали только военнымъ физическимъ упражненіямъ, и это время бывало обыкновенно самымъ бурнымъ періодомъ юношеской жизни. Братъ „друга людей", морякъ 15, 16 лѣтъ пилъ безъ просыпа; не проходило недѣли, чтобы онъ не посидѣлъ въ мичманской тюрьмѣ однако, строгіе родители этимъ не безпокоились, и начальство вовсе не сердилось: такой періодъ переживали всѣ юноши.

Въ Германіи гуманныя начала въ воспитаніи прививались еще медленнѣе; поучительно-сатирическая литература рѣзко обличала родителей и особенно отцовъ въ безсмысленной жестокости. „Дѣти трепетали передъ ними, какъ рабы передъ тиранами, подчасъ боялись, какъ чертей", свидѣтельствуютъ онѣ современныя записки. Битье считалось повсемѣстно един-

ственнымъ средствомъ противъ дѣтскихъ и юношескихъ увлеченій; власть отца и старшихъ тяжкимъ гнетомъ ложилась на дѣтей. На ряду съ этимъ встрѣчалось и безумное баловство, при чемъ слѣпая нѣжность быстро переходила въ слѣпой гнѣвъ. Даже образованные, выдающіеся люди варварски обращались съ младшими, совершенно не понимали дѣтской души. Отецъ Гёте былъ прекраснымъ отцомъ для своего времени; но слѣдуя тогдашнимъ воспитательнымъ правиламъ, слишкомъ усердно пріучалъ дѣтей ко всякимъ ужасамъ, привидѣніямъ, внезапному испугу; дѣтей заставляли спать одних, и если они въ первомъ волненіи бѣжали къ прислугѣ то отецъ, напяливая шлафорокъ на голову, бѣлымъ неслыханнымъ привидѣніемъ загонялъ ихъ въ дѣтскую. Южная Германія стояла въ культурномъ отношеніи выше сѣверной, но и тутъ встрѣчаются самыя нелѣпыя проявленія права сильнаго и старшаго.

Рыцарь фонъ-Лангъ, на мемуары котораго часто ссылается Бидерманъ, очень живо описывая свое дѣтство, приводитъ слѣдующій характерный эпизодъ: будучи гимназистомъ, онъ сдружился съ честной семьей своего квартирнаго хозяина, золотыхъ дѣлъ мастера; чтеніе вслухъ стало любимымъ развлеченіемъ ихъ компаніи, и особенное наслажденіе доставляла имъ Римская Исторія Роллена въ нѣмецкомъ переводѣ. Лангу приходилось ходить за этими книгами очень далеко къ старшему брату, уже кончившему курсъ въ университетѣ; братъ выдавалъ ему по одной изъ 16 книжечекъ всего изданія, и каждый разъ сопровождалъ эту выдачу разными издѣвательствами: то отказывалъ въ книгахъ, бранилъ и гналъ вонъ, тотчасъ же приказывая вернуться; то травилъ его собаками, наслаждаясь изъ-за угла зрѣлищемъ этой охоты. За малѣйшее возраженіе, недовольную мину, за каждую попытку вырваться, мальчика били, сѣкли, драли за волосы. А слушатели, между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ ожидали дома любимаго увлекательнаго чтенія. 16 разъ приходилось начинать сызнова выхлопатывать книги все съ новыми мытарствами. Съ юморомъ, достойнымъ француза, Лангъ высчитываетъ, что чтеніе Роллена стоило ему болѣе 80 часовъ бѣготни по улицамъ, 150 розогъ и 200 полновѣсныхъ пощечинъ, не считая собачьей травли, мелкихъ тычковъ и заушеній. Зато, какъ только дочитали послѣднюю главу, братъ разомъ подарилъ ему все изданіе. То же издѣвательство молодого образованнаго нѣмца надъ

молодымъ и слабѣйшимъ, сознательно-жестокое, съ чувствомъ и толкомъ продѣлываемое, могло отражаться на дѣтской натурѣ тяжелѣе и оскорбительнѣе, чѣмъ дикіе и безтолковые пріемы нашихъ педагоговъ, дьяковъ и отставныхъ солдатъ.

Въ Германіи гувернеру-воспитателю (гофмейстеру) не платили больше 40 талеровъ въ годъ, возлагали на него веденіе книгъ по хозяйству, а обращались съ нимъ чуть-чуть лучше, чѣмъ съ прислугой. Въ школахъ, особенно провинціальныхъ, масса учителей состояла изъ ремесленниковъ всѣхъ возможныхъ профессій: объ этомъ офиціально свидѣтельствуетъ прусскій указъ 1722 г.: въ пономари и школьные учителя могутъ поступать портные, ткачи, кузнецы, колесники и плотники; иныхъ ремесленниковъ не принимать. А въ школьномъ уставѣ 1736 г. сказано, если учитель ремесленникъ, онъ можетъ прокормиться: если же онъ не знаетъ ремесла, ему разрѣшается на шесть недѣль отходить на поденную работу. Что же въ самомъ дѣлѣ смѣшного и страшнаго, что почтенный Вральманъ, переселясь въ варварскую Россію, съ чистою совѣстью изъ кучеровъ поступалъ въ гувернеры, а изъ гувернеровъ въ кучера, и какими идеалистами были въ свое время Фонъ-Визинъ и всѣ тѣ, кто вполнѣ понималъ его творенія?[1]

Что касается прибалтійскихъ провинцій, то даже остзейскіе патріоты проговаривались, что учебное дѣло и вообще образованіе стояло у нихъ довольно низко въ XVIII-мъ в. На это приводилось много вѣскихъ оправдательныхъ причинъ, но сущность дѣла для насъ осталась та же. Въ Лифляндіи городскія и элементарныя школы самими туземцами назывались дѣтскимъ адомъ. Учителей для этихъ школъ выбирали непремѣнно изъ мѣстныхъ обывателей, и выше всего цѣнили у нихъ красоту почерка и умѣнье быстро считать; въ городѣ ихъ титуловали шульмейстерами, и, какъ мейстеры, они имѣли право нанимать себѣ подмастерьевъ и помощниковъ, а сами занимались конторскими книгами и счетами, которыми ихъ заваливали мѣстные купцы. По разсказамъ школьника того времени, его школьный учитель всегда величественно возсѣдалъ на высокой каѳедрѣ и оттуда окидывалъ толпу учениковъ мрачнымъ взглядомъ озлобленнаго кота[2]. Передъ нимъ на большомъ столѣ были разложены книги, которыя онъ переписывалъ, а рядомъ съ нимъ лежали плеть и большой запасъ розогъ. Между лавокъ ходили его помощники и спрашивали за него уроки изъ

катехизиса и ариѳметическія задачи; они имѣли право расправляться съ учениками только кулаками, тасканьемъ за волосы и за уши; настоящія порки выполнялись шульмейстеромъ самолично. Преподаваніе заключалось въ заучиваньѣ отвѣтовъ, и было лишено всякой осмысленности; просиживая въ такой школѣ по нѣскольку лѣтъ, дѣти едва-едва выучивались грамотѣ и счету. Въ дворянской средѣ дѣтей, кажется, не тиранили битьемъ, но суровая подавляющая строгость держала ихъ въ тискахъ. Отецъ былъ для нихъ только повелителемъ, домовладыкой; никакихъ рѣзвостей, веселыхъ выходокъ въ домѣ не допускалось. Образованіе было, большею частью, домашнее, съ помощью сосѣдняго пастора; а затѣмъ дѣти сами развивались и выходили въ люди, какъ умѣли. Немногіе имѣли средства посылать дѣтей въ германскіе университеты. Графъ Сиверсъ, напримѣръ, учился у домашняго учителя, о которомъ совсѣмъ нечего сказать, кромѣ развѣ того, что будущій замѣчательный администраторъ обязанъ ему своимъ прекраснымъ почеркомъ; въ дѣтствѣ онъ не учился ни древнимъ, ни новымъ языкамъ; на 15 году былъ отправленъ изъ деревни въ Петербургъ, къ одному родственнику, который состоялъ при дворѣ Елизаветы, и затѣмъ выучился самою жизнью и службой.

Еще строже въ семьѣ и школѣ содержались дѣти польскаго шляхетства; школьное образованіе шло по старымъ французско-католическимъ образцамъ. „Дома насъ сѣкли часто и много", разсказываетъ мемуаристъ Охотскій, современникъ послѣднихъ лѣтъ рѣчи Посполитой. При его матери состояла немолодая дѣвица шляхтянка для занятій по хозяйству, и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывала всѣми экзекуціями. „Весь домъ, начиная съ дѣтей, отлично зналъ извѣстный тонъ, съ которымъ отсылали къ ней хозяева. Обыкновенно давали 15 ударовъ плетью и отчитывали ихъ методически. До 15 лѣтъ Охотскій подвергался этому домашнему наказанію и за шалости и просто по раздраженію родителей. Въ школахъ тоже доставалось! И патеровъ и префектовъ родители усердно упрашивали не прощать намъ ничего. Директоръ-репетиторъ обязанъ былъ не прощать подъ страхомъ лишиться праздничнаго подарка. Бывали и такие счастливцы, которыхъ драли по два, по три раза въ день. Вслѣдъ за идущимъ въ классъ патеромъ шаромъ несли нагайку и клали ее вмѣстѣ съ книгами на каѳедру. Мы не

должны были терять изъ виду этого монитора. Количество и качество плетей, надо, впрочемъ, отдать справедливость, были всегда сообразны съ лѣтами и силами ученика. Въ классѣ inféria (младш.) плеть была тонкая, и болѣе 10-ти ударовъ не давали. Съ каждымъ переводомъ въ высшій классъ воспитанникъ ознакомливался съ болѣе толстою плетью и получалъ увеличенное число ударовъ. Въ классѣ философіи ученикъ и плеть вырастали въ нормальную величину; и въ этомъ классѣ уже не давали менѣе 50 плетей". Тяжело жилось юношамъ и дома послѣ окончанія курса. Когда къ отцу пріѣзжали гости, взрослые сыновья стояли въ струнку въ гостиной въ полномъ парадѣ при сабляхъ, не смѣя ни на минуту присѣсть, ни даже прислониться къ стѣнѣ; выходить безъ спроса тоже не смѣли. Имъ строго приказывали слушать внимательно разговоръ гостей, такъ какъ, когда послѣдніе уѣзжали, отецъ требовалъ у сыновей по-латыни отчета въ томъ, что они слышали.

Въ свою очередь Малороссія скопировала латинскія школы Польши, по необходимости присоединяя къ этой системѣ кое-что своего русскаго, и въ XVII-мъ в. настолько развила привычку къ школѣ въ своемъ населеніи, что оказалась далеко впереди Великороссіи. Въ XVIII в. ея высшему классу приходилось уже приспособляться къ великороссійскимъ требованіямъ, созданнымъ реформой, и отъ этого получалась странная смѣсь старыхъ и новыхъ классическихъ и реальныхъ началъ. Вотъ что разсказываетъ о своей юности малороссъ Винскій въ своихъ запискахъ, сообщающихъ вообще много любопытныхъ данныхъ для характеристики воспитанія человѣка XVIII стол. Учиться грамотѣ онъ ходилъ къ дьячку: учитель изрѣдка наказывалъ учениковъ по всѣмъ учебнымъ днямъ; но суббота была днемъ исключительнымъ; — дьякъ встрѣчалъ ребятишекъ грозными словами: „Треба сѣкты васъ!" И начиналась общая экзекуція, причемъ усердно приговаривали: „Учись, не лѣнись, помни субботку". Послѣ дьячка, Винскій учился нѣкоторое время дома у инспектора, т.-е. домашняго учителя, по-нѣмецки гофмейстера; подготовленный немного, мальчикъ былъ отвезенъ въ Черниговъ и поступилъ въ тамошнюю коллегію. Жить ему на одной квартирѣ пришлось съ товарищами земляками подъ надзоромъ ихъ инспектора: въ эту пору онъ много бѣдствовалъ по своему малолѣтству и беззащитности, часто переходилъ отъ одного инспектора къ другому, но учился хорошо.

лѣтъ 12-ти онъ поступилъ въ Кіевскую Академію: тамъ въ это время (около 1765 г.) учили: грамматикѣ, піитикѣ, реторикѣ, философіи, богословіи, языкамъ — латинскому, греческому, еврейскому, польскому; но нѣмецкому и французскому учили мало. Винскій просидѣлъ 3 г. въ реторикѣ, „набилъ голову тропами и фигурами, и выѣхалъ изъ Кіева настоящемъ дурнемъ"; если бы какой-то канонерскій штыкъ-юнкеръ не показалъ ему ариѳметики, то онъ бы считалъ по пальцамъ. Въ 1768 г. онъ поступилъ въ г. Стародубѣ въ пансіонъ Карповича для обученія французскому языку, и тамъ въ 16 лѣтъ кончилъ курсъ наукъ. Французскій языкъ и литературу Винскій полюбилъ на всю жизнь и цѣнилъ его такъ же высоко, какъ Болотовъ нѣмецкій языкъ. Онъ находилъ, что французское вліяніе было въ высшей степени благотворно для Россіи, и что его не умѣли достаточно цѣнить. Онъ зачитывался французскими сочиненіями, особенно по общественно-политическимъ вопросамъ, и съ восторгомъ останавливается въ своихъ запискахъ на положеніи одного писателя (Mercier), что самыя необходимыя науки для ума человѣческаго — мораль и политика.

Вотъ нѣсколько краткихъ чертъ воспитанія на Западѣ и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей. Всюду, даже въ передовой Франціи, встрѣчались и безалаберность и жестокость; всюду была масса учителей случайныхъ, нимало не подготовленныхъ къ школьному дѣлу и самымъ неприхотливымъ задачамъ воспитанія: да и люди подготовленные, какъ патеры различныхъ орденовъ, сообщали непригодный въ жизни запасъ знаній, какой не всегда могъ удовлетворить и въ отсталой Россіи. А между тѣмъ разница между русскимъ обществомъ XVIII-го в. и обществами западными была громадна, и нигдѣ недостатки школы и пороки учителей не были такъ чувствительны, какъ у насъ. На Западѣ школъ и учителей было уже довольно много; грамотность и элементарное общее образованіе сдѣлались достояніемъ всѣхъ достаточныхъ классовъ; и сама жизнь, сложившіяся общественныя отношенія и правовые порядки, въ которые вступалъ грамотный человѣкъ, и съ которыми долженъ былъ считаться, довоспитывали его и поправляли недостатки школы. Съ другой стороны, дѣятельность многочисленныхъ университетовъ, высшія школы, широкая литература, постоянно развивавшаяся на твердой почвѣ, унаслѣдованной

отъ римскихъ временъ, продолжали дѣло воспитанія, поддерживали въ массѣ интересъ къ знанію и умственную жизнь вышедшаго изъ школы человѣка. У насъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка общественная жизнь еще не существовала; своя литература едва едва зарождалась; масса пробавлялась кое-какими переводами и пересказами западныхъ повѣстей въ рукописяхъ. Русская школа только заводилась; учителей не хватало и на скромное число жаждавшихъ просвѣщенья. Высшихъ школъ не было, кромѣ Академіи Наукъ, дѣятельность которой дала тогда 3, 4 русскихъ имени. Ничто не развивало, не довоспитывало русскаго человѣка, съ трудомъ и мученіями постигшаго элементарную науку, не поддерживало въ немъ заронившихся умственныхъ потребностей. Обстановка жизни, домашняя и служебная, неразвитость общественнаго смысла была такова, что мало-мальски научившійся человѣкъ только позабывалъ то, что постигалъ въ юности. Въ уѣздной глуши, въ деревнѣ, гдѣ сохранялся старый обиходъ XVII в., потухала всякая умственная жизнь, юныя силы грубѣли и спускались до окружавшаго уровня. Нужны были недюжинная стойкость характера, не малое мужество и извѣстныя дарованія, чтобы въ тогдашнихъ условіяхъ сумѣть продолжать свое образованіе. Весь гражданскій строй XVIII в. представлялъ слишкомъ тяжелые искусы отдѣльнымъ просвѣщеннымъ и нравственно развитымъ личностямъ, оттого-то они часто ломались и развращались. А другіе, сохранявшіе до конца жизни жажду знаній и умственной дѣятельности, таились съ нею, отодвигали ее далеко отъ повседневной жизни и общественныхъ столкновеній, и часто обращались въ безпочвенныхъ, комичныхъ, часто безсмысленно жестокихъ съ ближними философовъ, легистовъ, эстетиковъ, въ тѣ курьезные и жалкіе типы, которые давно извѣстны въ исторической литературѣ подъ именемъ „чудаковъ XVIII в.“

Не даромъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ мемуаристовъ Винскій додумался, подъ вліяніемъ французскаго просвѣщенія, что существеннѣйшія и необходимѣйшія знанія для благоденствія человѣка именно тѣ, которыхъ не давала ему русская школа: „святая нравственность и составъ людскихъ обществъ, или яснѣе: чѣмъ каждый человѣкъ обязанъ обществу, и, наоборотъ, общество человѣку“.

Авторъ Записокъ, Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ, родился

въ Дворенинновскомъ домѣ въ 1738 году 7 октября. Первые годы жизни, проведенные на женскихъ рукахъ матери и мамки, были для единственнаго сынка временемъ ласкъ и баловства. Въ 1741 г. Болотовъ получилъ полкъ и вызвалъ жену съ дѣтьми къ себѣ въ селеніе Наровскъ, близъ Нарвы. Съ тѣхъ поръ начались продолжительныя странствованія полковничьей семьи. Ребенокъ подрасталъ между впечатлѣніями стоянокъ въ Остзейскомъ краѣ, среди нерусской обстановки и родной деревней. Тутъ же гдѣ-то въ Эстляндіи отецъ, на правахъ командира и пріятеля всего генералитета, записалъ 5-лѣтняго сына рядовымъ въ свой полкъ, и будущій литераторъ, къ соблазну другихъ отцовъ-офицеровъ, ѣздилъ въ салазкахъ на козлѣ получать отъ комиссара жалованье по нѣскольку копеекъ деньгами.

Во Псковѣ на шестомъ году мальчикъ началъ учиться грамотѣ. Въ тотъ вѣкъ контрастовъ одни родители начали учить дѣтей слишкомъ рано, другіе приступали къ этому весьма поздно; на ряду съ Митрофанушками, отправлявшимися подъ вѣнецъ прямо изъ подъ надзора своихъ мамокъ, встрѣчались 4-хъ, 5-ти-лѣтніе усердные грамотѣи; такъ, мать Державина выучила сына читать на 5 году и тотчасъ отдала его учиться писать; молодые Воронцовы съ пяти лѣтъ увлекались книгами. Знакомство съ остзейскими нѣмцами не могло дать полковнику никакихъ готовыхъ образцовъ по части воспитанія, и обученіе сына началось обычнымъ русскимъ порядкомъ. Во Псковѣ какой-то старикъ малороссіянинъ занимался обученіемъ дѣтей, приходившихъ къ нему на домъ; къ нему отправили и нашего героя. Была ли это школа, или просто случайный учитель собиралъ вокругъ себя учениковъ, мемуаристъ не помнитъ. Весьма можетъ быть, что это были остатки цыфирной школы того типа, какія основаны при Петрѣ во многихъ городахъ; эти школы не долго просуществовали въ своемъ первоначальномъ видѣ; иныя закрылись, другія существовали кое-какъ, въ той формѣ, какую имъ придавалъ учитель. Обученіе грамотѣ шло здѣсь, конечно, по часослову и псалтирю. Болотовъ плохо помнитъ свои занятія съ этимъ учителемъ, но говоритъ, что его способностями и успѣхами были довольны. Не мудрена была наука того времени съ безконечными складами, тяжелыми упражненіями по книгамъ, недоступнымъ дѣтскому пониманію. Проучившись болѣе года, Андрей при всемъ своемъ

стараніи плохо разбиралъ часословъ, и, даже не освоившись съ механизмомъ чтенія, уѣхалъ съ матерью въ деревню, когда отецъ, покончивъ ревизію, отправился въ полкъ.

Тутъ единственнымъ грамотеемъ былъ его дядька, одинъ изъ многочисленныхъ представителей стариннаго типа способныхъ и дѣльныхъ боярскихъ людей, крѣпостной интеллигенціи ранняго времени. Такія люди вырабатывались сами собой при общемъ складѣ жизни того времени. Помѣщикъ проводилъ время на службѣ; жена его бывала безграмотна или малограмотна; между тѣмъ, по хозяйству, по куплямъ и продажамъ нужно было имѣть грамотнаго человѣка; кромѣ того, всегда находились дѣла по приказамъ и воеводскимъ канцеляріямъ, часто случались тяжбы; еще въ XVII в. среди служилаго и землевладѣльческаго класса появилась страсть къ тяжбамъ, къ пріобрѣтенію юридическими уловками и тонкостями того, что плохо закрѣплено за владѣльцемъ. Приходилось поручать такія дѣла своимъ людямъ и снабжать ихъ полными довѣренностями; для этого выбирали людей сообразительныхъ и способныхъ, твердыхъ въ грамотѣ, которой ихъ, вѣроятно, и обучали съ особой заботливостью; вообще эти люди ни въ чемъ не должны были уступать дьякамъ и приказнымъ: это были свои домашніе юристы и адвокаты. Крѣпостному человѣку такія занятія бывали и лестны, и выгодны; узкія рамки холопскаго бытія его расширялись; у богатаго барина онъ становился чиновникомъ; у средняго приходилось исполнять и должности слуги, но положеніе его все-таки было почетное, и всѣ способности его, какъ человѣка, развивались и шли въ дѣло. Но много тяжелаго, трагичнаго встрѣчалось въ дѣлѣ и этихъ раннихъ крѣпостныхъ грамотеевъ.

Болотовскій дядька Артамонъ былъ по своему начитанъ, весьма силенъ въ св. писаніи и въ св. исторіи, зналъ кое-что о прошломъ Россіи, хорошо зналъ исторію святыни и памятниковъ Москвы, гдѣ долго живалъ по господскимъ дѣламъ, перебывалъ во всѣхъ приказахъ и канцеляріяхъ столичныхъ и провинціальныхъ, и отлично зналъ всякое дѣлопроизводство, дома онъ былъ гофмейстеръ, гувернеръ барчука, дворецкій и секретарь барыни. Какъ гувернеръ, Артамонъ добросовѣстно посвящалъ воспитанника во всѣ знанія, какими обладалъ самоучкой; въ описываемое время онъ доучилъ его русской грамотѣ, покончилъ часословъ и прошелъ псалтирь. Стара-

ніями ли учителя, преданнаго всей душой дому, или собственной охотой, только мальчикъ сталъ у него читать хорошо и съ толкомъ.

Письму Андрей Тимоѳеевичъ началъ учиться немного позже, когда они съ матерью снова пріѣхали къ отцу въ Эстляндію; отецъ назначилъ въ преподаватели своего лучшаго полковаго писаря. Послѣдній принесъ не малую пользу будущему литератору, сумѣвъ быстро пріохотить его не только къ письму, но и рисованію, въ которомъ мараковалъ. Среди сельскаго и полковаго досуга рисованье доставило нашему герою, какъ и его знаменитому современнику Державину, много пріятныхъ минутъ.

Къ девяти годамъ Болотовъ прошелъ понемногу элементарную науку, подвергаясь при этомъ такимъ же помѣхамъ и неудобствамъ, какъ и всѣ дѣти дворянства средней руки. Иначе воспитывались только дѣти самыхъ могущественныхъ представителей придворной аристократіи. Р. И. Воронцовъ выписывалъ для своихъ дѣтей отличныхъ гувернантокъ, у которыхъ они шутя выучивались по-французски; выписывалъ прекрасныя библіотеки, и сыновья его въ 12 лѣтъ были знакомы съ Буало, Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ и т. д. Но все это было пока доступно немногимъ избраннымъ: лучшая часть средняго дворянства, съ которой мы имѣемъ дѣло, принимала отчаянныя мѣры, чтобы гдѣ-нибудь раздобыться познаніями.

Мы знаемъ, что Державинъ, рано осиротѣвшій, учился въ Оренбургѣ въ пансіонѣ Розе, ремесленника и каторжника. Дѣло въ томъ, что основатель города, Неплюевъ, просилъ выслать къ нему для построекъ преступниковъ изъ купцовъ и мастеровыхъ; въ томъ числѣ оказался и нѣкто Розе; человѣкъ смѣтливый, онъ воспользовался потребностями только что съѣхавшагося населенія и открылъ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ. Учитель былъ жестокъ и безнравственъ, однако выучивалъ вокабулами нѣмецкому языку, и кромѣ того, каллиграфіи и рисованію перомъ; но поэтъ былъ благодаренъ и за это. Нѣмецкій языкъ въ половинѣ прошлаго столѣтія еще почитался принадлежностью образованнаго человѣка; французскій смѣнялъ его только при дворѣ.

Какъ ученикъ петровской школы, полковникъ Болотовъ ставилъ нѣмецкій языкъ и ариѳметику на первый планъ въ

обученіи сына; онъ самъ выросъ на нихъ, съ ихъ помощью выслужился; но даже въ балтійскихъ провинціяхъ онъ не могъ найти сыну порядочнаго нѣмецкаго учителя, а на выписыванье гофмейстера изъ-за границы не хватало средствъ. Пришлось обратиться къ нѣмцамъ, служившимъ въ полку; тутъ Болотова ожидалъ своего рода Розе: учителемъ его сдѣлался унтеръ-офицеръ Миллеръ, пріѣхавшій изъ Любека на русскую службу. „Богу извѣстно, какого былъ онъ роду, но только то мнѣ извѣстно, что онъ никакимъ наукамъ не умѣлъ, кромѣ одной ариѳметики, которую зналъ твердо, да умѣлъ также читать и писать очень хорошо по-нѣмецки, почему заключаю, что надобно быть ему простому купеческому сыну, и притомъ весьма небогатому и воспитанному въ простой городской школѣ весьма просто и низко". Подобно Розе, Миллеръ не зналъ грамматики и училъ мальчика вокабулами и заучиваньемъ нѣмецкихъ словъ наизусть по сотнямъ и тысячамъ; оба походили на лифляндскихъ шульмейстеровъ, счетчиковъ и каллиграфовъ, какими ихъ рисуютъ матеріалы Экардата. Для мальчика начались ежедневныя продолжительныя занятія, несмотря на неудобство полковой жизни. Унтеръ усердствовалъ передъ начальствомъ, и, при всей нелѣпости преподаванія, ученикъ довольно скоро началъ читать и писать по-нѣмецки; ариѳметика же шла вполнѣ успѣшно. Родители были довольны; при нихъ учитель хвалилъ его, съ глазу на глазъ ученикъ никогда не могъ угодить на злой нравъ нѣмца. Яростную брань мемуаристъ и въ счетъ не ставитъ, но битье и сѣченье его сильно угнетало. Миллеръ колотилъ его чѣмъ попало, стараясь только не оставлять кровавыхъ слѣдовъ, чтобы не возбудить вниманія командира; послѣдній былъ вполнѣ убѣжденъ, какъ и всѣ, что ученье безъ битья немыслимо, и преслѣдовалъ только самыя варварскія выходки учителя. Нѣмецъ же находилъ звѣрское наслажденіе въ самомъ процессѣ битья, часто досадовалъ на успѣхи ученика, потому что они лишали его предлоговъ продѣлывать свои экзекуціи; иногда онъ изощрялъ свои недальнія познанія на придумываньи запутанныхъ задачъ чтобы затруднить мальчика. Разъ, заподрѣвъ какой-то обманъ, онъ звѣрски билъ его; „грызъ почти меня зубами и терзалъ, какъ лютый звѣрь, безъ всякаго человѣчества и милосердія. Онъ такъ разъярился, что пѣна у него стояла во рту, и до тѣхъ поръ меня мучилъ, покуда выбился изъ силъ". Эта экзекуція

открылась, и учителю дали нагоняй, не особенно страшный, впрочемъ, потому что онъ скоро опять принялся за то же, велѣлъ заучить невѣроятное количество нѣмецкихъ словъ наизусть и заблаговременно приготовилъ цѣлый запасъ розогъ; насчитавъ 200 позабытыхъ словъ, принялся съ звѣрскимъ хохотомъ отсчитывать 600 ударовъ. На крики мальчика прибѣжала какая-то сосѣдка, отняла мученика и привела его къ матери. Тутъ только полковникъ запретилъ своему унтеру сѣчь безъ спроса.

Несмотря на все безобразіе учителя, Болотовъ обязанъ ему отличнымъ знаніемъ ариѳметики, которое дало ему возможность впослѣдствіи совершенно самостоятельно изучить геометрію и фортификацію; но успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ скоро застыли, мальчикъ не выучился у Миллера говорить. Тогда отецъ изыскалъ другой способъ обученія.

Въ 1748 г., въ виду большихъ успѣховъ Фридриха II-го въ борьбѣ съ Австріей, наши войска сдвигали къ западнымъ границамъ, а Архангелогородскій полкъ ввели въ предѣлы польской Курляндіи. Тутъ полковникъ завелъ, по обыкновенію, знакомство среди мѣстныхъ дворянъ: узнавъ, что у одного изъ нихъ живетъ при дѣтяхъ прекрасный гувернеръ, онъ постарался поближе сойтись съ нимъ и упросилъ, наконецъ, принять къ себѣ въ домъ мемуариста, чтобы дать ему возможность учиться вмѣстѣ съ своими сыновьями.

Русскій барченокъ, въ званіи каптенармуса, испытавшій рядомъ съ баловствомъ матери всѣ мучительства нѣмецкой педагогики, оказался теперь въ совершенно новой обстановкѣ, среди чужой семьи. Самъ хозяинъ былъ почти старикъ, суровый и строгій, державшій семью и домъ въ ежевыхъ рукавицахъ, но по образованію выдавался изъ массы сельскаго нѣмецкаго дворянства. Его сыновья оказались старше Болотова, почти юношами, и жили въ особо выстроенномъ для нихъ флигелѣ; для нихъ былъ выписанъ изъ Лейпцигскаго университета учитель-саксонецъ Чаахъ, показавшійся Болотову феноменальной учености. Юноши уже прошли элементарныя науки, знали древніе и новые языки, и саксонецъ занимался съ ними главнымъ образомъ философіей на латинскомъ языкѣ; съ нашимъ мальчикомъ онъ занимался немного особо чтеніемъ и разговорами по-нѣмецки, началъ учить его по-французски. Но у Болотова больше всего осталась въ памяти вся обста-

новка нѣмецкаго дома и обращеніе съ дѣтьми. Жизнь семьи текла чинно съ суровой аккуратностью; во всемъ домѣ царилъ строгій порядокъ, не допускавшій отступленій; дѣти не смѣли пикнуть передъ старшими. При своей суровости, дисциплина курляндца была разумна для того времени: дѣтей пріучали къ трудолюбію и сдержанности, но не застращивали и не забивали. Болотовъ не слыхалъ въ этой семьѣ ни одного браннаго слова, и никто его пальцемъ не тронулъ; самъ суровый хозяинъ былъ внимателенъ, иногда даже ласковъ къ русскому мальчику.

Всего полгода пробылъ у курляндца Болотовъ, но такъ запомнилъ эту семью, что въ Запискахъ преувеличиваетъ вліяніе этого эпизода на свое развитіе: „Въ семъ-то мѣстѣ и въ сіе-то время впечатлѣлись въ меня первѣйшія склонности къ наукѣ, искусствамъ и художествамъ, производившія мнѣ толь безчисленные и пріятные часы и минуты въ жизни. Всему хорошему, что есть во мнѣ, положилось тутъ начало, а сверхъ того имѣлъ я и ту пользу, что, живучи въ такомъ порядочномъ домѣ, имѣлъ я первый случай узнать о жизни нѣмецкихъ дворянъ и полюбить оную“. Чинная нѣмецкая семья, идеализированная ради поучительнаго примѣра дѣтямъ и потомству. — Но, конечно, пребываніе у курляндца произвело сильное впечатлѣніе на мальчика; послѣ Миллера, его поразила спокойная внушительность лейпцигскаго философа, и онъ быстро сообразилъ, гдѣ свѣтъ и гдѣ тьма. Едва мальчикъ приступилъ съ гувернеромъ къ изученію географіи, какъ Архангелогородскій полкъ передвинули въ Финляндію. Полковникъ отправилъ жену въ деревню, а сына перевезъ въ Петербургъ.

Тамъ въ эту пору (1749 — 50 г.) возникли одинъ за другимъ частные пансіоны, устраиваемые всевозможными иностранными выходцами. Лѣтъ черезъ 5 — 6 ихъ столько развелось въ обѣихъ столицахъ, а рядомъ съ ними такое множество учителей, темныхъ, невѣжественныхъ личностей, что при открытіи Московскаго университета нашли необходимымъ провѣрить познанія этихъ выходцевъ. — Въ Запискахъ Болотова мы встрѣчаемъ едвали не единственное описаніе пансіона того времени. Пансіонъ Ферри, съ которымъ онъ насъ знакомитъ, былъ, вѣроятно, одинъ изъ раннихъ; его содержалъ въ зданіяхъ кадетскаго корпуса учитель французскаго языка этого заведенія. Этотъ пансіонъ считался тогда самымъ лучшимъ.

Заботливый отецъ совѣтовался съ родственникомъ, ротмистромъ конной гвардіи, хорошо знавшимъ Петербургъ, и заведеніе было выбрано по его рекомендаціи. Удобнѣй всего, казалось бы, отдать мальчика прямо въ Корпусъ; но полковникъ почему-то находилъ это неудобнымъ; даже послѣ его смерти, когда друзья и родичи долго обсуждали вопросъ, какъ быть съ мальчикомъ, гдѣ его доучить и произвести въ офицеры, о корпусѣ и не поминаютъ.

Въ пансіонѣ было всего до 15 учениковъ, живущихъ и приходящихъ; число послѣднихъ часто измѣнялось, то прибывало, то убывало. Для класса была отведена одна большая комната казенной квартиры; въ этой же классной были отгорожены досками маленькія помѣщенія, конторочки, какъ выражаются Записки, гдѣ жили самые знатные пансіонеры. Лучшую конторочку занималъ Болотовъ съ другимъ полковничьимъ сыномъ, Нелюбохитинымъ; а рядомъ за перегородкой помѣщались два сына сенатскаго секретаря. Среди приходящихъ являлась учиться французскому языку взрослая дѣвушка, дочь какой-то майорши. При барчукахъ состояла прислуга, которая гнѣздилась тоже гдѣ-то въ казенномъ зданіи. Вѣрный дядька Артамонъ являлся утромъ и вечеромъ одѣвать и раздѣвать своего маленькаго воспитанника. Въ столѣ строго соблюдались скоромные и постные дни; но кормили по всѣмъ днямъ плохо; барчуки голодали; только булочникъ, состоявшій при Корпусѣ, и щи, приготовляемыя ихъ слугами, подкрѣпляли ихъ.

Ферре и его жена были люди старые, очень тихіе и добрые характеромъ; оба полюбили и ласкали Болотова. Самъ французъ проводилъ почти цѣлый день въ Корпусѣ, всего часа два въ сутки отдавая пансіонерамъ; а съ ними занимался его старшій сынъ, уже юноша, малый изрядный; младшій же былъ enfant terrible пансіона; за шалости и злыя выходки его всѣ не терпѣли. Отецъ и сынъ учили одному французскому языку. Обычнымъ упражненіемъ служили переводы съ русскаго на французскій языкъ басенъ Езопа и русскихъ газетъ[1]; другихъ легкихъ пособій или хрестоматій еще не водилось; а ученики были очень благодарны и за эту методу, несравненно

[1]) «Чтеніе вѣдомостей» входило въ программы пансіоновъ того времени. Въ 1772—1774 г. почетный профессоръ Бернардъ де-ла Георцелеръ, читая публичный курсъ на французскомъ языкѣ, объяснялъ газеты критически и исторически (Исторія Имп. Москов. Университета. С. Шевырева.).

болѣе живую и занимательную, чѣмъ зубренье вокабулъ; они съ интересомъ читали газеты и кстати знакомились со всѣмъ происходившимъ въ свѣтѣ, съ именами странъ и государствъ. Подрядившись обучать географіи, французъ нанялъ ради этого нѣмца, который приходилъ одно время каждый день объяснять ученикамъ карту Европы, но скоро исчезъ, заронивъ кое-какія свѣдѣнія только въ головахъ такихъ усердныхъ мальчиковъ, какъ нашъ герой. Исторіи вовсе не преподавали. Болотовъ пополнилъ этотъ пробѣлъ чтеніемъ Фенелонова Телемака, сперва по-французски вслухъ самому Ферре, а потомъ по-русски, и найденной у отца древней исторіей Курраса.

Таковъ былъ лучшій пансіонъ въ Петербургѣ. За французскій языкъ, карту Европы и скудное содержаніе мальчика Болотовы платили очень большія для того времени деньги — болѣе ста рублей въ годъ, то-есть всю ту сумму дохода, какую получали деньгами со своихъ деревень; да кромѣ того, платили рисовальному мастеру-нѣмцу, приватно обучавшему сына рисованію. Чтобы извлечь изъ этого пансіонскаго обученія что-нибудь дѣльное и прочное, нужно было имѣть всю старательность и раннюю серьезность мемуариста, съ интересомъ вникавшаго и въ басни Езопа, и въ газетныя статьи, и въ Телемака. У Ферре онъ не пробылъ и года, — болѣзнь и смерть отца прервала его школьную жизнь. Потуживъ и погадавъ надъ его судьбой, родные отправили мальчика къ матери въ Дворяниново, гдѣ онъ и просидѣлъ 2 года безъ дѣла, пока горькая вдова не надумала опять снарядить его въ Петербургъ въ ученье; но ученье со смерти отца стало еще случайнѣе; мальчикъ учится самостоятельно.

Водворенный у дяди-ротмистра, Андрей Тимоѳеевичъ долженъ былъ ходить къ одному богатому генералу учиться у француза-гувернера вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. Тутъ онъ встрѣтилъ новый своеобразный типъ иностраннаго выходца. Мр. Лаписъ былъ по своему начитанный человѣкъ, образованный, даже, какъ полагали ученики, ученый; но его познанія и мысли оставались тайной для нихъ и, кажется, для всего дома. Прибывшій недавно изъ Франціи, онъ не зналъ ни слова по-руски; о преподаваніи не имѣлъ понятія, и видимо не зналъ, что дѣлать съ учениками. Цѣлый день онъ сидѣлъ, почти не отрываясь, за своими французскими книгами, а мальчикамъ давалъ списывать статьи изъ огромнаго словаря французской

академіи и выучивать ихъ наизусть. Статьи были скучны и совершенно непонятны для мальчиковъ; и ничего бы не вышло изъ занятій съ Лаппсомъ, если бы не приходилось поневолѣ говорить съ нимъ по-французски; веселый и добродушный, онъ прекрасно обращался съ мальчиками и никогда ихъ не наказывалъ.

Генеральскіе сынки, подобно Болотову, съ раннихъ лѣтъ числились въ полкахъ, и въ 1752 г. состояли въ званіи сержантовъ артиллеріи; въ виду близкаго экзамена на офицерскій чинъ имъ наняли артиллерійскаго капрала для обученія геометріи и инженернаго кондуктора — для фортификаціи. Сынки были тупы и лѣнивы на ученье; учителя подолгу бились съ ними надъ каждой задачей; а Андрей Тимоѳеевичъ, сидя въ уголку, внимательно слушалъ и все перенималъ: завелъ себѣ циркуль и все необходимое для черченья и чистенько составилъ для себя чертежи всѣхъ геометрическихъ задачъ, заимствовалъ кое-что и по фортификаціи. Скоро онъ опять уѣхалъ въ Дворяниново по случаю смерти матери, и уже тамъ дополнилъ свои знанія по прекраснымъ тетрадямъ дяди, премьеръ-майора, списавшаго ихъ у самого Ганнибала.

На этомъ покончилось обученіе сержанта; онъ учился весьма безпорядочно, прихватывая урывками, гдѣ что̀ придется; цѣльнѣе прочаго усвоилъ онъ математику, отчасти потому, что съ петровскихъ временъ относительно этихъ знаній были поставлены самыя опредѣленныя требованія; а между тѣмъ Болотовъ вполнѣ подходилъ къ тому уровню знаній, который требовался отъ образованнаго офицера того времени. Единственнымъ заведеніемъ, дававшимъ общее образованіе дворянскимъ дѣтямъ, былъ тогда Шляхетный корпусъ: до нашего времени дошелъ маленькій печатный списокъ кадетъ съ аттестатами, какіе имъ выдавались при выпускѣ, весьма неполный, правда, заканчивающійся выпускомъ 1747 года. Въ аттестатахъ перечислены всѣ науки, какія кто проходилъ; поэтому эти аттестаты можно съ достаточнымъ основаніемъ принять за общую норму требованій отъ образованнаго по тому времени дворянина. Прикладывая эту норму къ познаніямъ нашего героя, легко замѣтить, что многіе кадеты не проходили и того, чему онъ хоть немного научился; далеко не всѣ учились французскому языку, фортификаціи, даже географіи, а выпускались прапорщиками, тогда какъ Болотовъ

явился въ полкъ сержантомъ. Прапорщикъ Гнѣвушевъ вышелъ съ слѣдующимъ аттестатомъ: „Геометрію и практику окончалъ, иррегулярную фортификацію началъ: по-нѣмецки говоритъ и пишетъ нарочито, имѣетъ доброе начало во французскомъ языкѣ, исторію и географію началъ". Все это близко подходитъ къ уровню знаній автора Записокъ; какъ старательный самоучка, онъ долженъ былъ знать это немного тверже и отчетливѣй многихъ кадетъ: онъ умѣлъ рисовать и чертить, древнюю исторію прошелъ по Куррасу, читалъ историческія книги даже по военной исторіи. Вотъ еще аттестатъ болѣе успѣшнаго кадета, прапорщика Колобова: „Геометрію и иррегулярную фортификацію окончалъ, обучается регулярной, рисуетъ ландшафты красками, переводитъ на французскій языкъ, разумѣетъ и говоритъ хорошо по-нѣмецки, переводитъ съ россійскаго на нѣмецкій языкъ, сочиняетъ нѣмецкія письма по диспозиціи, учится исторіи универсальной, географіи по Гоманскимъ картамъ и исторіи специальной новѣйшихъ временъ".

Ни въ аттестатахъ, ни въ домашнемъ обученіи Законъ Божій не поминается, какъ предметъ преподаванія. Всякое обученіе начиналось съ церковныхъ книгъ и потому предполагалось, что всякій учащійся самъ собою знакомился съ основами своей вѣры. О священной исторіи не было и помину; всякій могъ вычитывать ее откуда угодно. Набожный по-своему, Болотовъ ни разу въ Запискахъ не поминаетъ объ Евангеліи, какъ будто онъ его вовсе не читалъ или находилъ излишнимъ говорить о немъ. Впрочемъ онъ долго жилъ подъ вліяніемъ людей непосредственной вѣры и людей, занимавшихся иногда религіозными вопросами. Дядька Артамонъ, перечитавшій не мало божественныхъ книгъ, разсказывалъ питомцу о сотвореніи міра, о разныхъ событіяхъ священной исторіи; а поселившійся въ деревнѣ дядя-маіоръ снабдилъ племянника Четьи-Минеями и книгой Яворскаго „Камень вѣры". Внимательное чтеніе того и другого на сельскомъ досугѣ пріучило юношу вдумчиво и серьезно относиться къ религіознымъ вопросамъ. И многимъ, вѣроятно, барчукамъ XVIII-го в. крѣпостные дядьки-грамотеи послужили единственными учителями своей народной вѣры; въ высшемъ же слоѣ дворянства, гдѣ дѣти вовсе не соприкасались съ людьми народнаго склада, они часто оказывались внѣ всякихъ религіозныхъ понятій.

Щепкина.

„Бригадиръ“ Фонъ-Визина.

Первая комедія Фонъ-Визина была „Бригадиръ“. Вотъ ея содержаніе. Въ деревнѣ, у отставленнаго за взятки совѣтника, собралась компанія, состоящая изъ бригадира, бригадирши и сына ихъ Иванушки. Совѣтникъ, совѣтница и дочь ихъ Софья ведутъ разговоръ съ гостями. Изъ этого разговора вы узнаете, что Софью хотятъ выдать за Иванушку, что бригадиръ влюбленъ въ совѣтницу, а совѣтникъ въ бригадиршу: что Софья влюблена въ какого-то молодого человѣка Добролюбова, что, наконецъ, сынъ бригадира Иванушка, вмѣстѣ съ отцомъ, также влюбленъ въ совѣтницу, которая показываетъ, что она неравнодушна къ сыну, а не къ отцу. Съ самаго начала вы не знаете, на комъ остановить свое вниманіе, кто жъ будетъ героемъ пьесы, и боитесь перезабыть, кто въ кого влюбленъ, потому что это главная пружина комедіи распредѣлена лицамъ совершенно произвольно. Разговоръ въ первомъ явленіи длится довольно долго и какъ-то нескладно, оттого, что каждый старается опредѣлить себя въ этомъ разговорѣ, показать себя. Авторъ не обозначилъ въ названіи ролей, что совѣтникъ плутъ, бригадирша дура, сынъ бригадира глупый мальчишка, бывшій въ Парижѣ, пренебрегающій всѣмъ русскимъ, потому что оно не французское, и т. д., и потому въ первомъ явленіи онъ заставляетъ лица эти говорить о себѣ такія вещи, которыя совсѣмъ не нужны для хода комедіи. Такимъ образомъ вы видите, что лица эти знакомятъ публику съ собою не своими дѣйствіями и не развивая свои характеры мало-по-малу, а прямо говорятъ безъ обиняковъ: „дуракъ“, „я плутъ“... Потомъ начинаются поочередныя объясненія въ любви, и, во-первыхъ, совѣтницы съ сыномъ бригадира. Совѣтница говоритъ, что она страдаетъ отъ своего „урода“, что мужъ ея прямая приказная строка, что у нея всѣ способы къ отмщенію были отняты до настоящаго времени, потому что сосѣди „неучи и скоты, которые сидятъ по домамъ обнявшись съ женами“, что они ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ: „прямыя свиньи“. На это сынъ бригадира удивляется, какъ она можетъ жить съ такою тварью... Потомъ они начинаютъ гадать и узнають, что они влюблены другъ въ друга. Совѣтница разсуждаетъ такъ, что нѣтъ ничего

комоднѣе свободы, что имѣть мужа или быть связанной — все равно.

Потомъ объясняются въ любви Добролюбовъ и Софья.

Во второмъ дѣйствіи: совѣтникъ дѣлаетъ наставленія Софьѣ выйти замужъ за сына бригадира, потому что тогда она будетъ имѣть свекровью бригадиршу, которая „превосходитъ всякую тварь своими добродѣтелями и которая написана у Господа въ книгѣ „животныхъ". Послѣ ухода Софьи совѣтникъ объясняется въ любви бригадиршѣ. Эта сцена была бы недурна, если бы не была растянута.

Конечно, много комизма въ объясненіи совѣтника-ханжи, человѣка, который отъ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будетъ, человѣка, которому трудно высказать свое желаніе, который долженъ говорить обиняками о дьявольскомъ искушеніи: но когда этотъ человѣкъ доходитъ до словъ: согрѣшимъ и покаемся", онъ высказывается вполнѣ; убѣдительнѣе и энергичнѣе что-либо сказать не подъ силу натурѣ совѣтника, задушевная мысль его высказана, по его понятію, сильно и убѣдительно... Тутъ бы, казалось, и конецъ объясненію... Такъ нѣтъ, автору понравилось затруднительное положеніе совѣтника, онъ длитъ дѣйствіе и впадаетъ въ фарсъ. Со стороны бригадирши совершенное неразумѣніе страсти совѣтника послѣ этихъ словъ дѣлается невѣроятнымъ. Вы даже охотнѣе согласитесь подумать, что она умная женщина, которая нарочно не хочетъ понимать неблаговидный разговоръ совѣтника и желаетъ насладиться его затруднительнымъ положеніемъ. Но выходитъ иначе: она ничего не понимаетъ, даже и тогда, когда совѣтникъ сталъ на колѣни и сказалъ: „я люблю тебя, матушка!" Вы видите, что тутъ уже нѣтъ комедіи, что зачатки ея были, но что они подавлены желаніемъ острить, смѣшить и исправлять нравы. Когда на нѣжныя слова совѣтника: „согрѣшимъ и покаемся" бригадирша отвѣчаетъ: „Какъ не согрѣшить, батюшка? Единъ Богъ безъ грѣха" — выходитъ смѣшно, но не естественно, потому что глупость переходитъ границы. Весь дальнѣйшій разговоръ, всѣ слѣдующіе доводы совѣтника начинаютъ дѣло сызнова и повторяютъ то же, что было сказано, только другими словами: отъ этого вамъ уже не хочется ихъ читать. Авторъ хотѣлъ поддержать смѣшную сторону положенія совѣтника и бригадирши - и дѣлаетъ ихъ разговоръ скандалезнѣе, но этимъ ничего не выигрываетъ.

Начинаются натяжки; бригадирша говоритъ, что она не понимаетъ многихъ словъ, и что только одинъ Игнатій Андреевичъ всѣ слова выговариваетъ такъ чисто, такъ рѣчисто, *какъ попугай.* Вы видите, что бригадирша даже острить начинаетъ — бригадирша, у которой совѣтникъ спрашиваетъ: „неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?“ и она отвѣчаетъ: „не понимаю, мой батюшка“. Наконецъ, къ довершенію неестественности, совѣтникъ становится на колѣни передъ бригадиршой, — тотъ совѣтникъ, который не могъ лучше высказать своей любви, какъ словами: „согрѣшимъ и покаемся“. Но бригадирша и этого не понимаетъ; только сынъ могъ ей объяснить, что совѣтникъ „амурится“.

Будемъ слѣдить дальше ходъ комедіи. Бригадирша бѣсится, узнавъ, что съ ней совѣтникъ амурничаетъ, но совѣтница уговариваетъ ее потомъ, что совѣтникъ не амурился, сынъ подтверждаетъ слова ея, говоря: „чортъ меня возьми, ежели эта неправда“. Бригадирша испугалась и говоритъ: „Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись: вѣдь чортомъ не шутятъ. Сложи руку Иванушка, да перекрестись хорошенько“. Однакожъ, начинаетъ склонятся на это убѣжденіе и говоритъ: „*что за дьявольщина!* да чему же вѣрить?“

Третье дѣйствіе начинается бранью между бригадиромъ и сыномъ, который увѣряетъ отца, что несносно быть женатымъ на русской. Къ чему этотъ разговоръ? Но мы уже могли замѣтить, что въ ходѣ пьесы нѣтъ никакой послѣдовательности: одно дѣйствіе не вытекаетъ изъ другого, всегда какъ-то приклеено къ нему снаружи, такъ что если бъ его отнялъ авторъ, вы бы никогда не замѣтили пробѣла. Такъ точно и съ этимъ дѣйствіемъ. Но въ этомъ-то случаѣ и видна назидательная цѣль комедіи, какъ понимали ее въ то время. Что̀ нужды, если нѣтъ цѣлости и единства пьесы, лишь бы она была поучительна. Въ этомъ разговорѣ отца и сына, сынъ проявляется безграничнымъ дуракомъ; онъ видѣлъ Парижъ и думаетъ, что отъ этого уменъ, между тѣмъ какъ, не видѣвъ Парижа, можно быть образованнымъ человѣкомъ. Это довольно плохое назиданіе, приправленное нравоученіемъ, что внѣшность, лоскъ иностранный не составляетъ образованности, перерываетъ дѣйствіе или, лучше сказать, поставлено на ряду съ другими сценами. Повторяемъ: въ этомъ случаѣ даже незачѣмъ спрашивать, почему авторъ вводитъ такія сцены. Для Фонъ-Ви-

зина довольно было того, что въ тогдашнемъ обществѣ существовала эта сторона, что въ немъ была привязанность къ внѣшности европейской, что этою внѣшностью была прикрыта необразованность и грубость — и вотъ онъ даетъ мѣсто въ своей комедіи и этой сторонѣ жизни, хотя оно по ходу дѣла и лишнее. У Фонъ-Визина сынъ бригадира и совѣтница олицетвореніе этой внѣшней привязанности ко всему иностранному; а такъ какъ эта привязанность, по отсутствію содержанія, очень неосновательна, то и лица эти глупы до той степени, до которой могли они дойти въ комедіи, имѣвшей цѣлью только острить и смѣшить. Напримѣръ, въ этомъ разговорѣ бригадиръ говоритъ сыну: „Однако, ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ“. А сынъ на это отвѣчаетъ: „Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась“.

Это даетъ поводъ бригадиру сказать такія назидательныя слова сыну: „Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: этакій оселъ!“

Даже, чтобъ показать высшую глупость сына, некстати съѣздившаго въ Парижъ, авторъ заставляетъ его спросить у отца: „Да какое право имѣете вы надо мною властвовать? когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хоть малѣйшимъ респектомъ?“

Этотъ вопросъ странно звучитъ, во-первыхъ, въ устахъ сына-дурака, а во-вторыхъ, такой вопросъ не могъ принадлежать обществу Екатерины. Если мы и перенимали многое отъ иностранцевъ, то это многое относилось преимущественно къ внѣшности, а не къ такимъ вопросамъ. Общество высшее, вполнѣ образованное, которое было проводникомъ мнѣній европейскихъ, не могло задать этого вопроса, потому что оно было образовано; общество же низшее, которое переняло только отъ Запада пудру, помаду, кафтаны и тому подобныя вещи, не приняло отъ Запада, вмѣстѣ съ костюмомъ, рѣшительно ни одного вопроса, а попрежнему крѣпко стояло въ старинныхъ вѣрованіяхъ, несмотря на измѣненную внѣшность; слѣдовательно, вопросъ неестественъ, но зато отвѣтъ бригадира простъ, ясенъ и прямо изъ жизни. Онъ говоритъ: „Что ни щенокъ, такъ въ этомъ никто не сомнѣвается; однако я

тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакій скосырь выѣхалъ!"

Является совѣтница и заставляетъ сына разсказывать о Парижѣ. Вотъ отрывокъ изъ ихъ разговора:

„Сынъ: Во Франціи, люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то-есть нерусскіе.

Совѣтница. Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебя изрядную идею. Неправда ли, что во Франціи живутъ по большой части французы?

Сынъ *(съ восторгомъ)*. Vous-avez le don de deviner.

. . . .

Совѣт. Скажи мнѣ, жизнь моя: можно ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они русскіе?

Сынъ. Totalement нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено: однако нельзя и того сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ illusion".

Вы видите, что разсужденія сына и совѣтницы переходятъ всѣ границы вѣроятія. Это уже и не смѣшно, и не остро, и не поучительно. Когда совѣтница, женщина не глупая, какъ видно изъ многихъ мѣстъ комедіи, спрашиваетъ: „не правда ли, что во Франціи живутъ по большей части французы"? дѣлается скучно и стыдно за умъ Фонъ-Визина. А все оттого, что авторъ видѣлъ въ своихъ герояхъ не образы, въ которые воплощены живыя идеи общества, но въ лицѣ ихъ хотѣлъ насмѣяться надъ нелѣпымъ подражаніемъ внѣшности французской; цѣль была внѣ лицъ дѣйствовавшихъ, и оттого совѣтница и сынъ бригадира не живыя лица, а пародіи на ложное увлеченіе общественное.

Но идемъ дальше, куда влечетъ насъ четвертое явленіе третьяго дѣйствія. Дошла очередь до бригадира объясняться въ любви. Бригадиръ, какъ человѣкъ военный, излагаетъ свою любовь коротко и ясно. Онъ говоритъ совѣтницѣ: „Представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храбрый генералъ: что̀ онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я, какъ храбрый полководецъ, а ты моя фортеція, которая, какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее сдѣлать можно".

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Такимъ образомъ въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ, одинъ за другимъ поочередно всѣ объяснялись въ любви. Предъ вами выступило множество лицъ въ одинаковой степени, но съ разныхъ сторонъ пошлыхъ; между этими господами есть два лица, представляющія благовидную и приличную сторону общества — это Добролюбовъ и Софья. Они нѣжно любятъ другъ друга, они чувствуютъ по-человѣчески, они образованы. Всего этого, конечно, не видно изъ дѣйствій этихъ лицъ; по крайней мѣрѣ такъ заставляетъ говорить ихъ авторъ. Эти лица безукоризненны и скучны. Они страдаютъ, потому что Софью хотятъ выдать за Иванушку. Въ то время, когда они страдаютъ, проходятъ предъ зрителями сцены объясненій людей пошлыхъ, совершенно противоположныхъ Добролюбову и Софьѣ. Но вы не знаете еще, на комъ остановить вниманіе. Всѣ эти лица явились на сцену, поговорили и ушли. Авторъ хочетъ представить ихъ смѣшными; но какъ же онъ заставилъ ихъ развиться и высказать себя, какое происшествіе всколышетъ всѣ эти пошленькія натуры, на комъ сосредоточитъ онъ интересъ, какая тутъ господствующая идея, въ чьемъ образѣ она воплотилась, и какія лица ее только дополняютъ? Покамѣстъ въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ всѣ лица были повидимому главныя и всѣ второстепенныя. По заглавію пьесы „Бригадиръ" вы обращали преимущественно вниманіе на этого героя; но онъ, какъ и другіе, объяснился лаконически съ супругою совѣтника и сошелъ со сцены.

Слѣдовательно, отъ дальнѣйшихъ дѣйствій вы уже ожидаете сосредоточенія интереса на какомъ-нибудь лицѣ, ожидаете происшествія, которое освѣтитъ преимущественно чью нибудь комическую натуру и заставитъ двинуться за собой весь этотъ хороводъ.

Посмотримъ.

Четвертое дѣйствіе начинается разговоромъ Добролюбова и Софьи: они мечтаютъ о будущемъ, о бракѣ. Является бригадирша: она плачетъ. Добролюбовъ спрашиваетъ у нея: „О чемъ вы плакали, сударыня?" Бригадирша отвѣчаетъ: „Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!"

Софья. „Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу и ворогу итти замужъ.

Софья. Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я была женою вашего сына?

Бриг. Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала про себя.

Добролюбовъ. Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бриг. И вѣдомо.

Потомъ бригадирша жалуется на мужа, что онъ однажды шутя чуть не убилъ ее.

Добр. ..Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бриг. Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ, бывало, нашихъ офицершей. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хмельной: такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за что. Ну мы, наша сторона дѣло, а ино наплачешься на нее глядя

Весь этотъ разговоръ безъ результата для хода пьесы. Онъ вставочный, лишній; но мы привели его, какъ одно изъ рѣдкихъ мѣстъ, когда Фонъ-Визину удавалось быть художникомъ, двумя-тремя словами рисующимъ передъ вами образъ, о которомъ нехудожнику нужно говорить долго, долго, чтобы сдѣлать его понятнымъ. Логика бригадирши, заказывающей и другу и недругу итти замужъ, но въ то же время говорящей, что это не относится къ Софьѣ, хотя и говорится про всѣхъ, есть та эссенція, которая разжижена Фонъ-Визинымъ въ роли бригадирши по цѣлой комедіи, но которая въ этомъ случаѣ представлена во всей своей наивной глупости. Послѣ этого вы понимаете, что за лицо бригадирша. Когда у нея Добролюбовъ спрашиваетъ, какъ же жить съ такимъ мужемъ, который можетъ убить, ея отвѣтъ: „такъ и жить“ — есть верхъ прелести. Брани она своего мужа и не допускай возможности съ нимъ жить, она не была бы бригадирша, она утратила бы характеръ глупости, она сдѣлалась бы резонеркой; но она бранитъ и находитъ возможность продолжать жить съ бригадиромъ, потому что она не одна замужемъ и потому что ка-

питанъ еще не такъ бивалъ капитаншу, а „въ чемъ душа останется; а ни дай, ни вынеси за что“.

Это настоящій комизмъ; но онъ сейчасъ же истощается шутовствомъ и фарсерствомъ. Въ слѣдующихъ сценахъ бригадиръ и совѣтникъ, сынъ бригадира и совѣтница, Добролюбовъ и Софья играютъ въ карты; въ это время бригадирша слушаетъ, что̀ говорятъ. Сынъ, смотря въ карты, между прочимъ говоритъ: „Санпрандеръ шесть матедоровъ“, — а бригадирша спрашиваетъ: „Что, мой батюшка, что ты сказалъ, мададуры? Вотъ нынче стали играть и въ дуры; а бывало такъ всѣ въ дураки игрывали“. — Вы видите, что желаніе смѣшить и заставлять говорить глупости причиной этихъ словъ, которыя такъ же остроумны, какъ и вопросъ совѣтницы: „неправда ли, что во Франціи живутъ французы?“ — Эти слова уже странны не только для художника, но просто для умнаго человѣка, — и ихъ могъ сказать Фонъ-Визинъ! Нужно замѣтить, что у него очень часто встрѣчаются подобныя выходки, которыя можно объяснить только состояніемъ того общества, для котораго писалъ Фонъ-Визинъ, и которое могло забавляться подобными остротами.

Поостривъ за картами, компанія начинаетъ разсуждать на тему бригадира, который говоритъ, что жена его „не къ мѣсту печальна, не къ добру весела; зажилась долго, грѣха много некстати“. За бригадиршу вступается совѣтникъ, и между ними оканчивается разговоръ о дорогихъ сожительницахъ: бригадиршѣ и совѣтницѣ.

Этимъ замыкается четвертое дѣйствіе. Въ пятомъ сынъ бригадира уговариваетъ совѣтницу бѣжать, потому что бригадиръ ревнуетъ сына; время тратить незачѣмъ, они торопятся. и говорятъ о чемъ? — о томъ, что французскіе учителя въ Россіи ни больше, ни меньше, какъ кучера, что большая половина изъ нихъ грамоты не знаетъ, однакожъ, несмотря на это, они могутъ внушить русскому совершенно французскій духъ; вслѣдствіе чего совѣтница обѣщаетъ уважать всѣхъ кучеровъ. Потомъ сынъ становится на колѣни и проситъ совѣтницу, чтобы она бѣжала съ нимъ... Удивительная логичность дѣйствій! Даже въ разгарѣ дѣйствія, въ томъ случаѣ, когда нѣтъ мѣста никакому чувству, кромѣ страха погони, герой Фонъ-Визина хладнокровно разсуждаетъ, какъ будто они сидятъ за длиннымъ, скучнымъ обѣдомъ. Въ то время,

когда сынъ стоитъ на колѣняхъ передъ совѣтницей (чего по ходу дѣйствія совсѣмъ ненужно), входятъ бригадиръ и совѣтникъ.

Что жъ сказалъ сынъ, когда увидѣлъ передъ собою отца своего и мужа совѣтницы, когда онъ зналъ, что взбѣсилъ одного и другого, когда онъ помнилъ, что бригадиръ уже обѣщалъ въ одномъ мѣстѣ „выломать ему ребра", если онъ будетъ часто говорить съ совѣтницей, когда онъ могъ чувствовать, что въ этотъ моментъ руки бригадира судоржно двигались? Сынъ вскочилъ и сказалъ тому и другому: „serviteur trés humble". Гдѣ же страхъ, самое простое и единственное чувство въ первый моментъ испуга? Ничего не бывало; вѣдь сынъ не признаетъ связей семейныхъ; слѣдовательно, чего же ему бояться?.. Какая натяжка! Бригадиръ и совѣтникъ начинаютъ грозить совѣтницѣ и сыну; но ихъ усмиряетъ совѣтница, которая объявляетъ, что она видѣла, какъ совѣтникъ объяснялся въ любви бригадиршѣ, а бригадира заставляетъ молчать, потому что онъ самъ же „объявилъ ей свою любовь".

Вслѣдствіе этого, Добролюбовъ и Софья вступаютъ въ законный бракъ, добродѣтель награждается, и совѣтникъ, обращаясь къ партеру, заключаетъ пьесу словами: „Говорятъ, что съ совѣстью жить худо! а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже".

Припомнимъ теперь весь ходъ пьесы. Сынъ бригадира объясняется въ любви совѣтницѣ; Добролюбовъ объясняется въ любви Софьѣ; совѣтникъ объясняется въ любви бригадиршѣ; бригадиръ объясняется въ любви совѣтницѣ. Отъ нечего дѣлать говорятъ о Парижѣ, играютъ въ карты и, наконецъ, другъ друга уличаютъ въ объясненіяхъ и расходятся. Больше ничего. Лица обозначили другъ друга въ первомъ разговорѣ, и въ теченіе пяти дѣйствій ничего не прибавляютъ къ своимъ характерамъ. Дѣйствія нѣтъ; слѣдовательно, лица эти какъ вышли на сцену, такъ и сошли съ нея; въ нихъ не было движенія, они не жили, не дѣйствовали каждый сообразно своему образу мыслей, но остались каменными. Поэтому, вы видите, что здѣсь комедіи не было. Комедія, какъ и трагедія, имѣетъ свою борьбу, свою жизнь, свои страданія, свои волненія. Ея герои не уродливыя статуи, а живыя лица; жизнь имъ сообщается внутреннею борьбою, а не внѣшнею примѣсью остротъ, шутокъ, фарсовъ. Эта внутренняя борьба героевъ

комедіи для нихъ-самихъ кажется трагичною, потому что она для нихъ естественна, вытекаетъ изъ сущности ихъ природы; но для публики она смѣшна, потому что въ основаніи ея лежатъ ложныя начала героевъ комедіи, ненормальныя убѣжденія: они борются за такое вѣрованіе, которое смѣшно, неестественно; они страдають изъ-за него, и публика смѣется надъ этой борьбой. Въ комедіи герой живетъ въ силу ложныхъ убѣжденій, между тѣмъ какъ въ трагедіи онъ волнуется, страдаетъ и живетъ во славу истины и долга. Мы, русскіе, имѣемъ одну только комедію, которая вполнѣ удовлетворяетъ требованію искусства: это „Ревизоръ" Гоголя. Разскажемъ вкратцѣ ея содержаніе, чтобъ, обратясь потомъ къ Фонъ-Визину, указать его недостатки въ постройкѣ комедіи.

„Ревизоръ" Гоголя есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ, — пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе: до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безцвѣтна; городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ самоварниковъ и архибестій; Тяпкинъ-Ляпкинъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды насчетъ слушавшихъ ихъ болтовню. Жена городничаго и дочь ея кокетничали съ уѣздными франтами съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ насчетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлялась на двѣ половины: въ одной предъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія наконецъ явился въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились, и въ главѣ ихъ Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ. Но они лица второстепенныя.

дополняющія только тѣ ужасы и бѣдствія, которые могутъ постигнуть преступнаго городничаго; они увеличиваютъ его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. Итакъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленькій міръ. Бобчинскій и Добчинскій приносятъ вѣсть о ревизорѣ... Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену, потому что на улицахъ грязь, потому что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались подарить ему новую, хотя и видѣли, что старая шпага никуда не годится; потому что квартальный не по чину беретъ, потому что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ. Добчинскаго, которому хочется разсказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія: онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелочку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: „такъ знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего". Въ это же время, устарѣлая уѣздная кокетка торопится разспросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; ей это очень интересно: она думаетъ еще пококетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ; она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась своимъ туалетомъ... Однимъ словомъ, цѣлый городъ пришелъ въ движеніе, цѣлый городъ высказалъ и то, что̀ онъ ощутилъ при слова „ревизоръ", и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по-своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно-выработанное лицо, но вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлаго, одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ его и безъ того глупой головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что̀ съ нимъ дѣ-

лается: въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и „Библіотека“ съ „Сумбекою“; онъ несетъ дичь и самъ даже не можетъ понять, что̀ говоритъ... Между тѣмъ каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго городка; личность Хлестакова все больше и больше растетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ Хлестакова задобриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды; городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою замужемъ за такимъ человѣкомъ, „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ“. Городничій велитъ уже кричать о своемъ счастіи всему городу, валять въ колокола: „коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!“ Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами; онѣ были подавлены скромной жизнью уѣзднаго городка, но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величіи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Ка̀къ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? „Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается, всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!“

Городничій въ паѳосѣ. Все, что рылось у него въ душѣ, все высказано отъ избытка счастья. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть его души и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастья и гордости; посмотрите на него еще разъ: онъ узнаетъ, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это были пустяки. Посмотрите въ третій разъ на эту натуру, *обиженную* тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ, — городничій, который „тридцать лѣтъ жилъ на службѣ, котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!“ Во время этого бѣснованія городничаго и

недоумѣнія окружающихъ его, является жандармъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедіи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена — кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедіи.

Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившій всю глубину души ихъ. Послѣ этой комедіи вы ихъ знаете. У Фонъ-Визина рѣшительно нѣтъ ничего подобнаго: мы уже говорили, что въ „Бригадирѣ“ нѣтъ дѣйствія; слѣдовательно, остались отдѣльныя сцены. Но и въ сценахъ этихъ является не одно и то же лицо, а разныя лица, такъ что одна сцена посвящена совѣтнику и бригадиршѣ, другая бригадиру и совѣтницѣ и т. д.; въ четвертомъ дѣйствіи нѣтъ никакого *дѣйствія*, а въ пятомъ развязка, упреки во взаимныхъ объясненіяхъ не прибавляютъ ни одной новой стороны уже извѣстнымъ характерамъ.

Мы такъ подробно разбираемъ „Бригадира“ потому, что въ немъ есть тѣ же недостатки, какъ и въ „Недорослѣ“. При разборѣ „Недоросля“ намъ останется только указывать на эти недостатки.

Итакъ, изъ „Бригадира“ намъ остались однѣ сцены: обратимся къ нимъ. Каждая изъ нихъ есть объясненіе въ любви: слѣдовательно, чувство любви есть тотъ пунктъ, которымъ Фонъ-Визинъ хотѣлъ освѣтить природу своихъ героевъ: бригадира, совѣтника, совѣтницы... Но удалось ли ему это? Содержаніе этихъ объясненій мы привели выше; плутъ-совѣтникъ, который представленъ у автора только какъ ханжа, высказалъ съ нѣжностью слова: „согрѣшимъ и покаемся“; бригадиръ, человѣкъ крутой, прямой, грубый, объяснился на военную ногу и сказалъ, что совѣтница для него фортеція; сынъ влюбился въ совѣтницу, потому что она походитъ на француженку столько же, сколько онъ на француза. Развѣ изъ этого вы видите натуру плута и ханжи въ совѣтникѣ, натуру бригадира въ военныхъ выраженіяхъ? Совѣтница и сынъ — карикатуры, о которыхъ и говорить нечего. Автору не удалось освѣтить своихъ героевъ сценами объясненій въ любви, потому что самая точка освѣщенія выбрана ложная. Взято ничтожнѣйшее изъ обстоятельствъ для такихъ людей, какъ совѣтники, бригадиры, совѣтницы и бригадирши. Посмотрите,

какъ удачно Гоголь выбралъ точку освѣщенія своихъ героевъ: страхъ наказанія есть то чувство, которое ихъ преслѣдовало, какъ судъ Божій, и которое, слѣдовательно, заставило ихъ развернуться въ полномъ блескѣ и со всѣхъ сторонъ. Чувство любви для совѣтника — одно изъ послѣднихъ; онъ и самъ его называетъ „только своимъ хотѣніемъ“; у бригадира тотъ же самый взглядъ, а у совѣтницы и сына — это фарсъ, который авторъ хотѣлъ выставить на позоръ, карикатура.

Отъ этого комедія Фонъ-Визина не отличается и частными сценами, которыми такъ богато „Горе отъ ума“ — второе замѣчательное произведеніе послѣ „Ревизора“ Гоголя; отъ этого въ характерахъ мало художественности.

Дудышкинъ.

Художественное и историческое значеніе комедіи „Бригадиръ“.

Въ *Бригадирѣ,* при глубокомъ вниманіи, нельзя не замѣтить стремленія автора *отвлечь и освободить общество отъ предразсудковъ до-Петровской Руси,* и притомъ двумя путями: осмѣяніемъ тѣхъ, которые, при старыхъ предразсудкахъ, оставались въ отживших формахъ, и тѣхъ, которые не взяли ничего хорошаго изъ новой жизни, измѣнились только наружно, по внѣшнему виду, и оставались при томъ же невѣжествѣ; только ходили въ новомъ, европейскомъ платьѣ. Стоитъ только сопоставить лица, чтобы убѣдиться въ сказанномъ стремленіи автора: бригадиръ хвалится, что онъ и безъ грамматики дожилъ до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ, и съ самодовольствіемъ прибавляетъ: „вотъ уже Иванушнѣ гораздо за двадцать, а онъ, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, и не слыхивалъ о грамматикѣ“. Бригадиршѣ жаль заплатить за нее восемь гривенъ, а совѣтница, напротивъ, купила грамматику, да изорвала ее на папильоты. Иванушка примѣняетъ своего родителя къ собакѣ, а святоша-совѣтникъ крестится тою же десницею, которою обираетъ ближняго.

Главная задача комедіи — представить *отцовъ и дѣтей,* порочную и дурную сторону ихъ жизни, говоря точнѣе, выставить передъ обществомъ *злоупотребленіе закономъ и ложно понятое воспитаніе,* т.-е. безотчетное подражаніе чужому и

невѣжественное пренебреженіе къ своему народному. Какъ видите, авторъ задаетъ себѣ задачу очень важную и трудную. Какъ же онъ задумалъ свое произведеніе? Всего вѣроятнѣе, что механическое построеніе комедіи и главная пружина ея — любовь заимствованы авторомъ изъ тогдашней французской школы; но, съ другой стороны, это подражаніе какъ нельзя болѣе послужило автору при замыслѣ и планѣ; можно даже подумать, что въ созданіи произведенія Фонъ-Визинъ довольствуется собственнымъ своимъ изобрѣтеніемъ и располагаетъ своими средствами, безъ всякаго заимствованія откуда бы то ни было. Ясно понявши, что пороки его современниковъ въ сущности одни и тѣ же, онъ какъ-будто съ намѣреніемъ ставитъ свои лица въ одинаковое положеніе: здѣсь, какъ говоритъ Софья, кромѣ бригадирши, влюблены всѣ до единаго. Движимые одной страстью, передъ вами, волею автора, раскрываютъ себя во всемъ разнообразіи люди стараго и новаго порядка, мужчины и женщины до-Петровскихъ нравовъ и птенцы европейской реформы. Далѣе онъ выводитъ не одинокія фигуры или образчики, а нѣсколько лицъ одного и того же типа: этого мало, люди эти разныхъ сферъ: одинъ, — военный, и притомъ помѣщикъ, другой, — гражданскій чиновникъ, и также помѣщикъ. Наконецъ, жены и дѣти естественно ведутъ автора къ изображенію внутренней жизни, т.-е. тѣснаго семейнаго круга и его разнообразныхъ интересовъ. Итакъ, въ силу одной и той же страсти, любви, авторъ хочетъ показать въ этихъ лицахъ и общее сходство, и рѣзкія особенности; представить этихъ разнохарактерныхъ дѣятелей XVIII в. — понятія ихъ, образъ мыслей и дѣйствій, поступки и разговоры; хочетъ нарисовать художественную драматическую картину, а для насъ, кромѣ этого, представить статистику нравовъ нашихъ предковъ. Комедія задумана превосходно, безукоризненно; уже въ *замыслѣ и планѣ* (Vorstellung) произведенія такъ ясно выступаютъ даръ наблюденія, умъ съ силою анализа и замѣчательное соображеніе автора. И начало комедіи непринужденно, естественно: въ имѣніе совѣтника, какъ можно полагать, отставленнаго за взятки, пріѣхалъ бригадиръ со всѣмъ семействомъ; за его сына хотятъ выдать дочь совѣтника — Софью, которая любитъ другого; но женихъ влюбляется въ будущую тещу; далѣе оказывается, что отецъ бригадиръ — соперникъ сына, влюбленный въ ту же совѣтницу;

мужъ этой послѣдней, въ свою очередь, влюбленъ въ бригадиршу. Интрига такъ развязывается, что они всѣ обличились: Софья, оскорбленная поведеніемъ жениха, отказываетъ ему, а бригадиръ со всѣмъ семействомъ выѣзжаетъ навсегда изъ дома, гдѣ отцы и дѣти такъ неблаговидно сконфузились.

Далеко не такъ художественно *исполненіе* (Darstellung) глубоко задуманнаго произведенія. Въ дѣйствіи нѣтъ органическаго развитія; оно безъ внутренней связи и движется механически; этого мало, весь ходъ его испорченъ введеніемъ двухъ лицъ — Софьи и Добролюбова; нравственная любовь ихъ съ намѣреніемъ поставлена противъ интриги, но они только мѣшаютъ движенію живыхъ характеровъ. Это — настоящія аллегоріи добродѣтели, сухія поученія въ человѣческихъ образахъ. За первымъ явленемъ, въ которомъ вы знакомитесь съ дѣйствующими лицами, превосходно изображена сцена совѣтницы и сына бригадира; но вслѣдъ за этимъ, какъ бы въ укоризну пороку, являются Добролюбовъ и Софья, и начинаютъ разсуждать о преступной и законной любви. Очень холоднымъ разговоромъ начинается второе дѣйствіе: совѣтникъ и дочь спорятъ о томъ, справедливо ли наказывать праваго и виноватаго. Этотъ недостатокъ вознаграждается художественною сценою, гдѣ совѣтникъ объясняется въ любви къ бригадиршѣ; живой драматизмъ поддерживается до самого конца второго дѣйствія. Въ третьемъ совѣтника смѣняетъ бригадиръ: превосходно веденъ разговоръ его съ сыномъ; весьма кстати вбѣгаетъ на шумъ бригадирша, выразившая при этомъ случаѣ единственную свою страсть — скупость, а послѣ совѣтница, которой объясняется въ любви своей бригадиръ, когда остался съ ней съ глазу на глазъ. Но вслѣдъ за этимъ снова появляются докучливые обличители — Софья и Добролюбовъ. Также произвольно, безъ всякой внутренней связи, слѣдуютъ одно за другимъ явленія четвертаго дѣйствія: появляется Софья и Добролюбовъ, потомъ бригадирша, за нею сынъ и совѣтница, наконецъ остальныя лица, и здѣсь уже очень замѣтно, что, въ силу правилъ школы, автору нужно еще дѣйствіе, иначе не будетъ пяти: чтобы чѣмъ-нибудь его пополнить, Фонъ-Визинъ заставляетъ дѣйствующія лица играть въ карты и шахматы, и, нельзя не замѣтить, эти сцены характеристичны, оживлены остроуміемъ автора и комическою солью. Пятое дѣйствіе, въ которомъ разрѣшаются страсти всѣхъ лицъ, состоитъ

изъ пяти явленій, тѣсно между собою связанныхъ, и потому безукоризненно въ драматическомъ отношеніи. Итакъ, существенный недостатокъ комедіи — отрывочность, неполнота, неорганическое развитіе дѣйствія и произволъ (со стороны автора) въ его движеніи: обѣ стороны, дурные отцы и дурныя дѣти по какой-то безпричинной очереди смѣняютъ другъ-друга и попеременно встрѣчаютъ на ложномъ пути своемъ Добролюбова и Софью, которые проходятъ черезъ дорогу, какъ указатели истиннаго, нравственнаго пути. Мы обязаны указать и на другіе недостатки; въ комедіи есть вещи неестественныя и преувеличенія, доходящія до карикатуры. Совѣтникъ, мужъ красивой, молодой женщины, ненатурально влюбляется въ старуху-бригадиршу; она часто проговаривается о своихъ преклонныхъ лѣтахъ: отъ старости плохо видитъ, да и памяти у ней уже не стало, и передъ этой-то почтенностію онъ становится на колѣни съ декларацiей на церковно-славянскомъ языкѣ! Также неестественно шестидесятилѣтнему старику — бригадиру ревновать совѣтницу къ своему сыну. Есть и второстепенные недостатки; совѣтница несчастна отъ того, что она русская; довольно бы пожалѣть о томъ, что она не говоритъ по-французски; ей, какъ не глупой женщинѣ, не слѣдовало бы спрашивать, французы ли живутъ во Франціи, или могутъ ли наши, бывшіе въ Парижѣ, забыть совершенно, что они русскіе. Еще болѣе ей не кстати давать обѣщаніе — сохранять почтеніе къ французскимъ кучерамъ. Совѣтникъ такъ худъ, что скоро будетъ походить на усопшаго; черезъ нѣсколько страницъ онъ человѣкъ замѣчательнаго дородства. Сынъ бригадира радуется, что духъ его принадлежитъ коронѣ французской; мало того, онъ хотѣлъ бы увезти шестидесятилѣтняго старика отца во Францію, чтобы сдѣлать его сколько-нибудь похожимъ на человѣка, а наконецъ, въ азартѣ, онъ объявляетъ совѣтницѣ, что вызоветъ своего отца, какъ соперника, на дуэль!

Не въ томъ свѣтѣ представляется Фонъ-Визинъ, когда изображаетъ характеры; здѣсь торжество его таланта. Вѣрныя картины лицъ и комическая сила до такой степени одушевляютъ комедію, что всѣ указанные недостатки становятся едва замѣтными; надо отрѣшиться отъ обаянія и нужно особенное вниманіе, чтобы найти ихъ: такъ непримѣтно разбросаны они среди достоинствъ.

Посмотримъ прежде, каковы были отцы въ XVIII вѣкѣ. Я постараюсь, насколько позволитъ время, слѣдить и за другими произведеніями тогдашней литературы, особенно за журналами, для того, чтобы можно было застигать автора на пути его творчества, а потомъ чтобы видѣть, какъ онъ представляетъ въ характерахъ личное негодованіе современныхъ писателей, и какъ онъ собиралъ разсѣянныя у нихъ черты, подчиняя ихъ главной идеѣ и создавая такимъ образомъ живое лицо. Уже назначенъ день свадьбы, а бригадиръ тогда только соблаговолилъ объявить семейству совѣтника, что началъ съ ними обходиться безъ чиновъ. Имъ непріятно это слышать, но съ его стороны это уступка немаловажная; потому что и въ его понятіи слово „человѣкъ" не имѣетъ смысла. Чинъ въ крови бригадира и умолкаетъ только передъ голосомъ крови: не смѣя при другихъ выражать свою страсть къ совѣтницѣ, онъ хочетъ это сдѣлать благовидно, и при всѣхъ говоритъ ея мужу: „я мужчина и бригадиръ, однако, ей ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія". Для полнаго образованія, онъ совѣтуетъ сыну читать артикулъ, уставъ военный и межевую инструкцію: потому что только это и развѣ еще баталія должны быть предметомъ разговора въ обществѣ. Вотъ почему онъ не понимаетъ, какъ можетъ совѣтница увлекаться пустыми разсказами Ивана, не бывавшаго ни въ походахъ, ни въ акціи. Чтобы возвысить себя въ глазахъ совѣтницы передъ сыномъ, бригадиръ предлагаетъ ей пріятный разсказъ о томъ, какъ наши положили наповалъ турокъ, и какъ онъ самъ не жалѣлъ бусурманской крови. Образъ его воззрѣнія перенесенъ и на миръ семейный, въ которомъ все устроено по тому же чину. Жена должна его любить потому, что она по немъ стала бригадиршей, а не онъ по женѣ бригадиромъ. Въ сознаніи такого права, онъ вымѣщалъ на ней вину каждаго рядового, и теперь, въ гостяхъ у совѣтника, въ присутствіи всѣхъ, не только бранитъ ее безъ всякой пощады, но не разъ собирался и бить. Совѣтникъ замѣтилъ, что у Бога всѣ власы главы нашея изочтены; „враки, не вѣрю, возражаетъ бригадиръ, у пяти классовъ не диво, что сочтены: у кого же ихъ и считать Богу, какъ не у васъ?" Тутъ вмѣшивается его супруга: „Не грѣши, мой батюшка, у Бога генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ ран-

гѣ". — „Ай, жена! Я тебѣ говорю не вступайся: или я скоро сдѣлаю то, что на твоей головѣ и впрямь нечего считать будетъ". И надо замѣтить, что житье бригадирши еще не самое худшее; она всего насмотрѣлась, глядя на офицерскихъ женъ. Однажды разсказала она о капитанѣ Гвоздиловѣ, который поступилъ съ молодой женой по смыслу своей фамиліи. Только сына своего бранитъ бригадиръ за то, что онъ считается съ отцомъ въ дворянствѣ; а между тѣмъ самъ совѣтуетъ ему не забывать, какого чина отецъ. Горько ему подумать, когда люди станутъ говорить, что у такого-то бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница; но Иванушка негодяй больше потому, что онъ счастливый соперникъ своего родителя. Если бы бригадиръ замѣтилъ, что кто-нибудь сталъ бы волочиться за его старухой, то безъ дальнихъ разговоровъ отсочилъ бы бока при первой встрѣчѣ; а самъ сильно гнѣвается на сына, который мѣшаетъ ему объясниться въ любви совѣтницѣ. Характеристично выразилъ авторъ и естественное смущеніе бригадира, когда онъ наконецъ остался наединѣ съ совѣтницей, и способъ его любовнаго объясненія. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ высказалъ всю свою подноготную: „о, если бы ты знала, какая теперь во мнѣ тревога, когда смотрю я на твои добрыя очи!

— „Я, сударь, дискурсу твоего не понимаю, и для того, съ позволенія вашего, я васъ оставлю.

— „Постой, матушка, я тебѣ вытолкую все гораздо яснѣе: представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храбрый генералъ; что онъ тогда чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я какъ храбрый полководецъ, а ты — моя фортеція..."

Но и въ этомъ грубомъ, состарившемся чадѣ обычая Фонъ-Визинъ показалъ возможность лучшаго человѣка, освѣтивши на мигъ густой мракъ этой невѣжественной, развращенной души. Подобное чувство пробудить въ такомъ человѣкѣ не легко, и авторъ вызвалъ его оскорбленіемъ. Совѣтникъ, особенно совѣтница, приступили къ нему съ упреками, за что онъ такъ дурно обращается съ женою; бригадиръ отвѣчалъ: „не къ мѣсту печальна, не къ добру весела; зажилась долго, грѣха много не кстати".

— „Желать смерти никому не надобно, mon chère père, ниже собакѣ, не только моей матушкѣ.

— „Иванъ, не учи ты меня, я хотя это и молвилъ, однако,

все больше ей хочу добра, нежели ты намъ обоимъ... Дура мать его. а моя жена, причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою: „худы русскіе, а французскіе еще гаже".

Это уже говоритъ отецъ, обманувшійся въ надеждахъ, съ горькимъ презрѣніемъ къ сыну. Авторъ надѣлилъ его и другимъ качествомъ, отличіемъ вѣка: бригадиръ изъ военнаго сословія, у котораго было понятіе о чести. Это человѣкъ, испытавшій ощущенія сильныя, опаленный порохомъ, боровшійся со смертью. Его обличили въ волокитствѣ, и въ немъ вспыхнула искра благородства: „Жена! Сію минуту выѣдемъ изъ такого дома, гдѣ я, и честный человѣкъ, чуть было не сдѣлался бездѣльникомъ". Вотъ одна изъ лучшихъ сценъ комедіи.

Бригадиръ. Слушай Иванъ! Я рѣдко смолоду краснѣлъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ было.

Сынъ. Mon chère père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на русской?

Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, — это правда; однако духъ мой принадлежалъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ. Эдакой оселъ!

Сынъ. Эдакой оселъ! *(Въ сторону)*. Il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! что̀ ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ ненадобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Бригадиръ. Что это за манмокъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ...

Бригадиръ. О, ежели бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ по нашему военному уставу прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ. Батюшка! вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что-нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякой галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ, и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. Эдакой уродъ! отца примѣнилъ къ медвѣдю! Развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: Voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте, ежели всѣ животныя одинаковы, то̀ вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣтъ! Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо. А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ: то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ. Что ты щенокъ, то въ томъ никто не сомнѣ-

вается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакой скосырь выѣхалъ!

Другой отецъ того же порядка людей - совѣтникъ. Онъ нѣкогда дѣйствовалъ за краснымъ столомъ, а теперь живетъ на покоѣ, въ кругу семейномъ. Фонъ-Визинъ изобразилъ въ немъ искуснаго и тонкаго современнаго юриста Это прямая приказная строка, опытный дѣлецъ, едва не ослѣпшій въ коллегіи. Онъ вышелъ въ отставку, какъ только изданъ былъ указъ о лихоимствѣ, но успѣлъ уже нажить имѣніе, потому что умѣлъ толковать указы по-своему. Привычка такъ объяснять законы и житейская опытность привели его къ такому взгляду на жизнь: „двѣ тысячи душъ могутъ вознаградить всѣ пороки, потому что двѣ тысячи эти и безъ достоинствъ останутся тѣмъ же, а безъ нихъ какія къ чорту достоинства“. И онъ любитъ говорить только о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ можно сослаться на *Уложеніе*, и, какъ бригадиръ, готовъ изгнать грамматику, о которой и женихъ — Иванушка, благодаря Бога, не слыхивалъ. Много еще было такихъ печальниковъ о невѣжественной старинѣ.

Страннымъ кажется совѣтнику, что Добролюбовъ могъ выиграть дѣло одной правотой - такъ ошеломилъ бывшаго юриста новый духъ вѣка Екатерины - и какъ естественно, что онъ начинаетъ вздыхать о блаженной старинѣ, когда и виноватый шелъ въ *приказъ* съ неправымъ дѣломъ, дружился съ судьей и получалъ милостивую резолюцію; когда всѣ платили: и виноватый, и правый — одинъ за свою вину, другой за свою правду, и всѣ были довольны: судья, истецъ и отвѣтчикъ. Онъ твердилъ и твердитъ, что взятки запрещать невозможно, что это противъ натуры человѣческой. Тутъ Фонъ-Визинъ нисколько не преувеличиваетъ, хотя въ другихъ случаяхъ погрѣшаетъ въ этомъ нерѣдко; такія понятія онъ внесъ въ комедію изъ жизни: „вспомните, говоритъ издатель „Всякой всячины“, всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подьячие не получали жалованья, и когда велѣно имъ было *кормиться отъ дѣлъ*, и не въ вашемъ ли вѣкѣ это было?“ Судейскую свою смышленность онъ приложилъ и къ жизни: пятнадцать

лѣтъ жилъ съ первою женою, а по смерти ея, съ повышеніемъ въ чинѣ, увлекся духомъ вѣка, женился на своей модницѣ; но подчасъ проговаривается, что онъ имѣлъ бы кусокъ хлѣба и получше, если бы жена его не была охотница до корсетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству. Еще ближе узнаете вы теперь этого взяточника: онъ, во-первыхъ, скупъ, а во-вторыхъ страшный ханжа, прилежитъ сильно къ Св. писанію. Еще прежде не пропускалъ онъ ни заутрени, ни обѣдни, а за всенощной замаливалъ то, что наворовывалъ днемъ. Такъ согласно могли жить вмѣстѣ, повидимому, непримиримыя противорѣчія: религіозный обрядъ и лихоимство. Совѣтникъ похожъ на того начальника, который ничего не говорилъ подчиненнымъ, не прибавивъ словъ „во святой часъ" и не прочитавши молитвы св. Троицѣ, дѣла подписывалъ перекрестясь, говоря: честной крестъ — на враги побѣда! А эти враги были иногда законы, истина, честь и добродѣтель. Дружно, съ благороднымъ негодованіемъ, съ ядовитой ироніей даже, нападали честные писатели прошлаго вѣка на это противоестественное соединеніе беззаконія, порока и мертвой обрядности; вотъ какъ пишетъ старый дядя своему племяннику:

„Вспомни, какъ ты читалъ наизусть житія многихъ святыхъ, разные акаѳисты, каноны, молитвы! Завидовалъ священный левитскій чинъ, когда ты, шестнадцати лѣтъ, сущій птенецъ, зналъ кругъ церковнаго служенія; куда это все дѣвалось? Говорятъ, что ты по постамъ ѣшь мясо, принялся за свѣтскія книги, оставя священныя, услаждающія сокрушенный духъ. Чему ты отъ нихъ научишься? Погибнешь невозвратно! Я самъ грѣшникъ, знаю, что я преступникъ законовъ, обкрадывалъ государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ; судилъ на мздѣ, еще и нынѣ грѣшу противъ всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ черезъ пророка Моисея, и противъ гражданскихъ законовъ; но не погасилъ любви къ Богу, исполняю церковныя преданія, службу Божію слушаю съ сокрушеннымъ сердцемъ; сохраняю посты, среды и пятки, принуждаю къ тому всѣхъ домочадцевъ, вотъ каково, кто читаетъ житія св. отцовъ! Опомнись, оставь эти науки, развращающія разумъ; оставь эти пагубныя книги, которыя дѣлаютъ васъ столь гордыми. Вы твердите: я бы не бралъ взятокъ! Знаете ли вы, что такія слова не что иное, какъ

первородный грѣхъ — гордость? Развѣ вы думаете, что вы не изъ земли, что вы крѣпче Адама? Къ чему тебѣ потребно богопротивное уметвованіе, какъ и изъ чего созданъ міръ?"

Но и при святости, совѣтника обуялъ соблазнъ въ образѣ бригадирши, и до такой степени, что въ этой крайне ограниченной женщинѣ онъ видитъ нѣчто отмѣнно разумное, и дочь свою выдаетъ для того, чтобы чаще видаться съ возлюбленной сватьей. Онъ объясняется въ любви не такъ, какъ воинственный бригадиръ; скрываетъ свои поползновенія подъ покровомъ святости, даетъ имъ видъ слабости, ссылается, по слову писанія, на немощь плоти. Онъ боится прогнѣвать Бога, но знаетъ, что Господь долготерпѣливъ, и потому разсчитываетъ на покаяніе; но какъ человѣкъ невоенный, онъ боится теплой вѣры бригадира, который, чего добраго, пожалуй, раздѣлается съ нимъ, какъ бывшій кавалеристъ. На безчестіе, нанесенное ему Иваномъ, онъ смотритъ не такъ, какъ оскорбленный бригадиръ: этотъ готовъ изувѣчить обидчика, но совѣтникъ строитъ казусъ: ему честь всего дороже, а потому за безчестье онъ возьметъ деньги по чину и не уступитъ ни полушки. Пойманный на мѣстѣ преступленія, волокита-совѣтникъ обнаружилъ страхъ передъ наказаніемъ Божіимъ, не дерзаетъ взирать на небо; съ другой стороны, онъ испугался и земной расправы: прежде онъ высказывалъ, что считаетъ себя равнымъ бригадиру, а теперь уже отступаетъ отъ него на почтительное разстояніе и, какъ трусъ, унижается мольбою о прощеніи: „Ваше высокородіе! И Господь кающагося пріемлетъ: прости меня, согрѣшихъ предъ тобою!" Потерявши жениха для дочери въ сынѣ бригадира, совѣтникъ съ величайшимъ изумленіемъ слышитъ, что Добролюбовъ, выигравшій процессъ, былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, если бы отдали за него Софью: „Какъ! Ты, получивъ уже двѣ тысячи душъ, не перемѣняешь своего намѣренія?" Этими немногими словами Фонъ-Визинъ бросилъ самый яркій свѣтъ на фигуру совѣтника и какъ бы довершилъ художественно созданный характеръ.

Авторъ посѣщалъ домъ одной женщины, которую вся Москва признавала и огласила набитою дурою; по этому живому образцу онъ создалъ свою бригадиршу. Очень вѣрно оцѣнилъ эту художественно нарисованную фигуру графъ Н. И. Панинъ: „я вижу, что вы очень хорошо нравы наши знаете: ибо бри-

гадирша ваша всѣмъ родня; никто не можетъ сказать, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу; я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, застава говорить такую дурищу, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать". И дѣйствительно, это лицо въ высокой степени комическое: бригадирша непроходимо глупа, и какъ нарочно безпрестанно вмѣшивается въ разговоръ, и почти всегда невпопадъ, потому что рѣдко понимаетъ его сущность. Эта ограниченная женщина становится еще болѣе интересною отъ того, что одушевлена страстью: она до того скупа, что за рубль готова вытерпѣть горячку съ пятнами. Эта страсть даетъ ей возможность разсуждать: „конечно грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь; а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ". Родительское награжденіе невѣстѣ заставляетъ ее еще болѣе положиться на Господа. Она совѣтуетъ сыну пробѣгать расходныя тетрадки, чтобы плуты-люди не обманывали. Таскаясь прежде безъ жалованья по походамъ, теперь живетъ она въ кругу хозяйства: сама ходитъ въ амбары, и потому заговариваетъ съ молодой сватьей о томъ, что ей самой близко и по душѣ: „Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Что у васъ идетъ людямъ: застольное или деньгами? Свой ли овесъ ѣдятъ лошади или купленный". Свѣтская модница, изумленная такимъ вопросомъ, отвѣчаетъ: „Шутишь, радость! Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина!" Кто не предпочтетъ неповинную, патріархальную простоту бригадирши возмутительнымъ понятіямъ нововоспитанной барыни? Сцена съ совѣтникомъ особенно отличается комическою силою; притомъ здѣсь образъ бригадирши въ самомъ выгодномъ для автора освѣщеніи: вы видите всю умственную ея ограниченность и все почтенное старинное благонравіе. Фонъ-Визинъ превосходно сумѣлъ устроить словесный поединокъ бригадирши съ влюбленнымъ совѣтникомъ: этотъ объясняется въ страсти, и на всякій случай прикрываетъ себя Св. писаніемъ; а бригадирша, сама того не понимая, удивительно удачно поражаетъ и побѣждаетъ его своимъ незнаніемъ церковно-славянскаго языка: по чистой глупости она именно такъ отвѣчаетъ, какъ бы говорила самая умная, самая хитрая женщина.

Вотъ какъ нападали передовые люди на модное воспитаніе

дѣтей Петровской реформы: „Лишь только разстаются съ кормилицей, начинаютъ дѣвочку наряжать, учатъ танцовать, заставляютъ выпрямлять голову, держать ее по предписанію, поворачиваться по циркюлю, съ угрозою не имѣть мужа, если не будетъ прямо ходить, глядѣть и двигаться; это обращаетъ умъ дѣвицы на обѣщанное сокровище, и выходитъ, что единственная забота родителей — дѣлать изъ дочерей твари пріятнаго вида. Такому разумному смыслу большей части отцовъ и матерей должно приписать великое число произведенныхъ щеголихъ". Подобное лицо Фонъ-Визинъ представилъ въ совѣтницѣ. Просвѣтили ее любезные романы; безъ нихъ она рисковала остаться навѣки дурою, а грамматика въ деревнѣ, по ея словамъ, ни къ чорту не годится, въ городѣ только пригодилась на папильоты. Совѣтница несчастна, ибо вышла за человѣка, который не только не былъ въ Парижѣ, но не бывалъ и въ свѣтскомъ обществѣ, а обходился только съ секретарями и подьячими. „Ахъ душа моя, говоритъ она будущему зятю, я сама стражду отъ моего урода-мужа; живу съ нимъ въ деревнѣ и клянусь тебѣ, всѣ способы отмстить ему до сихъ поръ у меня были отняты. Всѣ сосѣди такіе неучи, такіе скоты, что сидятъ по домамъ, обнявшись съ женами... а жены ихъ, ха, ха, ха, ха! Жены ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что это — дезабилье, и думаютъ, что будто можно прожить на семъ свѣтѣ въ полшлафрокѣ. Онѣ, душа моя, ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ: прямыя свиньи..." И вотъ теперь счастливый случай послалъ ей вполнѣ свѣтскаго, молодого человѣка, возвратившагося изъ Парижа. Она признается Иванушкѣ, что до него у ней было одно утѣшеніе — сидѣть часа по три у туалета, то и дѣло надѣвать головные уборы, непремѣнно изъ Москвы: а послѣ туалета — загадывать въ карты. Очень удачно авторъ заставляетъ ихъ перейти къ взаимной деклараціи гаданіемъ на картахъ. Объяснившись въ любви, совѣтница раскрывается смѣлѣе; она восхищается, что Иванъ, въ силу добродѣтели вѣка, не щадитъ своихъ родителей, называя ихъ животными; боится только, чтобы отецъ Ивана и дуракъ-мужъ, свѣдавъ объ ихъ пламени, не пришли его тушить. Съ наглостію говоритъ она при падчерицѣ, что нѣтъ ничего коммоднѣе свободы, имѣть мужа и быть связанной — все равно. Только уличенная, прибѣгаетъ она къ уловкамъ и говоритъ бригадиру и мужу, что Иванъ сталъ

передъ ней на колѣни изъ политесу. Характеръ совѣтницы въ художественномъ отношеніи несравненно ниже бригадирши: онъ много выигрываетъ отъ противоположности съ другими, но нѣтъ въ немъ отчетливости и опредѣленности очертаній.

Въ журналѣ „*Трутень*“ было напечатано такого рода объявленіе: „Молодой руской поросенокъ ѣздилъ по чужимъ краямъ для просвѣщенія разума; объѣздивъ ихъ съ пользою, онъ возвратился уже совершенною свиньею. Его можно видѣть безъ денегъ по многимъ улицамъ сего города“.

Въ Иванушкѣ вы узнаете его какъ нельзя лучше. Фонъ-Визинъ не только изобразилъ художественно этотъ характеръ, но и показалъ, какъ онъ образовался; три силы участвовали въ образованіи этого урода: баловство матери, педагогъ и Парижъ. Съ дѣтства онъ былъ яблокомъ раздора своихъ родителей: отецъ совѣтовалъ не баловать ребенка и хотѣлъ записать его въ полкъ; но мать упрашивала не морить младенца. До отъѣзда въ Парижъ, онъ былъ отданъ въ пансіонъ французскаго кучера; ему онъ обязанъ и благодаренъ за внушенную любовь къ французамъ и за холодность къ русскимъ. Парижъ совершенно преобразовалъ его въ религіозномъ, нравственномъ и общественномъ отношеніи. Иванушка вѣритъ теперь, что честные люди должны ни во что ставить божбу; сомнѣвается, чтобы Провидѣніе вступало въ супружескія дѣла, ибо во Франціи оно предоставило людямъ любить, измѣнять, жениться и разводиться. Такъ онъ возразилъ на текстъ, приведенный совѣтникомъ: „Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ“. Фонъ-Визинъ съ большимъ искусствомъ ставитъ вездѣ противоположности, какъ и здѣсь — открытое кощунство безвѣрныхъ дѣтей и лицемѣріе ханжей отцовъ. Въ нравственномъ отношеніи въ немъ точно такъ же совершилось коренное измѣненіе; въ обновленномъ сердцѣ онъ принесъ искреннее презрѣніе къ своимъ родителямъ: ему уже двадцать пять лѣтъ, а они еще не умерли, и онъ осужденъ проводить жизнь съ этими животными. Иванушка въ глаза говоритъ отцу, что вовсе не обязанъ его почитать, и безъ церемоніи примѣняетъ своего родителя прежде къ медвѣдю, а потомъ къ собакѣ. Заставши будущаго тестя на колѣняхъ передъ матерью, слыша любовныя его объясненія, Иванушка хохочетъ отъ удовольствія и, аплодируя, кричитъ: bravissimo! bravissimo!

Въ общественномъ отношеніи онъ обратился въ замѣчательно

уродливую копію французскихъ подлинниковъ. Въ немъ очень естественная и до крайности смѣшная увѣренность въ своемъ превосходствѣ: въ Парижѣ его вездѣ встрѣчали со смѣхомъ, а онъ думалъ, что ему радуются. Софья вполголоса назвала его дуракомъ, и совершенно кстати; а онъ проситъ ее повторить недослышанное слово и не льстить ему. Невольно вызываетъ улыбку, но горькую, та сцена, гдѣ онъ, предпочтенный отцу совѣтницей, повелъ ее подъ руку въ столовую, и сталъ кобениться въ восторгѣ отъ побѣды надъ родителемъ, который, повѣся носъ, кипя негодованіемъ отъ постыдной неудачи, принужденъ былъ итти позади счастливаго соперника-сына. Пойманный на мѣстѣ деклараціи съ колѣнопреклоненіемъ, Иванъ прибѣгаетъ къ вѣжливой выходкѣ: быстро вскочилъ онъ на ноги, при входѣ отца и совѣтника, и нашелся сказать: „serviteur très humble!" Тогда какъ святоша-совѣтникъ, точно такъ же уличенный, прибѣгаетъ къ св. писанію. „не осуждай, не осужденъ будеши!"

Селинъ.

„Бригадиръ" Фонъ-Визина и „Свои люди — сочтемся" Островскаго.

Изъ сравненія двухъ комедій мы увидимъ, на сколько подвинулось впередъ русское общество отъ 1764 до 1850 года; покажемъ, что

1) Сфера средняя, купеческая, въ наше время стала тѣмъ, чѣмъ была высшая общественная среда, сословіе дворянское.

2) Чѣмъ были иноземцы, особенно французы, для лицъ „*Бригадира*", для высшей общественной среды XVIII вѣка, чѣмъ стали наши подражатели-дворяне для средняго сословія XIX столѣтія. Увидимъ, что

3) „*Бригадиръ*" и „*Свои люди — сочтемся*" изображаютъ одно и то же:

a) ложно-понятое воспитаніе и

b) злоупотребленіе закономъ.

Но траги-комедія Островскаго одушевлена новымъ началомъ, о которомъ многимъ писателямъ XVIII вѣка и не снилось.

Стремленіе автора комедіи: „*Свои люди — сочтемся*" то же самое, что и у Фонъ-Визина; касается оно только другого сословнаго круга — *отвлечь и освободить среднее русское общество*

отъ предразсудковъ допетровской Руси, и точно такъ же двумя путями: осмѣяніемъ тѣхъ, которые, при старыхъ предразсудкахъ, остаются въ отжившихъ, мертвыхъ формахъ, и тѣхъ, которые переняли дурное иностранное изъ другихъ рукъ, или, лучше, у русскихъ-французовъ, и стараются походить на дворянъ наружно, съ виду, но не усвоили сущности, внутренняго образовательнаго начала. Мы видѣли, какъ непонятно для бригадирши, что сынъ ея отваживается браться не за свое дѣло, самъ выбираетъ себѣ невѣсту; въ высшей средѣ эти воззрѣнія уже вымерли; но они не потеряли еще силу въ среднемъ сословіи. Такъ смотритъ на свою дочь купецъ Большовъ: за кого велитъ онъ, за того она и должна пойти. И стряпчій Сысой Псоичъ узаконяетъ этотъ допетровскій обычай: „не нами заведено, не нами и кончится; а ужъ это первый долгъ, чтобы дѣти слушались родителей", разумѣется, чтобы не сами выбирали жениха, или невѣсту, а чтобы принимали ихъ изъ отцовскихъ рукъ. Нововоспитанная Олимпіада Самсоновна въ глаза бранитъ свою мать за отвратительныя понятія и объявляетъ ей наотрѣзъ, что вовсе не намѣрена потакать ея глупостямъ. Эта образованная купеческая дочь, рѣшаясь выйти за приказчика, хочетъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь сдѣлать *по-благородному,* предлагаетъ жениху увезти ее потихоньку, потому что *такъ дѣлаютъ.* Отца ея посадили въ яму; мать плачетъ, что на старости лѣтъ мужъ оставилъ ее сиротою; а современная дочь упрекаетъ ее, съ чего-де мать взяла плакать точно по покойникѣ, и вѣдь не Богъ знаетъ что случилось; и павшему, убитому отцу, котораго прежде такъ боялась, съ невозмутимымъ безсердечіемъ говоритъ: „что жъ, тятенька, сидятъ и получше насъ съ вами!" Другіе, представители старой Руси, живо переносятъ читателя къ *совѣтнику* въ Бригадирѣ: они не ѣдятъ по постамъ скоромнаго, и въ то же самое время эти постники-сухоядцы, по замѣчанію Большова, и Богу-то угодить на чужой счетъ норовятъ, одной рукой крестятся, а другой въ чужую пазуху лѣзутъ.

Обѣ комедіи точно такъ же родственны и по задачѣ, но различіе ихъ состоитъ, во-первыхъ, въ самомъ духѣ изображенія: у Фонъ-Визина замѣчается стремленіе представить нелѣпости въ возможно смѣшномъ видѣ; комедія Островскаго начинается тоже смѣхомъ, но этотъ смѣхъ переходитъ въ голосъ грознаго суда, возстающій во всеоружіи искусства на пораженіе

беззаконія. Другая разница комедій та, что у Фонъ-Визина раскрыта больше одна сторона и притомъ смѣшная, а на другую, болѣе серьезную, только указано; у Островскаго исчерпаны двѣ задачи: ложно-понятое, превратное воспитаніе, т.-е. неразумное, слѣпое подражаніе русскимъ французамъ, дворянамъ, то же презрѣніе къ національному, къ своему родному, и другая задача — злоупотребленіе закономъ, на которое Островскій, вопреки Фонъ-Визину, не указываетъ, а избираетъ его главнымъ дѣйствіемъ произведенія. Преступный замыселъ и беззаконное дѣло превращаютъ комедію въ трагедію.

Никто не изображалъ купеческаго міра въ такой полнотѣ, въ такомъ разнообразіи и съ такою художественною правдою, какъ Островскій. Авторъ отворяетъ читателю всѣ двери, и онъ можетъ слѣдить за этими лицами на всѣхъ путяхъ: за ихъ дѣйствіями въ средѣ общественной, за ихъ жизнію въ кругу семейномъ, наконецъ, можетъ свободно входить въ ихъ личный, внутренній міръ, полный разнообразныхъ интересовъ, желаній, стремленій и плановъ. Прежде мы войдемъ въ семейный міръ людей этого сословнаго круга, а потомъ познакомимся съ ними, какъ съ дѣятелями общественными. Бригадиру соотвѣтствуетъ *Большовъ,* бригадиршѣ — *Аграфена Кондратьевна,* Иванушкѣ — *Липочка.* У представителей старой Руси, при сходствѣ въ понятіяхъ, стремленіяхъ, образѣ дѣйствій, то различіе, что мать больше допетровская женщина, а въ Большовѣ замѣтно уже раздвоеніе: онъ уже разъ обрилъ себѣ бороду, не взирая ни на просьбы, ни даже на слезы жены; дочь не имѣетъ уже ничего общаго съ родителями. Члены этого семейства преслѣдуютъ различные идеалы, каждый ищетъ своего: для *отца* зятемъ можетъ быть кто угодно, хоть Ѳедотъ, какъ выражается онъ, отъ проходныхъ воротъ, лишь бы денежки водились, да приданаго поменьше ломилъ. *Дочь* объявляетъ, что не пойдетъ за купца, не за тѣмъ она такъ воспитана, не для того училась и по-французски, и на фортоньянахъ, и танцовать. „Что мнѣ въ купцѣ? Какой онъ можетъ имѣть вѣсъ? Гдѣ у него амбиція? Мочалка-то его что ли мнѣ нужна? Достань благороднаго!“ И вотъ старая Русь въ лицѣ ключницы Ѳоминишны возстаетъ противъ такого соблазна: „не мочалка, а Божій волосъ, сударыня, такъ-то-съ!“ И *матери* подай непремѣнно купца, да чтобъ онъ и лобъ крестилъ по-старинному. Ѳоминишна дорисовываетъ этотъ старинный идеалъ жениха: „Что

тебѣ дались эти благородные? Голый на голомъ, да и христіанства-то никакого нѣтъ: ни въ баню не ходитъ, ни пироговъ по праздникамъ не печетъ....“ *)

Познакомимся ближе съ членами этого разногласнаго, неблагоустроеннаго семейства.

Какъ въ крови бригадира живетъ понятіе о чинѣ, такъ и у Самсона Силыча есть свой чинъ — капиталъ. Большовъ весь проникнутъ сознаніемъ его силы, важности и значенія: объявляя свою волю — отдать дочь въ замужество, онъ говоритъ: „и въ разсужденіи приданнаго, тоже можемъ надѣяться, что *она не острамитъ нашего капитала*“; ясно, что въ глазахъ Большова денежная сила имѣетъ значеніе важнаго званія и чина. Только поэтому Самсонъ Силычъ обращается съ подавляющимъ презрѣніемъ съ бѣднымъ чиновникомъ, даже тогда, когда нуждается въ немъ: „А что Сысой Псоичъ, чай ты съ этимъ крючкотворствомъ на своемъ вѣку много чернилъ извелъ?“ Стряпчій замѣчаетъ, что онъ пришелъ *понавѣдаться*. „То-то вотъ, вы, подлый народъ такой, кровопійцы какіе-то: только бъ вамъ пронюхать что-нибудь эдакое, такъ ужъ вы и вьетесь тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущеніемъ“. Устинья Наумовна, неподражаемый типъ московской свахи, женщина бывалая, бойкая, разбитная, сама сидитъ на четырнадцатомъ классѣ, а и та преклоняется передъ Самсономъ Силычемъ: „съ богатымъ мужикомъ, что съ чортомъ, не сообразишь“. Она соблазняется приманкою золота и соболей за то, чтобы только разстроить свободу, но страхъ какъ боится Большова: „Ну ты самъ разсуди, съ какимъ я рыломъ покажусь самому-то? Вѣдь ты знаешь, каково у насъ чадочко Самсонъ-то Силычъ: вѣдь онъ, не ровенъ часъ, и чепчикъ помнетъ“. Большовъ устроилъ помолвку дочери съ приказчикомъ, но и къ будущему зятю обращается съ недосягаемой высоты; онъ хочетъ соединить ихъ руки, но и въ эту торжественную минуту не измѣняетъ своего высокомѣрнаго тона: „ну, теперь ты, Лазарь, *ползи!*“ Какъ Бригадиръ и сыну замѣчаетъ о своемъ чинѣ и заслугахъ, такъ и Большовъ говоритъ о дочери своей, не какъ отецъ, а какъ денежный вельможа: „понимаемъ, что отецъ, что пристали, отстаньте, гусь свиньѣ не товарищъ“. Потонувши въ довольствѣ и богатствѣ, Большовъ запамятовалъ и

---

*) Первое изданіе комедіи; Москвитянинъ 1850 г.

о Богѣ; если и вспомнитъ Его, то пріемлетъ имя Его всуе, обращается къ нему съ видомъ кощунства; сбудется за то на немъ пословица: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится". Рѣшаясь на дѣло безчестное — не платить довѣрителямъ, онъ не убоялся закончить свой замыселъ неподобными словами: „тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи". Большовъ, омраченный страстью, забывается до нечестія, призываетъ Бога на помощь въ дѣлѣ нечистомъ, въ грабительствѣ: „чорта ли тамъ по грошамъ-то наживать! Махнулъ съ разу да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлость". Въ немъ даже проглядываетъ какой-то грубый матеріализмъ, правда, темный; но вы видите что у этого зазнавшагося богача и религіозные помыслы потемнѣли отъ жира: „Вотъ она жизнь-то; истинно сказано: суета суетъ и всяческая суета. Чортъ знаетъ, и самъ не разберешь, чего хочется. Вотъ бы и закусилъ что-нибудь, да обѣдъ испортишь; а и такъ-то сидѣть — одурь возьметъ. Али, чайкомъ бы что ль побаловать. Вотъ такъ-то и все: жилъ, жилъ человѣкъ, да вдругъ и померъ — такъ *все прахомъ и пойдетъ*". И больше машинально, по памяти и привычкѣ прибавляетъ: „Охъ, Господи, Господи!"

Вторая сила Большова — власть отца, и она далеко выше потрясенной власти бригадира. Но родительская власть древней патріархальной Руси у Большова выродилась въ тотъ грубый деспотизмъ, который такъ мѣтко названъ самодурствомъ. Жена не смѣетъ передъ нимъ пикнуть; заплачетъ она, онъ ей скажетъ, „сама не знаешь, о чемъ разрюмилась", и она плачетъ и подтверждаетъ: „не знаю, батюшка, охъ, не знаю". — „То-то вотъ сдуру. Слезы у васъ дешевы". — „Охъ, дешевы, батюшка, дешевы". Дочь боится его, хотя тайно, въ душѣ, презираетъ; мать она презираетъ открыто и нагло грубитъ ей, и та грозитъ ей только отцомъ: „пойду къ отцу, такъ въ ноги и брякнусь, житья, скажу, нѣтъ отъ дочери, Самсонушка". На дочь и на будущность ея онъ смотритъ, какъ на вещь, которую можетъ помѣстить куда заблагоразсудитъ, гдѣ для него лучше и удобнѣе, и жениха ей выбираетъ не по ней, а по себѣ. Онъ, пожалуй, не противъ благороднаго, но когда это ему мѣшаетъ, такъ онъ прямо говоритъ: „А ну его! *По моимъ дѣламъ* теперь не такого нужно". Когда дочь, воспользовавшись тѣмъ, что онъ былъ въ духѣ, рѣшилась высказать передъ нимъ завѣтное желаніе свое — выйти замужъ за

военнаго, мать чуть не пришла въ ужасъ: „окстись, безумная, Христосъ съ тобою!“ Но Большовъ даже не разсердился, а посмотрѣлъ на это, какъ на извинительное ребячество, какъ на игру въ мыльные пузыри, и скорѣе снисходительно разсмѣялся: „Экъ вѣдь что вывезла!“ Приказчикъ глубоко понялъ, какъ важенъ для него этотъ грубый видъ родительскаго авторитета; онъ очень хорошо знаетъ, какъ и когда надо пользоваться такимъ самодурствомъ, и потому съ большимъ искусствомъ ударяетъ на эту слабую струну, и ударяетъ съ тѣмъ, чтобы Самсонъ Силычъ самъ взялъ его въ зятья: „Алимпіада Самсоновна, можетъ быть, и глядѣть-то на меня не захотятъ-съ?

— „Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ: за кого велю, за того и пойдетъ! Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю“. Онъ обѣщалъ Лазарю подшутить надъ семьей шутку, и дѣйствительно, собравши всѣхъ, и своихъ, и чужихъ, совершенно неожиданно объявляетъ Лазаря и Липочку женихомъ и невѣстой. Всѣ до единаго остолбенѣли: и жена, и дочь, и ключница, и сваха; никто ничего понять не можетъ: мать затмилась, словно кулакъ какой: „Господи, да что жъ это такое?“ Дочь и въ испугѣ, и въ негодованіи вскрикиваетъ, какъ могли выдумать подобный вздоръ; не пойдетъ она за такого противнаго. Ошеломленная Ѳоминишна восклицаетъ: „Съ нами крестная сила!“ И сваха стала втупикъ: „Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!“ Этой минутой всеобщаго возбужденія какъ нельзя лучше пользуется Подхалюзинъ, и еще сильнѣе ударяетъ въ слабую струну самодура: „Тятенька! Видно не бывать-съ по вашему желанію!“

— „Какъ же не бывать, коли *я того хочу?* На что жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что ли я ее кормилъ?

— „Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ?

— „Молчи лучше! Велю, такъ и за дворника выйдешь“.

Наконецъ мать не вытерпѣла, кровь заговорила: „Да за что жъ вы это, душегубцы, дѣвку-то опозорили?“

— „Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за приказчика, и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу.“ — Таковъ Самсонъ Силычъ Большовъ, какъ денежная власть и какъ домовладыка. Мы еще встрѣтимся съ нимъ на другомъ поприщѣ.

Аграфена Кондратьевна — женщина допетровской Руси, и столько же, какъ и бригадирша, если не болѣе. Встарину русская нація по понятіямъ и воззрѣнію на міръ точно такъ же, какъ и по языку, была одинъ человѣкъ; поэтому и ключница Ѳоминиша можетъ быть названа продолженіемъ Аграфены Кондратьевны; обѣ онѣ — какъ бы одно тѣло, одинъ духъ; съ дочерью у Большовой несравненно менѣе родственнаго, нежели съ ключницей; вся разница въ томъ, что одна приказываетъ, а другая слушаетъ, исполняетъ. Вопреки мужу, Аграфена Кондратьевна отличается набожностію, даже не ѣстъ мясного по понедѣльникамъ: вотъ отчего она вышла изъ себя, когда увидѣла, что дочь, ни свѣтъ, ни заря, не поѣвши хлѣба божьяго, грѣховодничаетъ, принялась за пляску. Богатство не измѣнило ея прежнихъ привычекъ, и обычаевъ, занятыхъ у русскихъ французовъ, она не знаетъ. Женихъ проситъ позволенія поцѣловать у ней руку, она со всѣмъ патріархальнымъ простодушіемъ подаетъ ему обѣ: „цѣлуй батюшка, обѣ чистыя". Очень естественно поэтому ея смущеніе и безпокойство въ ожиданіи благороднаго жениха: „Сама ты, мать, посуди, что я буду съ благороднымъ-то зятемъ дѣлать? Я и слова-то сказать съ нимъ не умѣю, точно въ лѣсу". Она буквально послушна слову апостола: „жена да боится своего мужа": особенно она боится его тогда, когда онъ въ гнѣвѣ или нетрезвъ: „Развоюется такъ, страсти, да и только! Посуду колотитъ: у! говоритъ, такія вы и эдакія, убью сразу!" Только за дочь не смолчитъ она, и подчасъ возноситъ голосъ передъ мужемъ. Большовъ не велитъ приставать съ дочерью; по его мнѣнію, нечего ей хотѣть, когда она обута, одѣта, накормлена. Совершенно справедливо возстаетъ мать противъ такого грубаго понятія о чадолюбіи, и очень рѣзко, чуть не съ бранью, выговариваетъ мужу: „Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ что ли? По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ.... а вѣдь это родная дѣтище... Разставаться скоро приходится, а ты и слова добраго не вымолвишь... долженъ бы на пользу посовѣтовать что-нибудь такое житейское". Но когда преступникъ Большовъ, несчастный отецъ, сидитъ между двухъ коршуновъ, между зятемъ и дочерью, тогда эта ограниченная женщина дѣйствуетъ на васъ, какъ теплое дыханіе любви въ ледяной атмосферѣ эгоизма. Безсердечіе дочери, возмутительная неблагодарность зятя, въ этой кроткой душѣ подняли

страшную бурю. Тутъ только она высказала, что давно уже у ней лежало камнемъ на сердцѣ: одну дочь Богъ далъ, и ту послалъ въ наказаніе. За кровную обиду мужа, безжалостно наносимую неблагодарными дѣтьми, она снимаетъ материнское благословеніе съ зятя, и дочь, свою кровь, готова проклясть на всѣхъ соборахъ: „умрешь, не сгніешь!“ восклицаетъ она въ изступленіи, отрекаясь отъ своего рожденія. Самая простая, обыденная женщина внезапно передъ вами преображается героемъ, какъ ударомъ молніи, и васъ уже невольно поражаетъ величавый образъ матери, одушевленный праведнымъ гнѣвомъ и вооруженный проклятіемъ на дѣтей за нечестіе къ родителямъ! Въ художественномъ отношеніи жена Большова если не лучше, то счастливѣе бригадирши, именно отъ положенія, въ которое поставилъ ее авторъ. Совершенно чуждая вамъ по своимъ понятіямъ и интересамъ, она становится близкимъ, родственнымъ вамъ существомъ, какъ человѣкъ, какъ женщина, облагороженная страданіемъ, любовію и праведнымъ негодованіемъ за поруганіе святѣйшихъ правъ человѣческихъ.

У Фонъ-Визина уродливое чадо европейскаго образованія — сынъ, у Островскаго — дочь, уродливая копія подражателей — дворянъ. *Иванушка* смѣшонъ, жалокъ и только возбуждаетъ презрѣніе; *Липочка*, кромѣ всего этого, отвратительна и глубоко возмущаетъ нравственное чувство. Подхалюзину, какъ приказчику и какъ влюбленному, она представляется совершенствомъ недосягаемымъ; онъ такъ ее опредѣляетъ: „Алимпіада Самсоновна — барышня образованная, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ“; прозаичнѣе и вѣрнѣе смотритъ на нее сваха: „воспитанія не Богъ знаетъ какого; пишетъ, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ; по-французскому, али фортопьянахъ, тоже сямъ, тямъ, да и нѣтъ ничего“. Но главное сдѣлано: учили всему сказанному и танцамъ. Какъ же поэтому она, такая образованная барышня, можетъ жить съ подобными родителями? Такъ точно горюетъ и Иванушка: ему уже двадцать пять лѣтъ, а родители его еще живы, и онъ осужденъ оставаться съ такими животными. Липочка въ глаза говоритъ матери, что она сама для нея не очень значительна, что отъ словъ матери ей иногда даже краснѣть приходится. Правда, родили ее, она была дитя безъ понятія; а какъ выросла, *посмотрѣла на свѣтскій тонъ,* такъ увидѣла, что она образованнѣе другихъ,

и потому напрямикъ говоритъ своей родительницѣ, что не намѣрена потакать ея глупостямъ: „Вамъ съ тятенькой только кляузы строить да тираннчать... Ужъ молчали бы лучше, когда не такъ воспитаны“. Итакъ, повторимъ, какъ Ивашка, Липочка питаетъ такое же полное презрѣніе къ отцу и къ матери, — къ этой открытое, но отца презираетъ и боится.

Идеалъ Олимпіады Самсоновны долженъ быть не какой-нибудь приказный, и даже не студентъ; штатскій въ глазахъ ея — такъ, какой-то неодушевленный. Ее плѣняютъ усы и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками; ей даже досадно, что они въ танцахъ отвязываютъ саблю, не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе. Если уже не это, такъ женихъ ея долженъ быть по крайней мѣрѣ благородный, а не купчишка какой-нибудь, и притомъ чтобы непремѣнно былъ брюнетъ и одѣтъ по журнальному... И вдругъ она падаетъ, какъ съ облаковъ: отецъ, вмѣсто взлелѣяннаго ею идеала, подводитъ къ ней приказчика, работника! — Обругавши своего жениха дуракомъ необразованнымъ, образованная Олимпіада Самсоновна слышитъ отъ него вещи странныя, неимовѣрныя: у этого дурака и денегъ-то больше, чѣмъ у иного благороднаго; домъ и лавки уже не отцовскіе, а *его* собственность; наконецъ, узнаетъ, что ея отецъ несостоятельный должникъ, банкротъ. Пораженная окончательно, дочь, вмѣсто жалости къ родителямъ, имъ же въ лицо бросаетъ несчастіемъ и позоромъ: „Что жъ это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились!“ По этой страшной нотѣ вы чувствуете, что въ этой дѣвушкѣ спитъ и уже пробуждается чудовище. Въ душѣ она уже рѣшила выйти за этого, какъ она говоритъ, работника; ей теперь надо только сохранить приличіе, не показать сразу, что она продастъ себя за деньги. Она раздумываетъ, а Подхалюзинъ въ это время рисуетъ ей купеческій эдемъ: дома она будетъ ходить въ шелковыхъ платьяхъ, въ гости и въ театръ окромя бархатныхъ и надѣвать не станетъ. „Шляпы, салопы, прочь всѣ дворянскія приличія, надѣнемъ какую чуднѣй... нѣшто въ этомъ домѣ будемъ жить? На потолкахъ райскихъ птицъ нарисуемъ, сиреновъ, капидоновъ разныхъ...

— „Нынче уже капидоновъ-то не рисуютъ.

— „Ну такъ мы букетами пустимъ“.

И Олимпіада тонко, съ бездушнымъ расчетомъ, спускается съ тона на тонъ, сходитъ съ высоты своего идеала осторожно, какъ съ крутой лѣстницы, все ниже и ниже, чтобы сгладить, по возможности, рѣзкость перехода. Прежде она возражаетъ какъ будто общимъ мѣстомъ: „да, вы всѣ передъ свадьбой такъ говорите, а тамъ и обманете“: потомъ обращается, и уже гораздо мягче, къ нему лично: „Для чего вы, Лазарь Елизарычъ (замѣтьте, уже не дуракъ необразованный), для чего вы по-французски не говорите? — Жилетка у васъ скверная. Дайте подумать. — Увезите меня потихоньку“. — Перебравши столько нотъ, чтобы не сразу, не краснѣя спуститься до уровня съ приказчикомъ, она нашла, наконецъ, приличнымъ изъявить свое согласіе: „ну, а коли не хотите увезти, — такъ ужъ, пожалуй, и такъ“. — Тотъ было опрометью бросился къ родителямъ — объявить имъ радость; но невѣстѣ, благовидно сторговавшейся, нечему особенно радоваться; она удерживаетъ жениха, не ради сердечныхъ изліяній, а для того, чтобы повѣрить ему всѣ свои чувства къ отцу и матери: „Ахъ, если бы вы знали, Лазарь Елизарычъ, какое мнѣ житье здѣсь! У маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька, какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ бы я вышла за благороднаго, такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ“ И они уже въ заговорѣ... перейдутъ въ свой домъ, будутъ жить сами по себѣ, заведутъ все по модѣ, а *тѣ* — какъ хотятъ.

Лазарь больше походитъ на человѣка, нежели эта противоестественная дочь; и въ немъ, при видѣ тестя, убитаго горемъ и стыдомъ, даже въ немъ забрежжетъ лучъ человѣческаго чувства. Но дочь униженному, опозоренному, темничнику-отцу отказываетъ въ выкупѣ изъ его же собственнаго добра; изъ захваченныхъ ея мужемъ денегъ она не можетъ дать своему родителю больше десяти копеекъ за рубль... Съ чѣмъ же они сами останутся, вѣдь они не мѣщане какіе-нибудь; до двадцати лѣтъ она свѣта не видала; неужели ей отдать за отца деньги, а самой въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?...

Лазарю и тому стало жаль отца своей жены: „Ахъ, Алимпіяда Самсоновна-съ, не ловко-съ!“ Онъ хочетъ самъ ѣхать къ кредиторамъ, спрашиваетъ ея совѣта... а она молчитъ тогда, когда бездушная статуя поднялась-бы, кажется, съ сво-

его пьедестала и пошла бы человѣческими шагами! Не выдержалъ Лазарь, самъ наконецъ сказалъ: „*иду*". Скажетъ ли она хоть какое-нибудь доброе слово... поощренія, „какъ хотите, такъ и дѣлайте — ваше дѣло". И гнусныя твари, говоритъ король Лиръ, кажутся сносными, когда другія еще гнуснѣе: *не быть подлѣйшимъ уже есть заслуга.* — Неблагодарный злодѣй, ограбившій своего благодѣтеля, безчестный Подхалюзинъ, и тотъ лучше Олимпіады, этого не женоподобнаго творенія!

Вызовемъ теперь эти лица, какъ общественныхъ дѣятелей, а это связано съ замысломъ траги-комедіи и съ развитіемъ дѣйствія.

Прочитавши „Свои люди — сочтемся", съ перваго раза вы придете въ большое недоумѣніе и невольно спросите: чего ради почтенный купецъ, которому сорокъ лѣтъ всѣ кланялись въ поясъ, на старости лѣтъ задумалъ дѣло преступное — злостное банкротство? Еще въ большее недоумѣніе васъ повергаетъ то, что онъ не самъ воспользовался чужою собственностію, а отдалъ ее вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ другимъ, зятю и дочери, и себѣ ничего не оставилъ. И при самомъ чтеніи рождается въ васъ и не разъ возникаетъ это возраженіе, такъ что отъ него трудно отказаться, и вы готовы повторить слова Подхалюзина: „Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ, для препровожденія времени затѣялъ". Спеціалистамъ очень хорошо извѣстны подобныя явленія въ исторіи поэзіи, этотъ камень преткновенія для эстетической критики. Почти такимъ же образомъ, только въ дѣлѣ правомъ и совершенно чистомъ, у Шекспира поступилъ король Лиръ, въ сценѣ раздѣла царства, которую Гете не убоялся назвать нелѣпою. Но лучшая современная критика старается оправдать Шекспира и если не уничтожить совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ можно болѣе ослабить строгій приговоръ нѣмецкаго поэта. Въ оправданіе она говоритъ, что такъ разсказываетъ преданіе, потомъ указываетъ и на психическія причины: бремя величія, постоянное зрѣлище раболѣпства, пышныя торжества и шумныя пиршества утомили царственнаго старца; а закоренѣлая привычка повелѣвать заставила его *такъ, а не иначе* раздѣлить королевство... Лиръ хочетъ потѣшить старческое сердце, слушая покорныя признанія дочерей; наконецъ, можно подумать,

что старецъ король, ожидавшій отъ Корделіи самыхъ нѣжныхъ изліяній, хотѣлъ оправдать себя передъ старшими дочерьми, отдавая ей большую и лучшую часть, и безъ сомнѣнія хотѣлъ у ней провести послѣдніе дни жизни и умереть на рукахъ любимѣйшей изъ дочерей По мнѣнію нашему, этимъ далеко не все сказано; самое главное оправданіе такихъ видимыхъ несообразностей а ихъ не мало у Шекспира — состоитъ въ томъ, что у этого геніальнаго драматурга *событія, характеры лицъ, ихъ мысли* и *дѣйствія*, несмотря ни на преданія, ни на исторію, созидались въ мірѣ воображаемаго, т.-е. возможнаго порядка вещей. Но Островскій взялъ содержаніе своей траги-комедіи изъ современнаго дѣйствительнаго міра, изъ извѣстной дѣйствительной среды, и потому величайшая, повидимому, несообразность поражаетъ еще болѣе: похищеніе чужого и въ то же време отреченія не только отъ похищеннаго, но и отъ своего собственнаго. Человѣкъ въ одно и то же время поступаетъ грабительски и самоотверженно. Признаемся, и мы желали бы лучшей болѣе прочной закладки въ художественномъ зданіи Островскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ беремся и оправдать автора. Во первыхъ, въ самой комедіи есть оправданіе противъ этого обвиненія: на кого же Большовъ записалъ бы имущество, готовясь объявить себя несостоятельнымъ должникомъ? И не естественнѣе ли всего ввѣриться Лазарю, облагодѣтельствованному имъ съ дѣтства! Увѣренность свою Большовъ думалъ несокрушимо утвердить родственнымъ союзомъ; а что онъ положился на совѣсть и на благодарность приказчика, имъ обогащеннаго и возвеличеннаго до зятя, такъ это не только возможно, но и говоритъ весьма сильно въ пользу Большова, не совсѣмъ еще испорченнаго нравственно. Во-первыхъ, этотъ человѣкъ съ неимовѣрно упорнымъ характеромъ, а Подхалюзинъ глубоко изучилъ его, и съ этой стороны знаетъ его вдоль и поперекъ: „У нихъ такое заведеніе, коли имъ что попало въ голову, уже ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили". Въ-третьихъ, есть и психическія причины: Большовъ зараженъ болѣзнію стяжанія, его томитъ жажда золота; онъ чувствуетъ страхъ и боль при одной мысли, что долженъ своими руками отдать это зо-

лото кредиторамъ: „Вотъ теперь приходится много денегъ платить, говоритъ онъ стряпчему, и не то чтобы у меня ихъ не было, а признаться тебѣ сказать, не хочется. Пожалуй, расплатиться можно, да себѣ-то, глядишь, ничего и не останется. Вотъ какъ теперь деньги-то всѣ въ рукахъ, такъ отдавать-то и жалко. Ты этого и понять-то не можешь, потому что ты такихъ денегъ съ роду не видывалъ. Какъ вспомню, *что отдавать надобно,* такъ вотъ за сердце и схватитъ, — индо нездоровъ сдѣлался. Тьфу, вы окаянныя (съ волненіемъ въ голосѣ). Кажется вотъ... ну вотъ... задушилъ бы кого нибудь". Въ силу этого опаснаго недуга, въ глазахъ Большова замужество дочери, нераздѣльное съ приданымъ, становится весьма важною побудительною причиною — не покидать замысла, не останавливаться на половинѣ дороги. Итакъ, въ-четвертыхъ, еще причина — замужество дочери: „Тамъ, что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да съ двора долой". Въ-пятыхъ, есть побужденія, въ немъ самомъ лежащія: и его утомила тяжелая, неугомонная торговая дѣятельность; отяжелѣлъ Большовъ, какъ маршалы Наполеона, и захотѣлъ погрузиться въ покойное довольство: „да и самому отдохнуть пора, прохлаждались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту". А можетъ быть, его устыдитъ окружающая среда? Не поддержитъ ли кто падающаго человѣка? Не отведетъ ли благодѣтельная невидимая рука тучу искушенія, повисшую надъ головой еще не преступника Большова? Хоть бы самъ онъ крикнулъ, какъ богатырь русской сказки: „есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?" Но кругомъ его пусто и глухо, даже, напротивъ, все наталкиваетъ на соблазнъ и преступленіе, и Большовъ, къ несчастію, видитъ это очень ясно: „И другіе дѣлаютъ. Да еще какъ дѣлаютъ-то: безъ стыда, безъ совѣсти! На лежачихъ лесорахъ ѣздятъ, въ трехъ-этажныхъ домахъ живутъ; другой такой бельведеръ съ колоннами выведетъ, что ему съ своей образиной и войти-то туда совѣстно; а тамъ и капутъ, и взять съ него нечего. Коляски эти разъѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены, остается ль, нѣтъ ли кредиторамъ-то старыхъ сапоговъ пары три. Вотъ тебѣ вся недолга. Да еще обманетъ-то кого: такъ бѣдняковъ какихъ-нибудь пуститъ въ одной рубашкѣ по міру. А у меня кредиторы всѣ люди богатые, что имъ сдѣлается!" Итакъ, еще причина, и притомъ одна изъ самыхъ важныхъ:

въ самомъ обществѣ, вмѣсто поддержки отъ паденія, Большовъ нашелъ не только извиненіе, но и оправданіе беззаконнаго дѣла, почти поощреніе къ нему. Лазарь доказываетъ хозяину, что сидѣльцы *знаютъ* сноровку: „Покупатель что ли тумакъ подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, взялъ, говорю, да и накинулъ рубль или два на аршинъ". Большовъ, при этомъ случаѣ, не преминулъ указать и на нѣмцевъ: „Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ вашихъ барь обираютъ. Положимъ, что мы не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ". Лазарь насквозь видитъ своего хозяина и очень хорошо понимаетъ, къ чему клонятся эти рѣчи; онъ втайнѣ радуется такому настроенію и въ отвѣтахъ даетъ понять, что онъ ничуть не прочь отъ участія въ мошенничествѣ, и потому продолжаетъ: „и мѣрять-то, говорю, надо поестественнѣе... а зазѣваются, такъ никто виноватъ, можно и просто черезъ руку лишній аршинъ шмыгнуть". Большовъ снова обращается къ примѣру: „Все единственно: вѣдь портной украдетъ же. А? Украдетъ, вѣдь?" И Ризположенскій, пришедшій, какъ онъ выразился, *понавѣдаться,* поспѣшилъ также подтвердить: „украдетъ, Самсонъ Силычъ, безпремѣнно, мошенникъ, украдетъ: ужъ я этихъ портныхъ знаю". Стряпчій, для залога дома, совѣтуетъ искать такого человѣка, чтобы совѣсть зналъ. „А гдѣ ты его найдешь нынче? возражаетъ Большовъ: нынче всякій норовитъ, какъ тебя за воротъ схватить, а ты совѣсти захотѣлъ". Какая же нравственная опора можетъ быть въ такой средѣ для совѣсти шаткой, и гдѣ же тутъ искать поддержки человѣку, настроенному и готовому на преступленіе? Ко всему этому присоединяется новое обстоятельство, еще болѣе подстрекающее Большова и наносящее новый сильный ударъ совѣсти: приказчикъ принесъ газеты, а въ нихъ цѣлый рядъ знакомыхъ, купцы первой и второй гильдіи, и ихъ такъ много, что Большову не пересчитать и до завтрашняго дня; всѣ они объявляются несостоятельными должниками. Наконецъ, Большовъ самъ себѣ накликалъ двухъ демоновъ-искусителей, которые съ радостію готовы увлечь его на путь беззаконія. Одинъ — демонъ бѣдности, стряпчій Ризположенскій; онъ ищетъ поживы, готовъ изъ-за нея на всяческія услуги, и, хлопоча собственно для себя, соблазняетъ Большова своимъ мастерствомъ устраивать подобныя дѣла, и ему обѣщаетъ такую ме-

хавику подсмолить, что оглядокъ уже не будетъ. Другой искуситель еще обаятельнѣе, и потому еще болѣе опасный — приказчикъ Лазарь. Онъ давно проникъ въ умыселъ хозяина, издалека, совершенно незамѣтно увлекаетъ его, но дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ. Глухо ведутъ они разговоръ, какъ будто боятся еще произнести или обнаружить, что замышляютъ злостное банкротство. Эта сцена замѣчательна, какъ по художественности своей, такъ и по психологической вѣрности. Большовъ заводитъ рѣчь издалека, жалуется, что торговля идетъ дурно: лавокъ много, цѣлыхъ три, а ничего не везетъ... и спрашиваетъ Лазаря, *чувствуетъ ли онъ это*. Тонкій плутъ нарочно повторяетъ хорошо понятое слово: „кажется, долженъ чувствовать-съ".

— „Такъ какъ ты думаешь?

— „Да какъ думать-съ? Ужъ это какъ вамъ угодно. Наше дѣло подначальное".

Большовъ старается вызвать его на откровенность, а онъ отмалчивается, или скользитъ, но и тутъ ударяетъ въ тактъ, и Большовъ это чувствуетъ.

— „Скажи Лазарь, по совѣсти: любишь ты меня?" Тотъ молчитъ, выжидаетъ еще...

— „Поилъ, кормилъ, въ люди вывелъ, кажется". Тогда только начинаетъ Лазарь высказываться, и то вполовину.

— „Эхъ, Самсонъ Силычъ! Да что тутъ разговаривать-съ. Ужъ вы во мнѣ-то не сомнѣвайтесь! Ужъ одно слово: вотъ какъ есть, весь тутъ.

— „Да что жъ, что ты весь-то?

— „Ужъ коли того, а либо что, такъ останетесь довольны себя не пожалѣю".

И Большовъ говоритъ уже напрямикъ, что теперь самое лучшее время, векселямъ сроки подошли... какъ будто они уже обсуживали это дѣло, долго сговаривались объ немъ, и какъ будто теперь имъ остается только порѣшить окончательно. Большовъ мягче сердцемъ; онъ думалъ предложить кредиторамъ по двадцати пяти копеекъ за рубль; не возьмутъ — вдвое, а за семь гривенъ обѣими руками ухватятся... и Лазарю говоритъ, что предложатъ двадцать пять.

— „А ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати пяти, такъ *пристойнѣе* совсѣмъ не платить".

И Большовъ радъ такому лестному отголоску своему корыстолюбію:

— „А помогать станешь?

— „Помилуйте, Самсонъ Силычъ, въ огонь и воду полѣзу-съ.

— „Спасибо тебѣ, Лазарь, удружилъ! Награжу на всю жизнь“.

И вслѣдъ за этимъ разговоромъ начинается рядъ обмановъ, вѣроломствъ и предательствъ. Большовъ обѣщалъ стряпчему за всю механику тысячу рублей и енотовую шубу; Подхалюзинъ тайкомъ отъ хозяина обѣщаетъ тому же Рисположенскому двѣ тысячи, чтобы укрѣпить за собой домъ и лавки; свахѣ двѣ тысячи и соболью шубу только за то, чтобы разстроить свадьбу, и все это обѣщано съ тѣмъ, чтобы попользоваться всѣмъ и вѣроломно обмануть и хозяина, и стряпчаго, и сваху.

Несмотря на то, что Лазарь достаточно уже опуталъ свою жертву, получилъ закладную на домъ и лавку, ему все еще кажется, что онъ только расшаталъ Большова. Чтобы добить его окончательно, онъ ловкой рукой ударяетъ снова въ двѣ чувствительныя струны: раздражаетъ корыстолюбіе и упорство своего хозяина; приступаетъ къ нему съ видомъ жалобы на стряпчаго, какъ будто съ негодованіемъ говоритъ, что эта чернильная душа даетъ дурной совѣтъ — объявиться несостоятельнымъ.

— „Что жъ объявиться, такъ объявиться — одинъ конецъ.

— „Ахъ, Самсонъ Силычъ, что это вы изволите говорить!

— „Что жъ, деньги заплатить? Да съ чего жъ ты это взялъ? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копейки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя, пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ“.

Мы старались въ самомъ произведеніи отыскать все, что только можетъ служить оправданіемъ автора, и указали на всѣ, кажется, причины, которыя можно привести на возраженія критики противъ возможности замысла, какъ главной основы драматическаго дѣйствія; тѣмъ не менѣе, не можемъ не повторить, что желали бы болѣе прочной, непоколебимой закладки для этого великолѣпнаго литературнаго зданія.

Подхалюзинъ, съ неподражаемымъ искусствомъ играющій на душѣ Большова, перебралъ на всѣ лады этотъ послушный ему инструментъ, и теперь приступаетъ къ самой отдаленной, послѣдней своей цѣли. Для этого онъ подходитъ къ Большову

съ противоположной стороны. начинаетъ его пугать несчастнымъ исходомъ дѣла: если, напримѣръ, придерутся, потянутъ въ судъ. да отнимутъ имѣніе; Аграфена Кондратьевна, а въ особенности Олимпіада Самсоновна, барышня образованная, останутся ни при чемъ, должны будутъ терпѣть голодъ и холодъ?... И онъ до того увлекся созданной имъ картиной бѣдствія. что какъ будто самъ ея испугался, такъ, что ударился въ слезы: Лазарь плачетъ отъ жалости къ птенцамъ беззащитнымъ! Что же дѣлать? Надобно, по крайней мѣрѣ, образованную барышню заранѣе пристроить за *хорошаго* человѣка, да чтобы она была за *нимъ*, какъ за каменной стѣной; а вотъ тотъ женихъ, что сватался изъ благородныхъ-то, и оглобли назадъ поворотилъ; а ужъ мы знаемъ. что за этотъ поворотъ самъ же Подхалюзинъ обѣщалъ свахѣ двѣ тысячи рублей и соболью шубу! И бѣдная жертва до того заслушалась поющей сирены, что сама бросается въ объятія чудовища! Этимъ послѣднимъ маневромъ, который сдѣлалъ бы честь любому іезуиту, Лазарь довелъ Большова до того, что тотъ собственными руками отдаетъ ему и дочь, и все добро свое: самъ будетъ за него сватомъ и на него же переводитъ все свое имущество. До сихъ поръ дѣйствие, какъ и нужно, шло медленно, ровнымъ, тяжелымъ шагомъ; теперь ходъ его видимо ускоряется. И съ внутренней стороны драма рѣзко измѣняется: изъ комедіи быстро переходитъ въ трагедію: въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ смѣхъ смѣнялся иногда весьма серьезнымъ лицомъ, въ послѣднемъ онъ уже переходитъ въ жалость, состраданіе и ужасъ. Прежде всего авторъ поражаетъ васъ художественнымъ созданіемъ противоположностей: счастливые супруги блаженствуютъ въ богатомъ домѣ, а отецъ, отдавшій имъ эти палаты со всѣмъ имѣніемъ, и своимъ и чужимъ, сидитъ въ ямѣ! Онъ пресыщается стыдомъ, а дочь его. теперь уже Подхалюзина, украшенная шелковою блузою послѣдняго фасона. покоится въ роскошномъ положеніи; супругъ ея въ модномъ сертукѣ охорашивается передъ зеркаломъ: къ полному его удовольствію, Тишка подтверждаетъ. что онъ похожъ на француза, какъ двѣ капли воды. Супруги строятъ планы онъ выучится танцовать; зимой будутъ ѣздить въ купеческое собраніе, будутъ полькировать. Коляска сторгована за тысячу рублей. столько же стоятъ лошади, серебряная сбруя; поѣдутъ они въ паркъ. въ Сокольники. а публика пущай смотритъ!

„Что это вы меня не поцѣлуете, Лазарь Елизаровичъ?“ Онъ проситъ сказать ему что-нибудь на французскомъ діалектѣ, „такъ-съ, самую малость“, и, узнавши, что сказанная фраза значитъ по русски: какъ вы милы милы, — въ совершенномъ упоеніи. Они наслаждаются на лаврахъ, безчестно пожатыхъ, и ни единаго слова о бѣдномъ отцѣ, ни дочь, ни зять, поднятый имъ изъ праха.

Но карающая Немезида уже давно подстерегаетъ эти минуты самозабвенія; грозной тучей виситъ она надъ преступными головами и скоро разразится громомъ; надъ дѣтьми — за неблагодарность и нечестіе къ родителямъ; надъ отцомъ — за тайное беззаконіе. Вся эта сцена, какъ истинное подобіе грознаго судилища, поражаетъ зрителя ужасомъ и состраданіемъ. Первый фіалъ Божьяго гнѣва преступный, несчастный отецъ долженъ принять изъ рукъ дочери и зятя, котораго онъ возвысилъ изъ ничтожества и осыпалъ благодѣяніями. Лазарь еще въ сидѣльцахъ былъ не чистъ на руку; Большовъ это замѣчалъ, и не разъ, но не оставилъ его, не прогналъ отъ себя, а сдѣлалъ главнымъ приказчикомъ, отдалъ ему все состояніе и, наконецъ, свою дочь, на которую тотъ и глядѣть едва ли бы осмѣлился. И вотъ теперь, вмѣсто того, чтобы всѣмъ пожертвовать для спасенія своего благодѣтеля и отца отъ несчастія и позора, онъ едва не издѣвается надъ нимъ, когда старикъ, убитый горемъ и безсердечіемъ, потерялъ человѣческое терпѣніе и назвалъ ихъ змѣями подколодными: „*тятенька захмелѣлъ маленько*“. Дочь убиваетъ его окончательно, когда на отрѣзъ сказала что больше десяти копеекъ за рубль не дадутъ ему, и нагло дала понять, чтобы отецъ отвязался наконецъ. Кромѣ чудовищной неблагодарности дѣтей, Большовъ обреченъ на другое тяжкое наказаніе: онъ преданъ общественному позору: точно грѣшную душу дьяволы по мытарствамъ тащатъ, когда ведутъ его на поруганіе по Ильинкѣ, и эта улица кажется ему за сто верстъ! Этого мало, и совѣсть возстаетъ на виновнаго, пугая его призраками кары небесной. Какъ онъ взглянетъ на ликъ Пречистой Дѣвы, когда пойдетъ мимо Иверской? Отрезвленный полнымъ сознанiемъ преступленія, Большовъ видитъ въ себѣ Іуду: этотъ за деньги продалъ Іисуса Христа, а онъ — совѣсть свою! Наконецъ, предстаютъ передъ нимъ и земныя страшила — присутственныя мѣста, уголовная палата, Сибирь... Вотъ когда онъ на-

чинаетъ уже не требовать отъ дѣтей своей собственности, а *со слезами просить у нихъ Христа ради!*

Никакъ не можете вы отказать Большову въ чувствѣ жалости, и не только какъ къ несчастному отцу, но и какъ къ преступнику. Правда, онъ попралъ нравственный и гражданскій законъ, но и возмездіе понесъ несоразмѣрно тяжкое; со всѣхъ сторонъ градомъ посыпались на него удары; неблагодарность дѣтей общественный позоръ, угрызенія совѣсти, страхъ передъ закономъ божественнымъ и гражданскимъ — предчувствіе суда Божія и наказанія человѣческаго!

Намъ остается объяснить послѣднее и самое главное отличіе комедіи „Свои люди — сочтемся“ отъ Бригадира, показать, чѣмъ обозначился тотъ важный шагъ впередъ, который почти во сто лѣтъ сдѣлало русское общество, а за нимъ и литература русская. Это и есть то новое начало, которое одушевляетъ произведеніе Островскаго, и о которомъ, какъ мы сказали, многимъ писателямъ XVIII вѣка даже не снилось. Въ прошломъ столѣтіи, русская литература, принявшая въ образецъ европейскую, выражала стремленіе водворить въ русскомъ обществѣ идеалъ общественности европейской. Поэтому весьма естественно, что поэзія наша того времени изображала по преимуществу лица *этого обновлявшагося общества, т.-е. сословія высшаго.* Теперь становится совершенно понятнымъ, почему лица средняго и низшаго сословія, если ихъ случайно заводили въ область литературы, обращены къ намъ одною грубою, матеріальною стороною: знали ихъ по одной внѣшности, видѣли ихъ погруженными въ кругу мелкихъ житейскихъ нуждъ, сталкивались съ ними въ обыденныхъ интересахъ. Когда Лукинъ въ комедіи („Мотъ, любовію исправленный“) вывелъ честнаго слугу — а писатели-дворяне слугъ тогда знали лучше, ибо были ближе къ нимъ — вывелъ слугу, который бережетъ своего барина не только отъ плута-купца, но и отъ вѣроломнаго друга; почти спасаетъ отъ гибели безпутнаго, но добраго юношу; не принимаетъ отъ него отпускной, великодушно отказывается отъ свободы, и только для того, чтобы не покидать своего господина въ несчастіи: тогда, трудно повѣрить, поднялись крики строгихъ цѣнителей и судей: „*такихъ добрыхъ слугъ у насъ не бывало!*“ — Пусть онъ послужитъ образцомъ, благородно отвѣтилъ имъ Лукинъ. Нашелся и такой критикъ, который *съ ругательствомъ и улыбкою сказалъ*

автору: „къ чему вдругъ столь избранное и плодовитое нравоученіе для подлаго сего рода? Для того, говоритъ Лукинъ, чтобы очистить оный отъ подлости и научить поступкамъ, всякому честному человѣку приличнымъ". Очевидно, большинство писателей не возвышалось надъ сословными предразсудками и даже полагало, что съ лицами средней и низшей среды нераздѣльны понятія не только необразованія, невѣжества, но и пороковъ, какъ будто такъ и быть должно, и иначе быть не можетъ; и напрасно было бы въ этой низкой сферѣ искать чего-нибудь родственнаго людямъ въ настоящемъ значеніи слова, представителямъ сословія высшаго, которымъ однимъ свойственны образованіе, развитіе ума и нравственное совершенствованіе.

И вотъ почти сто лѣтъ надо было пройти послѣ появленія „Бригадира" для того, чтобы въ другую комедію русскую не только вошла, но и получила въ ней полныя права гражданства та космополитическая идея, которая была провозглашена съ высоты трона свободолюбивой государыней: „человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлатель, рукодѣльникъ или торговецъ, праздный хлѣбоядца или прилежаніемъ и раченіемъ подающій къ тому способы, управляющій или управляемый — все есть человѣкъ".

Въ комедіи есть такія положенія, что вы совершенно забываете и купца, и сваху, и приказчика, и стряпчаго, а видите передъ собою міръ, какъ поле битвы; жизнь, какъ борьбу, и человѣка со всѣми его треволненіями и страстями.

Но въ траги-комедіи Островскаго есть нѣчто болѣе того, что мы сказали: авторъ не только далъ право гражданства этой глубоко человѣческой идеѣ, но *стремится вкоренить ее и въ сознаніе дѣйствующихъ лицъ*. Конечно, никто изъ нихъ не заявляетъ прямо и не говоритъ вамъ: я человѣкъ! этой грубой ошибки такой художникъ и сдѣлать не могъ; онъ надѣляетъ ихъ настолько, насколько они могутъ вмѣстить. И стряпчій Ризположенскій, бѣдный Сысой Псоичъ, и тотъ выражаетъ ее, разумѣется, въ тугѣ сердечной, а не въ философскихъ изреченіяхъ; потому что горемыка взяточникъ вынесъ эту мысль изъ тяжкой, изъ гнетущей дѣйствительности, которая сгибаетъ его до паденія: „Будешь и по мелочамъ, какъ взять-то негдѣ. Ну еще не что, кабы одинъ, а то вѣдь у меня жена да четверо ребятишекъ. Всѣ ѣсть просятъ, голубчики. Тотъ гово-

ритъ — тятенька дай, другой говоритъ — тятенька дай. А я къ семейству очень чувствительный человѣкъ. Одного вотъ въ гимназію опредѣлилъ: мундирчикъ надобно, то, другое. А домишко-то эвона гдѣ!... Что сапоговъ однихъ истреплешь, ходимши къ Воскресенскимъ воротамъ съ Бутырокъ-то".

Въ траги-комедіи есть, наконецъ, стремленіе, еще болѣе рѣзкою чертою отдѣляющее ее отъ всѣхъ комедій XVIII вѣка. Мы крайне сожалѣемъ, что эта новая мысль автора, доблестно-гражданская, не облечена въ достаточно-прозрачный образъ. или Островскій не рѣшился на шагъ болѣе смѣлый, разумѣемъ это только въ литературномъ смыслѣ, или фантазія художника нѣсколько утомилась при концѣ своего творческаго полета. Для большей ясности мы приведемъ въ цѣлости это важное мѣсто, совершенно измѣненное во второмъ изданіи. Рисположенскій постоянно ходитъ къ Подхалюзину, который долженъ ему полторы тысячи, а отдаетъ только по пяти цѣлковыхъ, да еще съ презрѣніемъ и досадою, что тотъ ему надоѣдаетъ. Стряпчій проситъ отдать уже все разомъ, тогда ему и ходить будетъ не за чѣмъ; Подхалюзину такое настойчивое требованіе кажется дерзостію, и онъ готовъ безъ церемоніи выгнать его изъ дома: пора де честь знать, попользовался, и будетъ. Но тотъ все проситъ денегъ, а не то, такъ документъ; Подхалюзинъ находитъ это желаніе черезчуръ ужъ наивнымъ и вмѣсто документа предлагаетъ ему взять еще пять цѣлковыхъ, да и убираться съ Богомъ во-свояси.

Рисположенскій. Нѣтъ, погоди! Ты отъ меня этимъ не отдѣлаешься!

Подхалюзинъ. А что же ты со мной сдѣлаешь?

Рисположенскій. Языкъ-то у меня не купленный.

Подхалюзинъ. Что жъ ты лизать, что ли, меня хочешь?

Рисположенскій. Нѣтъ, не лизать, а добрымъ людямъ разсказывать.

Подхалюзинъ. О чемъ разсказывать-то; купоросная душа! Да кто тебѣ повѣритъ-то еще?

Рисположенскій. Кто повѣритъ? А вотъ увидишь! А вотъ увидишь! Батюшки мои, да что жъ мнѣ дѣлать-то? Смерть моя! Грабитъ меня, разбойникъ, грабитъ! Нѣтъ, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзинъ. Да что увидать-то?

Ризположенскій. А вотъ что увидишь? Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду?

Подхалюзинъ. Погоди, да погоди! Ужъ я и такъ ждалъ довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Ризположенскій. Ты думаешь, мнѣ никто не повѣритъ? Не повѣритъ? Ну, пускай обижаютъ! Я.... я вотъ что сдѣлаю: Почтеннѣйшая публика!

Подхалюзинъ. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты съ пьяныхъ-то глазъ куда лѣзетъ!

Ризположенскій Пусти! Постой! Почтеннѣйшая публика! Тестя обокралъ! И меня грабитъ... Жена, четверо дѣтей, вотъ сапоги худые!...

Подхалюзинъ. Все вретъ съ! Самый пустой человѣкъ-съ! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лѣзешь!

Ризположенскій. Пусти! Тестя обокралъ! И меня грабитъ... Жена, четверо дѣтей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Ризположенскій. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-съ, проѣхали!

Подхалюзинъ. Ахъ! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь.

Ризположенскій. Нѣтъ, ты погоди! Я тебѣ припомню! Я тебя въ Сибирь упеку!

Подхалюзинъ. Не вѣрьте, все вретъ-съ! Такъ-съ самый пустой человѣкъ-съ, вниманія не стоящій! Эхъ, братецъ, какой ты безобразный! Ну, не зналъ я тебя — ни за какія бы благополучія и связываться не сталъ.

Ризположенскій. Что взялъ! а! что взялъ! Вотъ тебѣ, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, чортъ съ тобой. *(Уходитъ).*

Подхалюзинъ. Какой горячій-съ! *(Къ публикѣ).* Вы ему не вѣрьте, это онъ, что говорилъ-съ — это все вретъ. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во снѣ приснилось. А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! Малаго ребенка пришлете — въ луковицѣ не обочтемъ.

Развѣ только творческая игра высокаго сценическаго таланта можетъ придать этой сценѣ то особенное освѣщеніе, въ которомъ она такъ сильно нуждается; въ противномъ случаѣ, главная мысль, душа этого послѣдняго явленія, не обнаружитъ

всей жизненной силы, въ ней скрытой, а для большинства можетъ даже остаться почти незамѣченною. Что же здѣсь хотѣлъ высказать авторъ? Онъ стремится, во-первыхъ, водворить въ русскомъ обществѣ *власть общественнаго мнѣнія;* во-вторыхъ, хочетъ показать, что лица низкопоставленныя, ограниченныя, и даже порочныя, и тѣ уже *чувствуютъ теперь потребность, даже сознаютъ необходимость общественнаго суда.* Проводя эту мысль въ сознании *и малыхъ міра сего,* Островскій сначала, еще прежде, заставилъ сваху высказать ее; но Устинья Наумовна выражаетъ эту идею, какъ и слѣдуетъ, только инстинктивно, безъ всякаго сознания и отчета. Озлобленная на Подхалюзина, обѣщавшаго ей двѣ тысячи рублей да соболью шубу и безчестно ее обманувшаго, она уходитъ изъ его дома и въ безсильномъ негодованіи прибѣгаетъ къ послѣдней угрозѣ: „Ужъ я васъ, золотые, распечатаю — будете знать! Я васъ такъ по Москвѣ-то разславлю, что стыдно будетъ въ люди глаза показать!...“

Совершенно не то стряпчій Рисположенскій... Авторъ возвышаетъ его до сознанія этой нравственной потребности, и возвышаетъ безъ всякой натяжки, естественно, потому что избираетъ для этого такой моментъ, когда подобный поворотъ вполнѣ возможенъ: Рисположенскій мгновенно *ощутилъ* въ себѣ эту потребность, и вдругъ, внезапно озарился этою мыслію, ибо увидѣлъ въ ней свое спасеніе; по этой же причинѣ онъ заявляетъ ее и передъ лицомъ общества. Горько ему видѣть, какъ нагло издѣвается надъ нимъ же Подхалюзинъ, а еще больнѣе то, что онъ самъ поставилъ себя въ беззащитное положеніе: такой мастеръ обдѣлывать даже темныя судейскія дѣла, онъ ничего теперь не можетъ сдѣлать съ человѣкомъ, его же ограбившимъ; потому что не оградилъ себя никакимъ законнымъ документомъ. Подхалюзинъ ни тестю, ни стряпчему не далъ противъ себя никакого юридическаго оружія и совершенно оградилъ себя отъ всякихъ законныхъ уликъ. Но если нужда долбитъ камень, то горе рождаетъ идеи, даже въ самомъ неразвитомъ, въ самомъ ограниченномъ человѣкѣ... И многоопытный дѣлецъ, чувствуя все безсиліе своего права — въ судъ нельзя ему идти, нѣтъ никакихъ документовъ — и взяточникъ-стряпчій прибѣгаетъ къ карающему суду публики! И онъ, когда его обидѣли и ограбили, и мало того, еще осмѣяли, и онъ, какъ блудный сынъ, простираетъ руки къ имъ же

оскорбленному обществу, аппелируетъ къ нему и въ отчаяніи взываетъ: „Почтеннѣйшая публика! Тестя обокралъ! И меня грабитъ!...“ И ему уже теперь хочется разсказать добрымъ людямъ, чтобы они всѣ знали, что Подхалюзинъ — безчестный грабитель, другими словами: ябедника и лихоимца Островскій возвышаетъ до сознанія правды и возлагаетъ на него очистительную миссію, ставитъ его передъ лицомъ русскаго общества съ громкимъ воззваніемъ — чтобы всѣ честные русскіе люди нравственно наказывали всякую мерзость и кривду; чтобы они безпощадно преслѣдовали даже тайное преступленіе, хотя бы оно стало подъ прикрытіемъ всевозможныхъ орудій казуистики и формъ закона; а если обратимъ отрицательный способъ выраженія въ положительный, то найдемъ, что отдаленнѣйшее, послѣднее стремленіе автора траги-комедіи состоитъ въ томъ, чтобы на всей русской землѣ, отъ края до края, царила единая, вѣчная правда, которую русскій народъ возлюбилъ паче всѣхъ идеаловъ и назвалъ своею матерью!

Селинъ.

„Недоросль“ Фонъ-Визина.

Первое лицо, выходящее на сцену въ „Недорослѣ“ — Простакова, смѣсь грубой любви къ сыну, нахальства и дерзости помѣщицы, вѣчно жившей въ деревнѣ, грозы своего мужа, человѣка кроткаго и глупаго. Для нея нѣтъ властей и законовъ; одинъ братъ ея, Скотининъ, пользуется у нея авторитетомъ, да и то потому, что онъ братъ и здоровый дѣтина, который можетъ поколотить свою дражайшую сестрицу. Простакова заѣлась и зажилась въ деревнѣ, свыклась съ безпрекословнымъ повиновеніемъ подчиненныхъ, и оттого ея деспотизмъ съ окружающими доходитъ до крайности; она хочетъ, чтобы они называли бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, если этого требуетъ ихъ госпожа. Простакова уже не исключительно скряга, или грубо нѣжная мать, или бранчивая помѣщица, — нѣтъ, въ ней соединилось, сжилось и выросло много недостатковъ; она походитъ уже на лицо живое, а не на статую. Изъ какой норы вышелъ такой звѣрокъ, видно по слѣдующимъ словамъ ея:

„Я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на

покойницѣ матушкѣ. Она была по прозванью Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ; да, кромѣ меня съ братцемъ, всѣ, по власти Господней примерли: *иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка*".

Понятно, какая госпожа должна была выйти изъ такого семейства!

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что Простакова осматриваетъ кафтанъ, сшитый Тришкою для сына ея, Митрофанушки. Кафтанъ сшитъ хорошо, но Простаковой онъ кажется не хорошъ, потому что за труды нужно выбранить Тришку. „Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобы ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?" Видимо, что Тришка уже давно выведенъ изъ терпѣнія, и хотя часто бывалъ битъ, однако свыкся съ своимъ положеніемъ и укрѣпился въ грубости: „Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: „*ну, да извольте отдавать портному*".

Въ словахъ: „ну, да извольте отдавать портному" такъ и видишь, что онъ махнулъ рукой и думаетъ: а мнѣ что за дѣло? урокъ, такъ урокъ; вѣдь все равно, если бъ онъ и не былъ урокъ: я былъ бы битъ. Простакова возражаетъ: „Такъ развѣ *необходимо* надобно быть портнымъ, чтобы умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!"

Для Простаковой эта фраза не натяжка; она знаетъ, что не портной не можетъ сшить кафтана; но такъ какъ это говоритъ Тришка, то его разсужденіе — скотское. Приходитъ Простаковъ; о немъ Простакова не говоритъ иначе, какъ съ презрѣніемъ:

„Уродъ мой ужъ такъ рохлею родился. На него находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда выпуча глаза стоитъ битый часъ, какъ вкопанный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка. Онъ смиренъ, какъ теленокъ; оттого-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобы въ домѣ была строгость чтобы наказать путемъ виновнаго. Все сама

управляюсь, батюшка, съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена: то бранюсь, то дерусь..."

Въ домѣ Простаковой живетъ Софья-сиротка; отецъ и мать ея умерли; Простаковы помѣстили ее въ своемъ домѣ и управляютъ ея имѣніемъ. На Софьѣ хочетъ жениться Скотининъ — не потому, чтобы она нравилась ему, нѣтъ, а потому что въ *деревняхъ Софьи водятся свиньи*. Скотининъ говоритъ: „люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на заднія ноги, не была бы больше каждаго изъ насъ цѣлою головою". — Этотъ неумѣстный рефренъ Скотининъ повторяетъ безпрестанно на разныя манеры; видимо, что Фонъ-Визинъ хотѣлъ сдѣлать изъ него отличительную черту характера Скотинина, — но Скотининъ имѣетъ свой характеръ, болѣе отличительный...

Простакова не прочь женить Скотинина на Софьѣ, какъ вдругъ приносятъ письмо къ Софьѣ отъ дяди, который живетъ въ Сибири, и который теперь ѣдетъ въ деревню: онъ нажилъ десять тысячъ дохода и наслѣдницею ихъ дѣлаетъ Софью. Простакова перемѣняетъ намѣреніе женить Скотинина на Софьѣ, и хочетъ устроить свадьбу Митрофана и Софьи.

Между тѣмъ въ деревню приходитъ отрядъ солдатъ, которымъ командуетъ молодой человѣкъ Милонъ. Онъ влюбленъ въ Софью, а Софья въ него: лица эти такія же, какъ и Добролюбовъ и Софья въ „Бригадирѣ" — честныя, благородныя, образованныя, однимъ словомъ, такія, которыя, для контраста съ дураками, всегда были въ прежнихъ комедіяхъ; они говорятъ умно общими мѣстами и походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Поэтому мы о нихъ и не будемъ распространяться. Во время нѣжнаго разговора Софьи и Милона подходитъ къ нимъ Скотининъ и говоритъ: „Привезла меня сюда сестра жениться; теперь же сама подъѣхала съ отводомъ, „что де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья". — „Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь..." И далѣе въ этомъ же родѣ. Ему говорятъ, что у него есть соперникъ Митрофанушка. Скотининъ озлобился, зоветъ къ себѣ Митрофанушку и говоритъ ему:

„Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не побоялся, я бы тѣ, не говоря еще ни слова, *за ноги да объ уголъ; да не хочу губить души*, не

найдя виноватаго. Смотри жъ, не отпирайся, *чтобъ я въ сердцахъ не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь.* Мой грѣхъ; виноватъ Богу и государю. Смотри жъ и не клепли на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять."

Вотъ это настоящій Скотининъ, несмотря на то, что онъ не говоритъ о свиньяхъ. Тѣнь этого Скотинина носилась въ воображеніи Фонъ-Визина, когда онъ чертилъ характеръ Бригадира: но тамъ этотъ образъ былъ смутенъ, не рѣзокъ: здѣсь онъ отчетливъ, ясенъ. Только этотъ Скотининъ могъ выражаться такъ, когда къ нему лѣзла сестра драться за Митрофана: „Отвяжись, сестра! дойдетъ дѣло до ломки; погну, такъ затрещишь..." Скотининъ любилъ слушать исторіи, которыя ему разсказывалъ выборный, и приговаривалъ: „мастеръ, собачій сынъ! откуда что берется!" Этотъ Скотининъ хотѣлъ побить Митрофана, но его не допустили. Послѣ того приходятъ учителя, Кутейкинъ и Цыфиркинъ, которые были бы хороши, если бы не были утрированы. Напр., Кутейкинъ говоритъ, что онъ изъ ученыхъ:

„Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ просилъ: Такой-то де семинаристъ, изъ церковныхъ дѣтей, *убояся бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи.* На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: „Такого-то де семинариста отъ всякаго ученія уволить: *писано бо есть — не мечите бисера предъ свиньями да не попрутъ его ногами*".

Это разсказываетъ самъ Кутейкинъ! Цыфиркинъ зараженъ страстью острить такъ же, какъ и другіе герои Фонъ-Визина; напр., онъ при Простаковой, которая кормитъ его на кухнѣ и при случаѣ можетъ побить, говоритъ: „Вотъ у ихъ благородія надъ *ломаными* третій годъ бьемся, да что-то плохо *клеятся. Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ*".

Кутейкинъ и Цыфиркинъ хотѣли учить Митрофана; но онъ жалуется, что его чуть не убилъ дядя. Дѣло перемѣняется, учителей отправляютъ накормить, а сама Простакова взъѣдается на Еремѣевну: слѣдуетъ превосходная сцена между ними обѣими:

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть было въ волоски ему не вцѣпился. А ни зашто, ни прошто...

Простакова *(въ злобѣ)* Ну...

Ерем. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться?...

Прост. Ну...

Ерем. Дитя не потаилъ; ужъ давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскипется!...

Прост. *(дрожа)*. Ну... а ты бестія остолбенѣла? а ты не вцѣпилась *братцу* въ харю? а ты не раздернула ему рыла по уши?...

Ерем. Приняла-было! Охъ, приняла, да...

Прост. Да что?... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Ерем. Ахъ, Создатель! спаси и помилуй! Да кабы *братецъ* въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бь я съ нимъ поломалась, во что бы Богъ ни поставилъ: притупились бы эти (показывая на ногти), я бъ и клыковъ беречь не стала.

Прост. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а на дѣлѣ..."

Это трижды повторенное *ну* во время разсказа Еремѣевны, это язвительное употребленіе слова „братецъ", которому хотятъ впиться въ харю, эта привязанность Еремѣевны къ дѣтищу, которое ей дано на сохраненіе, — все это дѣлаетъ эту сцену чрезвычайно драматичною.

Въ третьемъ дѣйствіи является угрюмый дядюшка Стародумъ и разсуждаетъ съ Правдинымъ о воспитаніи, о политикѣ, о своей жизни и о многомъ другомъ; онъ пріѣхалъ освободить Софью отъ Простаковой. Начинаютъ представляться Стародуму, Простакова хочетъ задобрить его въ пользу своего сына; Скотининъ повторяетъ только про себя: „Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!" По уходѣ Стародума Митрофана заставляютъ учиться, чтобы дядюшка могъ слышать, что вотъ дитя воспитываютъ; приходитъ нѣмецъ-учитель, Вральманъ, такая же карикатура, какъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ, и уговариваетъ Простакову перестать учить сына.

Въ четвертомъ дѣйствіи Стародумъ объясняетъ Софьѣ значеніе истинной любви, значеніе нравственности, значеніе супружеской жизни; является Миловъ, и Стародумъ благословляетъ союзъ Софьи. — Но пьеса этимъ не кончается и не должна кончиться, потому что въ ней главное лицо не Софья и Миловъ, не Недоросль, а Простакова, которая хочетъ женить своего сына на богатой дѣвицѣ. Она лѣзла драться съ Скотининымъ, когда онъ былъ соперникомъ; теперь ей пред-

стоитъ новая борьба съ Стародумомъ, который выдаетъ Софью за Милона, а не за Митрофана; слѣдовательно, роль Простаковой не окончена — она только разгорается. Фонъ-Визинъ это очень хорошо понималъ, и потому заставилъ Простакову дѣйствовать. Она, узнавъ о намѣреніи Стародума выдать Софью за Милона, составляетъ планъ увезти Софью и насильно обвѣнчать ее. Вотъ послѣдняя сцена. Но этотъ замыселъ не удается: Софью спасаютъ, а слуги, которые схватили Софью, разбѣгаются. Простакова въ ярости; она кричитъ: „какая я госпожа въ домѣ? Чужой погрозилъ, приказъ мой ни во что". Но ей говорятъ, что ее отдадутъ еще подъ судъ; она бросается на колѣни и умоляетъ Стародума: „Батюшка, прости ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ". Стародумъ ее прощаетъ. Простакова оживаетъ; страхъ прошелъ; она опять является прежней Простаковой и тутъ же при Стародумѣ говоритъ: „Простилъ! Ну теперь-то дамъ я зорю канальямъ, своимъ людямъ; теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ; теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки."

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Простакова. Ахъ, батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правд. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается!... Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Прост. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства?"

Но на этомъ мѣстѣ Правдинъ ей объявляетъ другой указъ о томъ, что домъ ея беретъ правительство въ опеку за безчеловѣчные поступки. На это Простакова плачется: „Батюшка, не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Невозможно ль тебѣ какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются!... Дай мнѣ сроку хоть на три дня... *(въ сторону)* я дала бы себя знать..." Но, видя, что люди эти неумолимы, она бросается обнимать сына и говоритъ: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!" Но Митрофанъ очень хорошо отвѣчаетъ ей: „Да отвяжись, матушка! какъ навязалась..." — Этимъ кончается „Недоросль".

Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ этой комедіи, по

сравненію съ „Бригадиромъ“ — единство дѣйствія. Тутъ есть не только жизнь, но и единство; главное лицо, на которомъ держится пьеса — Простакова. По отдѣлкѣ этого лица Фонъ-Визинъ почти выходитъ изъ своей постоянной роли сатирика; въ ней вы не замѣчаете преувеличеній, неумѣстныхъ остротъ, исключительной односторонности, которыми заражены прочія лица даже въ „Недорослѣ“. Простакова, нѣжная мать, страстно любитъ своего сына, но любовью неразумною, животною; она готова со всѣми передраться за Митрофанушку, но не понимаетъ, что эта любовь губитъ сына. Въ глазахъ ея Митрофанъ будетъ ребенкомъ, когда ему будетъ даже тридцать лѣтъ: это лучшая характеристика такой любви. Она сварлива, никому не подчиняется, но любовь къ сыну можетъ ее подвигнуть на униженіе, подличанье передъ Стародумомъ; въ ея глазахъ имѣютъ значеніе однѣ физическія силы и богатство: все остальное — тлѣнъ. Умъ и сердце ея безпрестанно заняты копленіемъ денегъ для Митрофанушки, всякаго рода стяжаніями въ пользу его; она даже его учитъ, потому что говорятъ, будто ученье начинаетъ приносить пользу молодымъ людямъ; но въ дѣйствительную пользу ученія она нисколько не вѣритъ, и потому соблюдаетъ одинъ внѣшній обрядъ ученія. Она говоритъ Вральману: „Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ, скажутъ дуракъ. Умницъ-то нынче завелось много; ихъ-то я боюсь“. Она не только ихъ боится, но они ей противны; она вѣритъ Вральману больше, нежели Кутейкину и Цыфиркину, потому что вѣдь у нѣмцевъ же русскіе учатся. „Мы“ (говоритъ Простакова) „въ Москвѣ приняли *иноземца* на шесть лѣтъ и, чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили“. „*Подрядился* учить, чему мы хотимъ“. Кто не ученъ, того, значитъ, учили по словамъ Простаковой, *какъ красную дѣвушку*. Мужъ въ ея глазахъ не имѣетъ никакой цѣны, потому что не дерется съ дворней. Это-та Простакова затаила мысль женить Митрофана на Софьѣ и для этого начинаетъ угождать Софьѣ, Стародуму, дурачить брата, Скотинина, котораго уважала за ростъ и дородство; а когда это не удалось, чуть не подралась съ сильнымъ соперникомъ, начинаетъ кокетничать Митрофанушкой, показывать его знанія передъ Стародумомъ. Однимъ словомъ, она вся оживилась и выказала свою гнусную натуру со всѣхъ сторонъ. Надежды оживляли ее; но вдругъ, узнавъ, что Софья

отдала руку свою Милону, она приходитъ въ ярость и для дорогого дѣтища своего готова на похищеніе Софьи; когда и это не удается, когда ее берутъ въ опеку, злоба ея не перекипѣла: она проситъ позволенія перебить слугъ и тогда уже покориться непріятной судьбинѣ; ей и въ этомъ отказываютъ; она съ отчаянія бросается въ объятія Митрофана, но и Митрофанъ, недовольный развязкой дѣла, которое затѣяла матушка, отталкиваетъ ее и говоритъ: „да отвяжись, матушка! какъ навязалась...“ Что послѣ этого сдѣлалось съ Простаковой, говорить нечего: она вылилась вся. Идея автора выполнена. Митрофанъ есть то лицо, которое составляло задушевную тревогу ея жизни; это пружина всѣхъ ея дѣйствій. Фонъ-Визинъ выбралъ женитьбу Митрофана какъ лучшее средство показать натуру Простаковой, и въ этомъ случаѣ поступилъ удачно, потому что это былъ дѣйствительно тотъ пунктъ, отъ соприкосновенія съ которымъ вся природа Простаковой освѣщалась яркимъ пламенемъ. Это уже не ошибочная идея, какъ, напримѣръ, объясненіе въ любви въ „Бригадирѣ“, которое не обрисовывало характеровъ дѣйствовавшихъ лицъ нѣтъ, это вѣрная черта изъ жизни Простаковой; это была та нѣжная струна ея сердца, которую стоило затронуть, чтобы заговорило ея ретивое. Фонъ-Визинъ ее затронулъ, и Простакова вышла живымъ лицомъ. Отъ этого въ „Недорослѣ“ вы видите сцены мастерски-отдѣланныя, въ которыхъ дѣйствуетъ Простакова; напримѣръ, сцена съ мамой Еремѣевной, сцена съ Стародумомъ, когда ей не удалось увезти Софью.

Мы говорили о единствѣ дѣйствія комедіи „Недоросль“ по отношенію къ Простаковой: это еще не значитъ, чтобы вся пьеса была проникнута одной идеей; въ „Недорослѣ“, какъ и въ „Бригадирѣ“, есть сцены, наполненныя однимъ резонерствомъ, напр. сцены Стародума и Софьи, Стародума и Правдина. Разговоры этихъ лицъ сами по себѣ умны, но нисколько не художественны и къ главной идеѣ не идутъ. Потомъ есть лишнія сцены, оттого что и въ „Недорослѣ“ есть лишнія лица, напр. Простаковъ: этотъ человѣкъ какъ тѣнь переходитъ изъ одного акта въ другой; никому изъ дѣйствующихъ онъ не нуженъ, нисколько не поясняетъ и не освѣщаетъ главной идеи. Правдинъ, резонеръ, также не нуженъ. Отъ праздности этихъ лицъ при ходѣ пьесы авторъ выводитъ ихъ на сцену поговорить такъ, иногда для остраго словца, иногда для бла-

горазумнаго совѣта. — Лица второстепенныя, какъ Стародумъ, занимаютъ много времени своими разговорами оттого, что говорятъ назидательно. Назидательность эта говорится безъ всякаго примѣненія къ людямъ, съ которыми разговариваетъ Стародумъ; такъ, напримѣръ, Простакова смотритъ на выборы въ службу гражданскую, какъ на наказаніе, и потому говоритъ: „Батюшки мои, да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленнѣе, того свои же братья тотчасъ же выберутъ еще въ какую-нибудь должность“. — Что жъ, вы думаете, на это говоритъ Стародумъ? Онъ пресерьезно отвѣчаетъ: „А кто посмышленнѣе, тотъ и не откажется быть полезнымъ своимъ согражданамъ“. — Какъ кстати разсуждать съ Простаковой о пользѣ общественной!

Вообще „Недоросль“ есть какъ бы дальнѣйшее развитіе усовершенствованнаго „Бригадира“. Лица одной комедіи напоминаютъ лица другой. Простаковъ есть бригадирша мужескаго рода: онъ такъ же наивно-глупъ; Скотининъ — усовершенствованный бригадиръ, если отбросить привязанность къ свиньямъ — эту неумѣстную пошлость, потемняющую тотъ характеръ, изъ котораго впослѣдствіи выработался у Грибоѣдова Скалозубъ. Митрофанъ тотъ же сынъ Бригадира, немного лучше выработанный, немного помоложе. О прочихъ лицахъ, каковы Правдинъ, Милонъ, Софья, и говорить нечего: они вездѣ одинаковы, какъ уже и прежде мы сказали. Слѣдовательно, единственное пріобрѣтеніе въ „Недорослѣ“ остается Простакова.

Такимъ образомъ „Бригадиръ“ ни по дѣйствію, ни по характерамъ не есть комедія; скорѣе, это сатира на общество; слѣдовательно, произведеніе не художественное. „Недоросль“, по одному своему лицу, Простаковой, и по идеѣ, которая ее одушевляетъ, заключаетъ въ себѣ начатки комизма, поглощеннаго сатирическимъ направленіемъ пьесы и остальныхъ характеровъ. Между тѣмъ, герои Фонъ-Визина: Простакова, Бригадирша, Скотининъ, Недоросль, въ свое время надѣлали столько же шума, сколько Фамусовъ, Скалозубъ, Репетиловъ и другіе герои Грибоѣдова. Спрашивается: отчего же? Оттого, что Фонъ-Визинъ первый показалъ рѣзкіе недостатки современниковъ: подъ сатирой публика разсмотрѣла себя. Въ то время, когда Сумароковъ „для своихъ смотрителей“,

т.-е. для публики, выводилъ на сцену героевъ Вольтера, Расина и Мольера, и просилъ законовъ вдохновенія у Буало:

Скажи мнѣ Буало свои въ сатирахъ нравы,
Которыми въ стихахъ ты чистилъ грубы нравы!

въ то время, когда онъ за недостаткомъ публичнаго одобренія самъ себя хвалилъ и называлъ себя русскимъ г-мъ Вольтеромъ, въ то время смиренно появился молодой человѣкъ съ первой русской сатирой, „Бригадиромъ“. Блистательный пріемъ, сдѣланный этой сатирѣ, доказываетъ, что запоздалые и тяжелые переводы французскихъ трагедій и комедій, не удовлетворяли высшаго общества, которое хотѣло отечественной драмы. Сумароковъ и на этомъ поприщѣ давно хлопоталъ и угощалъ желающихъ „Хоревомъ“, „Синавомъ и Труворомъ“, „Ярополкомъ и Доматой“, „Вышеславомъ“: но въ нихъ было столько же русскаго, сколько въ „Альзирѣ“, „Федрѣ“, „Магометѣ“, „Митридатѣ“ и другихъ произведеніяхъ французскихъ мнимыхъ класиковъ. Сумароковъ также писалъ комедіи и сатиры, но онѣ имѣли такой же успѣхъ, какъ и трагедіи его, и по тѣмъ же самымъ причинамъ. Наконецъ, онъ опредѣлилъ для русскихъ науку о стихотворствѣ Буало и въ ней предписалъ правила для комедіи:

Свойство комедіи — издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.

Для сатиры:

Въ стихахъ должны мы пороки охуждать,
Безумство пышное въ смѣшное превращать,
Страстямъ и дуростямъ играючи ругаться;
Чтобъ та игра могла на мысли оставаться,
И чтобы въ страстныя сердца она втекла:
Сіе вамъ зеркало сто разъ нужнѣй стекла.

Но, несмотря на все это, комедіи Сумарокова забыты.

Дудышкинъ.

Комедія „Недоросль“ и ея значеніе.

Что сказано Лагарпомъ о Мольерѣ, еще съ большею справедливостью можетъ быть у насъ примѣнено къ Фонъ-Визину: „Похвала писателя заключается въ его твореніяхъ. Можно сказать, что похвала Мольеру заключается въ предшественникахъ

и преемникахъ его". Поистинѣ, читая Фонъ-Визина, чувствуешь часто недостатки его: читая писавшихъ у насъ для комической сцены прежде и послѣ его, удивляешься одному его превосходству. Фонъ-Визинъ не былъ рѣшительно драматикомъ, не былъ и комикомъ, даже каковъ, напримѣръ, Княжнинъ: по крайней мѣрѣ, въ художественномъ отношеніи, послѣдній былъ изобрѣтательнѣе его въ распоряженіи, въ хозяйственномъ устройствѣ комедіи. Басня обѣихъ комедій автора нашего слаба и бѣдна, въ картинѣ его есть игривость и яркость, но нѣтъ движенія: это говорящая картина — и только, но и то говорятъ въ ней не всегда участвующія лица, а часто говоритъ самъ авторъ. Все это правда; но живое чувство истины, мастерское изображеніе портретовъ съ натуры, хотя и не во весь ростъ, удачная съемка русскихъ нравовъ безъ примѣси красокъ чуждыхъ или неестественныхъ, свобода и оригинальность, съ которою выливается у него комическая фраза, русская веселость, которая должна существовать, какъ есть русская физіономія физическая и нравственная, все это образуетъ характеръ автора и отличительное достоинство его, неоспоримое, неотъемлемое...

Фонъ-Визинъ не былъ драматическимъ творцомъ, а только писателемъ комическимъ, въ чемъ большая разница. Выступая на театръ, онъ не былъ побуждаемъ желаніемъ творить, испытывать силы и соображенія свои въ устроеніи жребія лицъ, коими населялъ свою сцену. Драматическій писатель есть нѣкоторымъ образомъ провидѣніе міра, имъ созданнаго: онъ также долженъ по таинственнымъ путямъ вести созданія свои къ цѣли, оправдывающей предназначенія его, долженъ изъ противорѣчій, изъ ошибокъ страстей и пользъ, извлечь одно цѣлое, изъ разногласій согласіе, изъ безпорядковъ порядокъ. Фонъ-Визинъ не имѣлъ въ виду сихъ обширныхъ предначертаній: онъ хотѣлъ просто вылить въ нѣкоторыя изъ драматическихъ формъ частныя свои наблюденія, свои мысли о томъ и о семъ, расцвѣтить кистью своею лица, которыя встрѣчалъ въ обществѣ или которыя представляло ему воображеніе, созидая вымышленные образы по чертамъ и очеркамъ дѣйствительныхъ.

Въ комедіи „Недоросль" авторъ имѣлъ цѣль важнѣйшую, гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ „Бригадирѣ"

авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ „Недорослѣ" онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады: если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ „Бригадирѣ" можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; но худое воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе края безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшного глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же, въ коемъ росъ Митрофанушка, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, Простакова. Именно говорю: изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи „Недоросль" и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумѣется, что трагедія будетъ не по греческой или по французской классической выкройкѣ, но, не менѣе того, развязка можетъ быть трагическая. Какъ Тартюфъ Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и Простакова. Отъ авторовъ зависѣло ее и его присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались бы тѣ же, но только приноровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы „Недоросля"? Домашнее семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома.* Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе: но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ *Простаковыхъ,* когда, по несчастью, встрѣчаются они въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочислен-

вые доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего. и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона „Недоросля" не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ: недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явлений, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва ли найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ Простаковой. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обстановкою. Разговоръ ея съ портнымъ Тришкою, или, лучше сказать, пожалованнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно приноровлена къ лицамъ: сцена совершенно русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ поневолѣ* оживлена драматическимъ кресчендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: „*Да первый то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!*" Побольше такихъ явленій, — и Фонъ-Визинъ былъ бы одинъ изъ остроумнѣйшихъ комиковъ. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является *Простакова*, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искусства и глубокаго сердцевѣдѣнія. Когда Стародумъ прощаетъ Простакову, и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: „Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ!

Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ, своимъ людямъ", тутъ слышенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно въ сценѣ, когда Правдинъ, назначенный отъ правительства опекуномъ надъ деревнею ея, разсчитывается съ учителями Митрофанушки. Тутъ уже не хвастаетъ она, какъ прежде, познаніями своего сына, и невольно говоритъ Кутейкину: „Да какъ пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?" Но послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельные плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!" а онъ отвѣчаетъ ей: „Да, отвяжись, матушка, какъ навязалась!" Признаюсь въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонъ-Визинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ. Сказываютъ, что французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку излагать, въ видѣ романа и приготовительнаго труда, исторію главныхъ лиц, комедій своихъ. Этимъ способомъ судилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное! Изъ того, что видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ Простакову и могли бы начертать полную біографію ея. Но всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. Скотининъ карикатура: онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ Митрофанушкою и Еремѣевной очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя вскользь обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самого автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ

въ него слово зацѣпы, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль Стародума можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею: въ другой онъ лицо вставное, нравоученіе, подобіе хора въ древней трагедіи. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи многое выкидывается изъ роли *Стародума*. Была бы пьеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно. терпѣніе партера не утомилось бы отступленіями; но невыгода *Стародума* предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактической прозой, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, несмотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ нравственныхъ запросахъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонъ-Визинъ, былъ нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ нравоученій Стародума хотя и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ, любимое средство автора, выказывается и здѣсь. Сцену Стародума съ Милономъ можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ *неустрашимость* и *храбрость*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны или поучители, подобные Стародуму; но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе. потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе пятаго дѣйствія приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, замѣтимъ еще, что Стародумъ, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобы обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей французской комедіи, которые, для развязки комической интриги, падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.

Роли Милона и Софьи блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія, но счастли-

вой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ безпристрастной любви къ ближнему. Правдинъ — чиновникъ; онъ разрѣзываетъ мечомъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно бы быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто рока (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ, но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть довершено наказаніе Простаковой, которое было бы не полно, если бы имѣніе осталось въ рукахъ ея. Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ забавныя карикатуры; послѣдній и слишкомъ карикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что встарину нѣмецъ-кучеръ попалъ въ учителя въ домъ Простаковыхъ.

Мнѣ случалось слышать, что Фонъ-Визина упрекали въ исключительной цѣли, съ которою будто начерталъ онъ лицо Недоросля, осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это предположеніе вовсе неосновательно. Во-первыхъ, Фонъ-Визинъ не сталъ бы мѣтить въ небывалое зло. Одни новые комики наши стали сочинять нравы и выдумывать лица. Дворянство наше винить можно не въ томъ, что оно иногда худо готовится къ службѣ, не запасаясь необходимыми познаніями, чтобъ быть ей полезнымъ. *Недоросль* не тѣмъ смѣшонъ и жалокъ, что шестнадцати лѣтъ онъ еще не служитъ: жалокъ былъ бы онъ служа, не достигнувъ возраста разсудка; но смѣешься надъ нимъ оттого, что онъ неучъ. Правда, что правило Стародума, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выходить въ отставку, *когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ*, слишкомъ исключительно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. Дворянинъ, который усердно занимался бы благоустройствомъ и возможнымъ нравственнымъ образованіемъ подвластныхъ себѣ, воспитаніемъ дѣтей, какою-нибудь отраслью просвѣщенія или промышленности, былъ бы не менѣе участникомъ въ общемъ дѣлѣ государственной пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣреннаго правительства, хотя и не былъ бы включенъ въ списки адресъ календаря. Къ тому же, правило Стародума несбыточно въ исполненіи. въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства. Должно признаться, что и Правдинъ

имѣеть довольно странное понятіе о службѣ, говоря Митрофанушкѣ въ концѣ комедіи: „Съ тобою, дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить"! Ему сказать бы: „Пошелъ-ка въ училище!" а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи „Недоросль" былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціальныя предапія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случалось встрѣтиться въ провинціяхъ съ двумя или тремя живыми экземплярами Митрофанушки, то есть, будто служившими образцомъ Фонъ-Визину. Вѣроятно, преданіе ложное, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Въ „Бригадирѣ" есть тоже намеки на живыя лица, и между прочими на какого то президента коллегіи, который любилъ великорослыхъ, и по росту опредѣлялъ подчиненныхъ своихъ на мѣста. Если правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія „Недоросля", сказалъ автору: „Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!" то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства; можно сказать, что онъ и не создалъ руской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе...

Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литературномъ отношеніи: ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то, что, сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской, какъ дома, или принесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостиныя, потому что Фонъ-Визинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики переняли у него нѣкоторые пріемы, положенія, мѣстность, думая, что въ нихъ-то и заключается вся комическая сила: но она у него потому сила, что не изыскана, а коренная, природная. Напротивъ же у его послѣдователей то же самое есть безсиліе, потому что оно заимствованное и неестественное.

П. Вяземскій.

Языкъ комедіи Фонъ-Визина.

Успѣху Фонъ-Визина много содѣйствовалъ и языкъ его комедіи — языкъ чистый, взятый прямо изъ жизни, вмѣстѣ съ элементами характеровъ. Языкъ Простаковой не только чистый русскій, но даже художественный языкъ; есть сцены, въ которыхъ Скотининъ говоритъ языкомъ искусно-отдѣланнымъ. Чтобъ видѣть всю заслугу Фонъ-Визина въ отношеніи къ разговорному языку, возьмите какую-нибудь изъ комедій Сумарокова и посмотрите на красоту языка, выработанную по ученію Буало; напримѣръ, загляните хоть въ комедію „Лихоимецъ", которой дѣйствующія лица: *Кощей*, Изабелла, Дорантъ, Леандръ, Клара и Пасквинъ; всѣ эти лица живутъ и дѣйствуютъ въ Москвѣ. Изъ нихъ Клара, служанка Изабеллы, говоритъ Пасквину, лакею:

„Онъ въ пріемѣ денегъ гораздо точенъ. Давъ онъ родному своему брату и еще нѣкоторому ближайшему свойственнику по сту рублевъ, вычетъ по двѣнадцати процентовъ и взявъ заклады вдесятеро больше, когда они нѣсколько дней къ заплатѣ не исправилися, ихъ было съ ума свелъ, и въ день раза по два къ нимъ съ промеморіями посылалъ, ставя еще имъ новымъ одолженіемъ и то, что слуги его подошвы попротоптали, а онъ за то съ нихъ, какъ родной братъ и ближній самый свойственникъ, не взялъ ни по копеейкѣ и клялся передъ своими друзьями, что онъ имъ это уступилъ". Это языкъ служанки! Поставьте же рядомъ съ ней Еремѣевну, маму Митрофана, и вы поймете, почему вельможи Екатеринина вѣка такъ сильно были поражены комедіями Фонъ-Визина. Языкъ Фонъ-Визина, какъ мы сказали, не только правиленъ, чистъ, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ художественъ, напр., въ Простаковой, Скотининѣ, Еремѣевнѣ, Тришкѣ... Словомъ, герои Фонъ-Визина говорили живымъ языкомъ; Фонъ-Визинъ ушелъ даже отъ ферулы ученія Буало относительно изысканной изящности: Буало училъ *мило* острить, *мило* смѣшить высшее общество, чтобъ въ остротахъ не было грязи, чтобъ комедія была острая болтовня, чтобъ она не оскорбляла тонкаго чувства изысканныхъ маркизовъ, которые иногда удостоивали писателей своимъ привѣтствіемъ. Мы знаемъ, въ какомъ затрудненіи былъ Буало, похваливщій языкъ Гомера, когда Расинъ

спросилъ у него, изящно ли слѣдующее выраженіе, взятое изъ Одиссеи: „увидя Телемака, собаки Эумея не лаяли, но только махали хвостами" — потому что большая часть словъ употребленныхъ Гомеромъ: „собака", „хвостъ", „лаять" низки и грязны, а низкія слова уничтожаютъ выразительность картины. Нужно было доказывать, что слова: „собака", „оселъ" и другія не имѣютъ въ себѣ ничего ни благороднаго, ни неблагороднаго, точно такъ же, какъ и слова: „лошадь", „овца", „олень"... Отъ этого-то у насъ Сумароковъ и Тредьяковскій такъ сильно спорили, кто изъ нихъ употребляетъ подлыя слова и кто не употребляетъ. Вслѣдствіе этого Шекспира называли грубымъ дикаремъ, а Сумароковъ, передѣлавшій „Гамлета", говорилъ „Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва-едва походитъ". И вдругъ, о ужасъ! Фонъ Визинъ выступилъ съ своими героями, которые совсѣмъ не знали изысканности и заговорили общеупотребительнымъ, увѣсистымъ нарѣчіемъ, — и передъ кѣмъ же они заговорили? Передъ дворомъ императрицы Екатерины, передъ вельможами, говорившими по-французски, читавшими Вольтера, Руссо, Дидро, передъ вельможами въ золотыхъ кафтанахъ, изъ которыхъ каждый

Не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ.

И эти вельможи осыпаютъ Фонъ-Визина похвалами, а Потемкинъ, выходя изъ перваго представленія „Недоросля", говоритъ автору: „Умри, Денисъ, лучше ничего не напишешь!"

Отчего этотъ языкъ, вовсе не утонченный и не пошлый по безцвѣтности, доходившій до того, что Скотининъ въ одномъ мѣстѣ сказалъ, что онъ съ своей сестрицей Простаковой „одного помету", отчего языкъ, котораго ужаснулся бы Буало, былъ такъ радушно встрѣченъ публикой? Еще недавно, когда Гоголь заговорилъ языкомъ народа, наша публика никакъ не могла свыкнуться съ его рѣчью простою, но цвѣтистою, — отчего же прежде могли хвалить Фонъ-Визина? Не оттого ли, что Гоголь пришелъ въ публику, еще не очнувшуюся отъ туманнаго романтизма, а Фонъ-Визинъ былъ среди людей, хотя усвоившихъ себѣ начала европейской образованности, но сильно отзывавшихся стариною, прежними вѣрованіями, Фамусовыми, въ болѣе грубой оболочкѣ. Прежняя наша жизнь общественная совсѣмъ не была утонченна: начала, усвоенныя умомъ, не

сливись еще съ жизнью: поэтому и языкъ Фонъ-Визина легче могъ быть оцѣненъ въ ту эпоху, нежели во время царства романтизма.

Дудышкинъ.

Подражательность и оригинальность Фонъ-Визина, какъ комика.

Всякая позднѣйшая литература въ первомъ періодѣ своей исторической жизни находится подъ вліяніемъ другой, болѣе развитой литературы, держится сначала прошлыми элементами, живетъ какъ бы чужою жизнію. Не удивительно, что литературныя явленія этой поры безцвѣтны, что, несмотря на свое историческое значеніе, они мало могутъ имѣть въ себѣ безусловнаго достоинства. Развитіе литературы совершается почти такъ же, какъ и развитіе отдѣльныхъ ея дѣятелей. Самостоятельность и оригинальность не приходятъ вдругъ; они плодъ долгаго времени, плодъ возраста зрѣлаго. Въ молодости писателю нуженъ руководитель. У кого же искать ему опоры? Разумѣется, у того, кто уже пріобрѣлъ себѣ авторитетъ въ общемъ убѣжденіи. То же бываетъ въ извѣстное время и съ цѣлою литературою. Такъ русская въ первую пору своего новаго періода подчинилась совершенно литерарурѣ французской, а потомъ, въ меньшей степени, нѣмецкой. Сначала мы еще долго будемъ встрѣчать ней отголоски ихъ, и только изрѣдка поразятъ взоръ наблюдателя отрадные проблески своего оригинальнаго. Попытки создать что-нибудь самобытное часто бываютъ не замѣчены современниками, часто теряются въ общей массѣ привычныхъ литературныхъ явленій; но тѣмъ не менѣе развитіе самобытности въ литературѣ совершается, потому что при самомъ рабскомъ подчиненіи постороннему авторитету проглядываютъ и индивидуальныя черты подражающаго. Если въ старыхъ писателяхъ нашихъ мы замѣтимъ, большею частію, подражательность, то рядомъ съ ними найдемъ и писателей оригинальныхъ. Къ числу послѣднихъ относится и Фонъ-Визинъ. Онъ, можно сказать, представляетъ собою то же развитіе, какое совершилось въ русской литературѣ. Какъ послѣдняя долго жила заимствованіями и подражаніями, такъ и Фонъ-Визинъ былъ чрезвычайно склоненъ къ тому же; какъ литература наша сохранила сатирическую настроенность,

а въ ней и свою оригинальность, такъ и авторъ „Недоросля" своею мѣткою сатирою увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи нашей словесности.

Приговоръ, произнесенный надъ первою комедіей Фонъ-Визина княземъ Вяземскимъ, слишкомъ строгъ, и, по нашему крайнему разумѣнію, не вполнѣ оправдывается историческими данными. Онъ говоритъ: „въ Коріонѣ, переводѣ комедіи или драмы Грессета. „Сидней", стихъ нѣсколько тверже и правильнѣе, но все нѣтъ слѣдовъ дарованія стихотворческаго. Самый выборъ несчастливъ или слишкомъ смѣлъ". Но не надобно забывать, что комедія эта была писана около того же времени, къ которому относятся и первые переводы Фонъ-Визина. Кромѣ того, Коріонъ не есть переводъ Сиднея, какъ говоритъ князь Вяземскій, а передѣлка послѣдней драмы, переложеніе ея на русскіе нравы. Это можно замѣтить съ перваго взгляда: многія дѣйствующія лица Сиднея у Фонъ-Визина исчезли, имена въ Коріонѣ измѣнены, роль крестьянина, конечно, нельзя назвать сколкомъ съ французской пьесы. Отдавая Коріону превосходство надъ неудачными совмѣстниками по стихотворству, князь Вяземскій прибавляетъ, что „Фонъ-Визинъ не отдавалъ драматическихъ стиховъ своихъ ни на сцену, ни въ печать".

Но вотъ какое замѣчательное извѣстіе находимъ въ предисловіи къ „Награжденному постоянству", комедіи Лукина: „Три въ прошломъ годѣ (1764) представленныя комедіи: Французъ, Руской, Коріонъ, и Награжденная добродѣтель вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оное совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло. Словомъ: ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружившейся, не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе отъ двора оказанное". Лукинъ не берется оправдывать Фонъ-Визина, потому что онъ „имѣетъ больше его способности и знанія". Отзывъ современника показываетъ, что для того времени и Коріонъ имѣлъ значеніе. Наши первые комики почти исключительно держались заимствованіями, передѣлкою иностранныхъ комедій на руские нравы. У Сумарокова можно, конечно, замѣтить нападки на пороки и предразсудки чисто руские, но эти нападки не выдвигаются на первый планъ, а остаются какимъ-то страннымъ эпизодомъ; съ другой стороны, они затрогиваютъ немногія стороны рус-

скаго общества и часто отзываются личностями, которыя прямо вылились изъ горячаго, задорнаго характера Сумарокова. Вообще же въ его комедіяхъ очень мало русскаго. Другой изъ нашихъ старыхъ комиковъ, Лукинъ, человѣкъ не безъ дарованія, шелъ сначала по слѣдамъ Сумарокова. Онъ прямо говоритъ, что „заимствовать необходимо надлежитъ: мы на то рождены“. „Нынѣ такой вѣкъ, что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ и, искусненько прикрывши, выдадутъ за свое сочиненіе“. Слова очень понятныя, особенно если примѣнить ихъ къ руской литературѣ того времени. Комикамъ нашимъ открывались двѣ дороги: имъ приходилось или просто переводить иностранныя комедіи, или подражать имъ. создать вдругъ свое оригинальное, создать какъ бы изъ ничего — невозможно. Въ самыхъ подражаніяхъ можно опять замѣтить нѣсколько степеней. Сумароковъ давалъ дѣйствующимъ лицамъ своихъ комедій иностранныя имена, которыя непріятно должны были поражать руское ухо: эта чуждая внѣшность соотвѣтствовала вполнѣ и образу дѣйствій, характеру лицъ, которыя расплывались въ общіе, неясные образы, потому что были сколками съ французскихъ комедій. Лукинъ силится уже отказаться отъ простыхъ заимствованій, освободиться отъ безусловнаго пристрастія къ французскимъ комедіямъ. „Я буду, говоритъ онъ, всѣ шуточныя театральныя сочиненія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію, Тюльерію и прочія, для многихъ изъ нихъ, незнакомыя реченія, да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только не свойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды“. Лукинъ дѣлаетъ шагъ впередъ, но эта первая попытка еще слаба. Изъ его собственныхъ словъ видно, что ему бросалась больше въ глаза внѣшность комедіи (одежды, реченія), не гармонировавшая съ рускою жизнью. И вотъ во всѣхъ почти комедіяхъ своихъ, кромѣ „Мота“, онъ самъ, проповѣдникъ необходимаго согласія комедіи съ общественною жизнью народа, онъ самъ является подражателемъ французовъ! Лукинъ не нашелъ, что содержаніе комедіи дается жизнью общества, и что переложеніе чужихъ комедій

на русскiе нравы есть ложь: по его мнѣнiю, „ступивши къ такому преложенiю, можно украсить цѣлое сочиненiе и другимъ пользу сдѣлать". „Корiонъ" Фонъ-Визина относится къ одной категорiи съ комедiями Лукина: въ немъ также русскаго одна только внѣшность, и то не вполнѣ. Но какъ комедiи Лукина составляютъ въ исторiи нашей литературы переходъ отъ простыхъ заимствованiй къ комедiямъ оригинальнымъ, такъ и „Корiонъ" Фонъ-Визина есть какъ бы переходъ отъ его переводовъ къ той оригинальной комедiи, имя которой слилось съ его именемъ.

Въ „Недорослѣ" авторъ не забылъ еще своей методы заимствованiй; но здѣсь они касаются частностей, а не общаго колорита пьесы. Припомните, напримѣръ, отзывъ Простаковой о географiи, онъ взятъ изъ Jeannot et Colin Вольтера. Тамъ маркизъ спрашиваетъ учителя, нельзя ли сыну его пройти географiю? „Къ чему будетъ ему оная служить? отвѣчалъ учитель. Когда господинъ маркизъ поѣдетъ куда, извозчики не будутъ ли знать дороги? Они конечно не заплутаются въ пути". Мы привели это мѣсто по переводу, напечатанному въ „Трудолюбивомъ Муравьѣ", еженедѣльникѣ 1771 г. Мы думаемъ, что наши старые сатирическiе журналы имѣютъ тѣсную, несомнѣнную связь съ старою комедiею: они составляютъ богатый, краснорѣчивый комментарiй къ комедiямъ, черпавшимъ содержанiе изъ русской дѣйствительности; что комикъ осмѣивалъ на сценѣ, что сатирикъ хлесталъ въ сатирѣ, то же самое выводили напоказъ безыменные сотрудники „Трутня", „Всякой Всячины", „Живописца" и т. п. Потому журналы сатирическiе могутъ объяснить тѣ живые намеки на современность, которые безъ этого ключа оставались бы мертвыми или лишенными прямого смысла. Приведу одинъ осязательный примѣръ. Въ извѣстной комедiи „О, время!" Мавра говоритъ Непустову. „Когда вы на ней (Христинѣ) женитесь и будете ее любить: то хотя она ни болванчикомъ, ни mon mari называть васъ не станетъ, однако конечно стараться будетъ вамъ угождать". Намъ можетъ показаться страннымъ выраженiе болванчикъ: Какимъ образомъ можно поставить женѣ въ вину, что она не называетъ мужа болванчикомъ? „Живописецъ", сатирическое изданiе Новикова, рѣшаетъ наше недоумѣнiе. Напечатанный въ немъ Словарь моднаго щегольского нарѣчiя говоритъ, что „щеголихи откинули положительный степень болвана и пре-

восходительный болванища, а вмѣсто тѣхъ въ свое нарѣчіе приняли въ уменьшительномъ степени болванчика", и чтобы болѣе ввесть сіе слово въ употребленіе, то разсудили симъ наименованіемъ почтить любовника и любовницу". Почти каждую русскую черту комедій Фонъ-Визина можно провѣрить старыми журналами: хотите ли вы узнать состояніе крестьянъ Простаковыхъ, Скотининыхъ — прочтите „Отрывокъ изъ путешествія" въ Живописцѣ; хотите ли познакомиться съ образомъ воспитанія Митрофанушки того времени, обратитесь въ тотъ же „Живописецъ" къ письмамъ, въ которыхъ говорится объ этомъ; хотите ли вы узнать что-нибудь о тѣхъ верхоглядахъ, которые побывали за границею и думаютъ, что они-то пріобрѣли всю человѣческую мудрость, — обратитесь къ сатирическимъ Вѣдомостямъ „Трутня"; хотите ли наконецъ познакомиться съ лицомъ Совѣтника (въ Бригадирѣ), прочтите въ „Живописцѣ" разсказъ о старомъ лицемѣрѣ. Но мы оставимъ пока эту интересную, нетронутую сторону нашихъ старыхъ журналовъ.

Не одно содержаніе нашихъ старыхъ журналовъ можетъ многое объяснить въ русской комедіи, самая форма, въ которую облеклось оно, не осталась безъ вліянія на комедію. Форма статей здѣсь, большею частію, эпистолярная: лицо, выводимое какъ представитель какого-нибудь порока, обыкновенно въ мнимомъ письмѣ къ издателю само себя рисуетъ, разоблачаетъ себя до послѣдней подробности, какъ бы не разумѣя, что есть въ немъ пошлаго и ненормальнаго. За этимъ откровеннымъ объясненіемъ слѣдуетъ обыкновенно наставленіе отъ имени издателя, наставленіе дидактическое. Можетъ быть, манера эта не слишкомъ замысловата: но она больше завлекаетъ, чѣмъ сухая мораль безъ всякихъ прикрасъ. Такого рода статьи всего ближе сравнить съ баснею: письмо какой-нибудь щеголихи замѣнитъ разсказъ, а отвѣтъ издателя будетъ нравоученіемъ. Но въ журнальныхъ статьяхъ нравоученіе откалывается отъ разсказа, а не выходитъ изъ него какъ бы непосредственно. Разумѣется, живую сторону ихъ составляетъ колкое сатирическое письмо, а не утомительная мораль. То же можно сказать и о комедіямъ Фонъ-Визина. Среди бойкихъ картинъ времени встрѣтишь и Стародумовъ, этихъ замаскированныхъ издателей журналовъ, читающихъ свою мораль. Живой смыслъ и значеніе остаются, конечно, за сатирическими

очерками времени, какъ и въ журналахъ; въ резонерствѣ Стародума замѣтна та же тактика, которая проявляется въ журнальныхъ нравоученіяхъ. И какъ послѣднія откалываются отъ цѣлаго и являются вялыми послѣ трепещущей жизнію сатиры, такъ и разговоры Стародума (особенно съ Софьею) выдѣляются изъ всей занимательной картины какими-то угловатыми эпизодами: зрители скользятъ по нимъ и утомляются.

Разумѣется, та часть комедіи, въ которой Фонъ-Визинъ выводитъ не порокъ, а резонирующихъ Стародумовъ, — эта часть мало могла найти себѣ матеріала въ дѣйствительной жизни и не совсѣмъ прочно вязалась съ остальными частями. И вотъ мы видимъ весьма замѣчательное явленіе: эта пришлая, безцвѣтная сторона резонерства часто цѣликомъ перенесена изъ сентенцій иностранныхъ писателей. Напримѣръ, не совсѣмъ умѣстный на сценѣ разговоръ Милона и Стародума о различіи между храбростью и неустрашимостью — взятъ изъ Ларошфуко.

Повторимъ, что заимствованія въ „Недорослѣ" не касаются общаго колорита и, по нашему мнѣнію, объясняются вполнѣ направленіемъ времени, когда въ модѣ были моральныя сочиненія. Доказывать, что „Недоросль" произведеніе оригинальное, живое выраженіе эпохи, было бы смѣшно и излишне. Но любопытенъ отзывъ о немъ одного современника, находящійся въ „Драматическомъ Словарѣ". Приведемъ его: „Недоросль, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе г. Фонъ-Визина, представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, сентября 24 дня 1772 года, ващотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго: въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ и публика аплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшій придворный актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей; а на Московскомъ театрѣ роль ея представлена вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія Комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики".

Тихонравовъ.

Письма Фонъ-Визина изъ-за границы къ графу П. И. Панину.

Путешествіе для ума любопытнаго и наблюдательнаго есть родъ практическаго ученія, изъ коего возвращается онъ съ новыми свѣдѣніями, съ новыми испытаніями и, такъ сказать, переработанный дѣйствіемъ разнообразныхъ впечатлѣній.

Но для сего нужно имѣть умъ космополитный, который легко уживался бы на почвахъ, ему чуждыхъ, въ стихіяхъ, ему разнородныхъ. Умы, такъ-сказать, слишкомъ заматерѣлые, отъ оригинальности своей или самобытности односторонніе, перенесенные въ климатъ, имъ чуждый, не заимствуютъ ничего изъ новыхъ источниковъ, раскрывающихся предъ ними, не обогащаются новыми пособіями не развиваются, а, напротивъ, теряютъ свѣжесть и силу свою, какъ растеніе пересажденное, которому непремѣнно нужна земля родины, чтобы цвѣсти и приносить плоды. Умъ Фонъ-Визина, кажется, принадлежалъ къ сему разряду: коренной русскій, онъ на чужбинѣ былъ какъ-то не у мѣста и связанъ. Отъ сего ли свойства, отъ того ли, что, осмѣявъ въ *Бригадирѣ* повѣсу, который, побывавъ въ Парижѣ, бредитъ имъ на яву, побоялся онъ самъ поддаться обольщенію и вслѣдствіе того впалъ въ другую крайность, не менье предосудительную, хотѣлъ ли онъ выказать насильственнымъ расчетомъ ложнаго самолюбія, что если многіе изъ соотечественниковъ его платили покорную дань удивленія и зависти блеску европейскаго просвѣщенія и общежитія, то онъ готовилъ ему одно строгое изслѣдованіе и судъ: какъ бы то ни было, большая часть его заграничныхъ наблюденій запечатлѣна предубѣжденіями, духомъ исключительной нетерпимости и порицаній, которые прискорбны въ умномъ человѣкѣ. Дома бичъ предразсудковъ, ревнитель образованности и успѣховъ разума, Фонъ-Визинъ-путешественникъ смотритъ на все глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями, проповѣдуетъ выгоду невѣжества...

Нѣкоторыя изъ писемъ автора нашего, писанныхъ изъ Франціи къ графу П. И. Панину, давно уже извѣстны и пользуются у насъ большимъ уваженіемъ, которое мы никакъ раздѣлить не можемъ. Вѣроятно, они были писаны не для печати:

этимъ оправдываются встрѣчающіяся въ нихъ небрежности въ слогѣ и въ языкѣ; но тѣмъ строже судимъ мы мнѣнія писателя, который, въ частной и пріятельской перепискѣ, могъ свободно высказывать впечатлѣнія и мнѣнія свои въ ихъ естественной наготѣ. Должно признаться, что нѣкоторыя изъ наблюденій путешественника и справедливы, а именно тѣ, кои относятся до политическаго положенія Франціи. Здѣсь жестокія обвиненія наблюдателя оправданы были послѣдовавшею революціею. Но зато въ наблюденіяхъ его о характерѣ французовъ, объ образѣ жизни ихъ, и въ характеристикѣ знаменитыхъ писателей какая неумѣренность, какая оскорбительная рѣзкость въ сужденіяхъ, сколько желчи и даже изступленія! Впрочемъ, не однимъ французамъ достается: нѣмцы, и послѣ того итальянцы, не лучше отдѣланы. Въ Лейпцигѣ находитъ онъ однихъ педантовъ, и, въ порывѣ какой-то досадной насмѣшливости, приписываетъ имъ, что они почитаютъ главнымъ человѣческимъ достоинствомъ, что умѣютъ говорить по-латыни, чему однакожъ во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтние ребята. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „У насъ все лучше, и мы больше люди, чѣмъ нѣмцы". Если бы всѣ путешественники наши отзывались о чужихъ краяхъ, и въ особенности о Франціи, какъ отозвался о нихъ Фонъ-Визинъ, то намъ неприлично было бы пенять иностранцамъ за сатирическія и часто ненавистныя краски, коими распестрили они свои мнимыя описанія Россіи. По словамъ нашего путешественника, „во Франціи ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуютъ нимало снисходить до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ о малѣйшей корысти. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ. Дружба, родство, честь, благодарность — все это считается химерою. Смѣло скажу, что французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть кого хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Какъ скоро французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать". Странно, кажется, рѣшиться и объ одномъ человѣкѣ произнести такой приговоръ, когда сей человѣкъ не обличенъ еще судомъ и развратъ его не доказанъ; но какъ позволить себѣ примѣнять такія общія нареканія къ цѣлому обществу, къ цѣлому народу? Не есть ли это родъ кощунства надъ человѣ-

чествомъ и клеветы на самое Провидѣніе? Можно сострадать Жанъ-Жаку, когда онъ злословитъ общество и человѣка: въ краснорѣчивыхъ доносахъ его мы слышимъ вопль больного сердца, чувствительности раздраженной, дикій ропотъ встревоженнаго воображенія; но злословіе Фонъ-Визина холодно, сухо: оно отзывается нравоученіемъ напыщеннаго декламатора, никого не убѣждаетъ и заставляетъ только жалѣть, что и свѣтлый умъ имѣетъ свои затменія. Назвавъ Парижъ истинною заразою, послѣ отказываетъ онъ ему и въ средствахъ обольщенія, ибо говоритъ въ письмѣ къ сестрѣ: „Кто тебя станетъ увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселій, не вѣрь: все это глупая аффектація; все врутъ безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ какъ въ Угличѣ". Какая ложная мысль! Можно сказать, что кто имѣетъ въ себѣ ресурсы, тотъ и въ Угличѣ можетъ устроить себѣ пріятное существованіе; но и съ ресурсами и безъ ресурсовъ, нѣтъ сомнѣнія, каждому легче найти по себѣ родъ жизни въ столицѣ, нежели въ уѣздной глуши. Мелочныя наблюденія его также отзываются руссицизмами, которые должно бы путешественнику оставлять въ пограничной таможнѣ. Напримѣръ: онъ оскорбляется невѣжливостью французскихъ лакеевъ, которые въ переднихъ не встаютъ съ мѣста и не снимаютъ шляпъ предъ господами, проходящими мимо *этихъ скотовъ*, и тутъ же прибавляетъ (чтобы никому завидно не было): „Правда, что и господа изрядные есть скотики"; удивляется, что офицеръ шатается по улицамъ безъ слуги. Понимаемъ брезгливость его, когда онъ находитъ, что Парижъ немножко почище *свиного хлѣва*, ибо нечистота Парижа, особенно тогдашняго, не подлежитъ спору; когда онъ говоритъ, что людямъ, не вовсе *оскотившимся*, переносить нечистоту его весьма трудно. Но мудрено повѣрить, что во всей Франціи столовое бѣлье такъ мерзко, что праздничное у знатныхъ людей хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается; что оно такъ скверно вымыто, что гадко ротъ утереть. Далѣе жалуется онъ, что дыры на салфеткахъ зашиты *голубыми нитками*. Однимъ словомъ, анекдотъ путешественника, который, проѣзжая чрезъ одинъ нѣмецкій городъ, видѣлъ, какъ въ гостиницѣ рыжая женщина била мальчика, и записалъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: „Здѣсь всѣ женщины рыжи и злы" — можетъ совершенно быть примѣненъ къ боль-

шей части наблюденій Фонъ-Визина. Нѣтъ сомнѣнія, что нравы во Франціи и вообще во всей Европѣ далеки были отъ непорочности въ эпохѣ, ему современной. Романы Кребильона, Лакло, Луве, оскорбительныя поученія насмѣшливой философіи Вольтера, легкія начертанія общества, означенныя Дюкло, Шамфоромъ, частныя записки, свѣтскія хроники, исповѣди и переписки, въ коихъ сохранилась для насъ нравственность сей эпохи, изобличаютъ намъ легкомысліе умовъ ея, послабленіе правилъ и какую то безпечность, ослабленіе въ жизни, которыя ее характеризуютъ. Но, негодуя на суетность и на малодушіе поколѣнія и не храня въ негодованіи своемъ ни снисхожденія, ни мѣры, какъ подводить ему было подъ одно нареканіе, или, лучше сказать, подъ одно проклятіе тѣхъ, кои служили оплотомъ противъ общаго паденія, сражались съ предразсудками и пороками? какъ ему не отдѣлить тѣхъ, которые, несмотря на всѣ слабости, на всѣ постыдныя попущенія сей эпохи, соединеніемъ необыкновенныхъ дарованій, мужественнымъ развитіемъ умственныхъ силъ придали ей блескъ, важность и вліяніе, едва ли встрѣчаемыя въ другихъ эпохахъ исторіи человѣчества? Какъ ему, автору, не сочувствовать мужамъ знаменитымъ, которые въ лицѣ своемъ умѣли возвысить авторское званіе до степени уваженія, могущества и господства? Не говорю, что онъ долженъ былъ суевѣрно идолопоклонствовать предъ ними, какъ предъ кумирами, и въ рабολѣпномъ обожаніи исповѣдывать и самыя заблужденія ихъ: независимость мнѣній, право судить суть неотъемлемыя принадлежности мыслящаго существа; но зачѣмъ же впадать въ другую крайность? Какъ о людяхъ, по крайней мѣрѣ возвышенныхъ, судить съ надменностью, съ небреженіемъ, приличными спеси или ожесточенію одного невѣжества? зачѣмъ быть клеветникомъ или отголоскомъ клеветы (въ этомъ случаѣ все равно), упоминая о людяхъ, которые составляютъ лучшее и нетлѣнное отдѣленіе общества и остаются на вершинахъ столѣтій, когда падаютъ и исчезаютъ цѣлыя поколѣнія? Посмотрите, какими гнусными красками изображаетъ Фонъ-Визинъ первостепенныхъ писателей французскихъ: „Конечно, ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти или тщеславія“. Д'Аламберта, Дидерота, Мармонтеля описываетъ онъ шарлатанами, обманывающими народъ за деньги, побродягами, таскающимися по переднимъ

вельможъ для испрашиванія милостыни. Можно было судить о сихъ писателяхъ съ безпристрастіемъ и строгостью: таковому суду подлежали они во многихъ отношеніяхъ. Много грѣховъ было на ихъ совѣсти и умѣ. Но одно есть судъ праведный, хотя и неумолимый, и другое — злоба и ожесточеніе. Одному покоряешься, потому что оно дѣйствие ослѣпленной страсти... Напрасно многіе обвиняютъ такъ называемыхъ философовъ XVIII столѣтія въ противорѣчіи между твореніями и поступками ихъ, изъ коихъ первыя отзываются неограниченною независимостью, а другіе частымъ искательствомъ покровительства. Не должно забывать, что сіи писатели составляли какъ бы секту, сильную обольщеніемъ своимъ надъ умами, но слабую предъ могуществомъ и дѣятельностью враговъ своихъ: что Сорбона, парламентъ, приговорами и кострами, казнили творенія ихъ; что Бастилія и изгнаніе угрожали часто ихъ личной свободѣ. Имъ нужны были покровительство и опора. Что называлось въ нихъ ласкательствомъ, было не что иное, какъ необходимость, вынужденная ихъ частною политикою, которая предписывала имъ искать могущихъ союзниковъ. Ратоборцы, они въ воинственной литературѣ своей должны были, на случай неудачъ, имѣть за себя заступныя державы. Одна польская патріотка, говоря мнѣ о соотечественникахъ своихъ, которые, въ бурныя времена республики, бывали на жалованьи у разныхъ дворовъ, защищала ихъ тѣмъ, что не корыстолюбіе было причиною сего закабаленія, потому что нерѣдко богатѣйшіе паны получали весьма умѣренныя пенсіи, но необходимость принадлежать къ одной или другой партіи заставляла брать сіи пенсіи, какъ въ древности давали за себя аманатовъ въ залогъ вѣрности. Писатели, о коихъ мы говоримъ, были въ равномъ положеніи. Тогда мыслящая Франція и республика литературы раздѣлены были на двѣ партіи: такъ называемые философы-энциклопедисты были главами одной, другая была безыменная, и дарованія ея предводителей не могли дать ей ни побѣды, ни самобытной извѣстности. Изъ многочисленной фаланги ея отпрянули одни имена, заклейменныя язвительными насмѣшками Вольтера. Между сими двумя партіями свирѣпствовала, безъ сомнѣнія, вражда непримиримая. Тутъ дѣло шло не только о вкусѣ, о стихахъ или прозѣ, о классицизмѣ или романтизмѣ, какъ нынѣ, но, можно сказать, о всемъ умственномъ и духовномъ бытіи человѣчества, и потому нельзя

не признать отмѣнной односторонности и недальновидности въ наблюденіяхъ Фонъ-Визина, когда онъ говоритъ, что братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля, и во всемъ томъ, что говоритъ онъ о несогласіи, господствовавшемъ между писателями, которыхъ сравниваетъ онъ съ какими-нибудь звѣрями, и послѣ того довершаетъ характеристику французовъ чертою, которая могла бы показаться почерпнутою изъ путешествія по землѣ кафровъ или самоѣдовъ: *и относительно мало въ нихъ человѣческаго!* Кажется, никогда предубѣжденіе, ожесточеніе и фанатизмъ ненависти не доходили до подобнаго изступленія. Послѣ того Фрероны, Нонотты должны казаться хладнокровными, и развѣ одинъ графъ Мейстеръ могъ перещеголять Фонъ-Визина, и то когда онъ воздвигалъ памятникъ Вольтеру рукою палача. Во время пребыванія путешественника въ Парижѣ пріѣзжалъ Вольтеръ. Восторги, поклоненіе, апоѳеозъ заживо, которыми привѣтствовали его сограждане, сіе торжество, напоминающее народныя празднества древней Греціи, не возбудили никакого сочувствія въ душѣ писателя. Крики упоенной публики въ театрѣ „Vive Voltaire!“ признаны имъ *неблагопристойными*. Вмѣсто того, чтобы мысленно участвовать въ торжествѣ, приносящемъ въ лицѣ Вольтера честь всѣмъ литературнымъ заслугамъ, онъ, какъ будто чуждый симъ заслугамъ и сей славѣ, дивится, что народъ можетъ гордиться своимъ писателемъ и приносить ему дань удивленія и любви. Любопытно сравнить отзывы нашего путешественника о Франціи съ отзывами другихъ отличныхъ чужестранцевъ, посѣщавшихъ сію землю около той же эпохи. Парижъ былъ въ то время родъ вселенскаго собора умовъ и знаменитостей, куда изъ разныхъ концовъ Европы стекались для совѣщанія о важныхъ вопросахъ наукъ, искусствъ и философіи; родъ избраннаго салона, куда отборные члены человѣческаго общества спѣшили послѣ трудовъ, совершонныхъ ими въ пользу отечества и ближнихъ, вкушать удовольствія просвѣщеннаго досуга, возвышенныя награды самолюбія и сіи нравственныя наслажденія, которыя можно назвать плодами одной зрѣлой образованности, одного зрѣлаго общежитія. Имена Болинброка, Юма, Гиббона, Адама Смита, Франклина, Стерна, Беккаріи, Гальяни, герцога Браганцскаго, принцевъ крови, коронованныхъ главъ и многихъ другихъ встрѣчаются въ протоколахъ парижскаго общества. Мнѣніе

Гиббона о французахъ, мнѣніе, которое нельзя приписывать ни пристрастію, ни легкомыслію, достойно быть здѣсь упомянуто. Я тѣмъ болѣе дорожу имъ, что оно служитъ мнѣ опорою въ обвиненіяхъ моихъ на Фонъ-Визина: Vous direz tout ce qu'il vous plaira de la frivolité des Français, mais je vous assure qu'en quinze jours, passés a Paris, j'ai assisté à plus de conversations bonnes à retenir, et vu plus d'hommes de lettres parmi les gens comme il faut, qu'il ne m'est arrivé à Londres dans deux ou trois hivers (Lettre de Mr. Gibbon à M-me Gibbon, sa belle mère. Paris, le 12 Février, 1763).

Въ опровержение злословія Фонъ-Визина о корифеяхъ французской литературы, приведемъ еще другое свидѣтельство, а именно княгини Дашковой. Она пріѣзжала въ Парижъ на нѣсколько дней и видѣлась почти съ однимъ Дидеротомъ. Госпожи Неккерь и Жофренъ, правительницы тогдашняго парижскаго общества, старались учтивостями сблизиться съ нею. Однажды, во время бесѣды ея съ Дидеротомъ, приходятъ ей доложить о пріѣздѣ сихъ дамъ. Съ живостью вскочивъ съ мѣста своего, Дидеротъ приказываетъ за княгиню сказать, что ея нѣтъ дома. Удивленная такимъ поступкомъ, она спрашиваетъ объясненія. „Вамъ всего остается прожить здѣсь дней девять или десять, отвѣчалъ онъ: онѣ увидятъ васъ раза два или три, не поймутъ васъ, а я не терплю, чтобы пренебрегали моими кумирами. Госпожа Жофренъ добрая женщина, но она одна изъ парижскихъ трубачей, и я не хочу, чтобы она васъ видѣла наскоро и вскользь". Такъ же поступилъ онъ и при посѣщеніи Рюльера, который тогда уже написалъ свои записки о Россіи и разносилъ ихъ рукописно по парижскимъ салонамъ. „Принимая его къ себѣ, вы придадите печать одобренія, достовѣрности и вѣсъ книгѣ его", говорилъ онъ ей, и княгиня Дашкова съ благодарностью покорялась его совѣтамъ. Сіи обстоятельства подтверждаются и самимъ Дидеротомъ въ краткой статьѣ его о княгинѣ Дашковой, которую называлъ онъ русскою „intus et in cute". „Я очень любила въ Дидеротѣ, — говоритъ она въ своихъ запискахъ, — даже и запальчивость его, которая была въ немъ плодомъ смѣлаго воззрѣнія и чувства; откровенность его, искренняя любовь, которою любилъ онъ друзей своихъ, геній его, проницательный и глубокомысленный, участіе и уваженіе, всегда имъ мнѣ оказанныя, привязали меня къ нему на всю жизнь. Я оплакала смерть его и

не престану оплакивать ее до послѣдняго дыханія жизни. Худо умѣли цѣнить эту необыкновенную голову: добродѣтель и правота руководствовали всѣми его поступками и общее благо было исканіемъ и страстью его постоянными. Если опрометчивостью своею впадалъ онъ иногда въ заблужденіе, то и тогда бывалъ искреновъ и самъ себя обманывалъ". – Мнѣ пріятно было рѣзкимъ приговорамъ Фонъ-Визина противопоставить благонамѣренный отзывъ нашей же соотечественницы; это будетъ отъ лица русскихъ примирительное, очистительное жертвоприношеніе памяти мужей, которые имѣли свои заблужденія и погрѣшности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвѣщенію и, слѣдовательно, человѣчеству. Можно указать еще и на „Письма русскаго путешественника", Карамзина. Писанныя безъ педантства, безъ догматической важности, они содержатъ болѣе истинъ и тонкихъ наблюденій о Франціи и французахъ, нежели письма Фонъ-Визина, которыя писаны будто съ каѳедры, во услышаніе и трепетъ грѣшниковъ. Въ одномъ только Карамзинъ сходится съ нимъ, — во мнѣніи о физической нечистотѣ Парижа.

Принявъ уже на себя званіе обвинителя Фонъ-Визина заграничнаго вмѣстѣ съ званіемъ защитника обиженныхъ имъ, не умолчу и другого обвиненія. Въ письмахъ его многія изъ наблюденій о правахъ французовъ, и въ особенности тѣ, которыя отзываются истиною и глубокомысліемъ, не его. Таить нечего: въ письмахъ своихъ онъ нѣсколько кривилъ совѣстью предъ графомъ Панинымъ, выдавая ему за свои заключенія выписки изъ книги Дюкло: „Considérations sur les moeurs de ce siècle"; кривилъ совѣстью вмѣстѣ съ тѣмъ и предъ Дюкло, заимствуя изъ него обличительныя указанія на современниковъ и утаивая то, что говорилъ онъ въ пользу ихъ Подтвердимъ наше обвиненіе нѣсколькими доказательствами.

Фонъ-Визинъ. „Примѣтилъ я вообще, что французъ всегда молодъ, а изъ молодости переливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно, въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ".

Дюкло. „Le grand défaut du Français est d'avoir toujours le caractère jeune: par là il est souvent aimable et rarement sûr; il n'a presque point d'âge mûr et passe de la jeunesse a la caducité".

Фонъ-Визинъ. „Равенство есть благо, когда оно, какъ въ

Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходить отъ развращенія нравовъ".

Дюкло. „Les moeurs font à Paris ce que l'esprit du gouvernement fait à Londres. Tous les ordres vivent à Londres dans la familiarité, parce que tous les citoyens ont besoin les uns des autres: l'intérêt commun les rapproche. Les plaisirs produisent le même effet à Paris; tous ceux qui se plaisent, se connaissent, avec cette différence que l'égalité, qui est un bien quand elle part d'un principe du gouvernement, est un très-grand mal, quand elle ne vient que des moeurs, parce que cela n'arrive jamais que par leur corruption".

Фонъ-Визинъ. „Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ (къ чему тутъ выведенъ столяръ? какъ будто, говоря объ отрасли воспитанія, можно упоминать о простомъ ремеслѣ, которому вѣрно никто не предается по склонности, а по нуждѣ и по обстоятельствамъ); но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, о томъ и на мысль не приходитъ".

Дюкло. „On trouve parmi nous beaucoup d'instruction et peu d'éducation. On y forme des savans, des artistes de toute espèce, mais on ne s'est pas encore avisé de former des hommes".

Фонъ-Визинъ. „Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно".

Дюкло. „La plupart des hommes qui pensent, sont si persuadés qu'il n'y en a pas de bonne (d'éducation), que ceux qui s'intéressent à leurs enfants, songent d'abord à se faire un plan pour les élever. Il est vrai qu'ils se trompent souvent dans les moyens de réformation qu'ils imaginent, et que leurs soins se bornent d'ordinaire à abréger ou applanir quelques routes des sciences, mais leur conduite prouve du moins qu'ils sentent confusément les défauts de l'éducation commune sans discerner précisément en quoi ils consistent".

Должно признаться, что нашъ писатель въ этомъ отношеніи былъ на руку нечистъ. Пользоваться чужимъ добромъ можно; но присвоивать его себѣ украдкою непозволительно. Хорошо

поэту, романисту, комику говорить, какъ Мольеръ „отбираю свое добро вездѣ, гдѣ его отыскиваю (je prends mon bien partout où je le trouve“); но въ частной перепискѣ перечеканивать чужую монету подъ свой штемпель и прикрывать свое похищеніе тайною молчанія есть совершенно другое дѣло. Это все равно, что выдать чужое сочиненіе подъ своимъ именемъ.

Вяземскій.

Литературная характеристика Фонъ-Визина.

„Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонъ-Визинъ, другъ свободы“.

А. Пушкинъ.

Пушкинъ владѣлъ особеннымъ искусствомъ изображать въ короткихъ, но точныхъ словахъ литературный характеръ писателя. Такъ и здѣсь, въ приведенномъ эпиграфѣ, обозначены тремя поэтическими строками и орудіе, которымъ дѣйствовалъ Фонъ-Визинъ, и мысль, которой онъ служилъ. Все сказано ясно: и цѣль стремленій, и путь къ цѣли. Критикѣ остается только развитіе вѣрнаго сужденія, брошеннаго какъ бы мимоходомъ. Она можетъ обставить его примѣрами, оправдать силлогизмами; но въ сущности скажетъ то же, потому что невозможно сказать что-нибудь противное. Рѣдкое, удивительное соединеніе поэтическаго генія съ вѣрностью критическаго взгляда! Даръ творчества и сила сознанія находятся, большею частью, въ обратномъ отношеніи. Иной творецъ хорошъ до тѣхъ только поръ, пока не выйдетъ изъ своей сферы; но если, сохрани Боже, пустится онъ разсуждать, то изъ всѣхъ его сужденій выйдетъ то же, что, по мнѣнію Гоголя, вышло изъ всѣхъ русскихъ повѣстей — размазня. Примѣръ подобной размазни читали мы очень недавно. Въ отчетѣ нашемъ о Фонъ-Визинѣ мы разсмотримъ три предмета: *орудіе*, которымъ онъ дѣйствовалъ, — *мысль*, которую онъ постоянно имѣлъ въ виду или, другими словами, цѣль его литературной дѣятельности, — наконецъ *эстетическое достоинство* его сочиненій.

Орудіе, которымъ дѣйствуетъ тотъ или другой писатель, большею частью, зависитъ не отъ самого писателя: оно дается природою. А такъ какъ всего труднѣе итти противъ собственной природы, то, вольно и невольно, мы употребляемъ въ дѣло

средства, данныя намъ отъ рожденія. Образованіе можетъ изострить или притупить орудіе, удержать его въ извѣстныхъ предѣлахъ или употребить во зло; но сущность врожденнаго остается неизмѣнною: оно не перейдетъ въ другую сущность. Отъ естественнаго отказаться нельзя, точно такъ же какъ естественное не отказывается отъ насъ. Куда ни бѣги отъ природы, она бѣжитъ вмѣстѣ съ тобой, и каковъ ты былъ въ колыбели, таковымъ — въ основныхъ чертахъ своей природы — ляжешь въ могилу. Дѣло мудраго воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть естественный удѣлъ каждаго человѣка, привести въ оцѣнку родовое имѣніе, укрѣпленное за нимъ природой, и потомъ, сообразивъ сумму и качество врожденныхъ наклонностей, дѣйствовать въ сферѣ удѣльнаго владѣнія души, покоряя его общимъ положеніямъ настолько, чтобы отъ покорности не страдали силы особеннаго человѣка, а отъ непокорности не терпѣли бы общія положенія. Смѣшно дитяти жить какъ взрослому, отъ флегматика требовать сангвиническихъ замашекъ, серьезнаго заставлять смѣяться, веселому приказывать плакать. Каждому свое, но такъ, чтобъ всѣмъ было добро и никому не было зла. Въ этомъ законная жизнь.

Врожденный и законный способъ Фонъ-Визина заключался въ удивительномъ дарѣ остроумія. Его литературное орудіе — сатира, смѣлая и забавная, обличительная и шутливая. Его бичъ — насмѣшка, или колкая, или просто смѣющаяся, больше первая, чѣмъ послѣдняя. Она всегда почти обличала тѣхъ, противъ кого была направлена, и рѣдко заставляла ихъ улыбаться. Фонъ-Визинъ то, ѣдкой силой напитывая строки, разилъ нравственную низость, то, силой забавнаго словца, смирялъ притязанія глупости. Пушкинъ справедливо назвалъ его сатиру смѣлой; она смѣла въ высокомъ значеніи этого слова. И нигдѣ не измѣняетъ онъ влеченію своей природы. Наклонностью къ сатирѣ объясняются всѣ его литературные пріемы, его достоинства и погрѣшности. Онъ терпѣлъ за свое остроуміе, и терпѣніе не отучило его отъ желанія дѣйствовать остроуміемъ. Какъ у Державина негодованіе, насмѣшка облекаются въ лирическій покрой, проникаются возвышеннымъ тономъ, такъ у Фонъ-Визина къ возвышеннымъ чувствамъ прилаживается покрой сатирическій, примѣшивается остроуміе, желаніе ухватиться за предметъ насмѣшки. У перваго сатиры выходятъ одами, составляя какой-то особенный, оригинальный

родъ — оды-сатиры; у послѣдняго оды переходили бы частью въ сатиры, если бъ онъ писалъ оды, и мы имѣли бы другой, собственный поэтическій родъ — сатиры-оды. Во всѣхъ возрастахъ и положеніяхъ своей жизни, при всемъ различіи предметовъ сочиненій — Фонъ-Визинъ сатирикъ. Молодой двадцатилѣтній юноша, пишетъ онъ письма къ родителямъ, которые безъ сомнѣнія улыбнулись не разъ при остроумныхъ, подчасъ колкихъ замѣткахъ своего сына.

„Иванъ Перфильевичъ (Елагинъ) ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости; по крайней мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія, которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего и самая природа, и всѣ на свѣтѣ законы сдѣлали ниже меня, и который, несмотря на то, хотѣлъ не только имѣть надо мною преимущество, но еще и править мною такъ, какъ обыкновенно правятъ честными людьми многія твари одинаковой съ нимъ породы. Всю матерію заключаю тѣмъ, что я не отстану отъ Ивана Перфильевича, доколѣ Богъ велитъ или чортъ Л—у не поможетъ опять имъ овладѣть и вывести меня изъ настоящаго моего состоянія; однако и тогда, когда я принужденъ буду, избави Боже, оставить мѣсто, то не перестану любить и почитать Ивана Перфильевича“.

Въ другомъ письмѣ жалуется онъ на безпечность и невниманіе того же Ивана Перфильевича: „Къ пользѣ человѣческаго рода, каждую недѣлю даютъ здѣсь по трагической или комической штукѣ. Льются слезы о несчастіи театральнаго героя, а бѣдный Чур., который несчастливъ не на шутку, забытъ, да и помнить о немъ не велятъ. Вотъ какъ на свѣтѣ дѣла идутъ!“

Отношенія подчиненнаго къ начальнику не мѣшали обнаруживаться сатирическимъ выходкамъ. Прося Елагина объ отсрочкѣ, онъ между многими причинами выставляетъ слѣдующую: „Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ *секретарь*, а я развѣ для риѳмы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть, но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобы служить риѳмою другой?“

Разбитый параличемъ, безъ руки, безъ ноги, и почти безъ языка, онъ сохранилъ, однакоже, языкъ остроумія и сатиры.

Прочтите отрывокъ изъ „Журнала путешествія въ Вѣну", хоть напр. это мѣсто:

„Къ обѣду пріѣхали въ Калугу, гдѣ едва могли найти пристанище. Хозяйки мои назывались Татьяна Петровна и Маѳа Петровна В. Меньшая великая богомолка, и во все время нашей трапезы молилась за меня громогласно, вопія: „Спаси его, Господи, отъ скорби, печали и западной смерти?" Скорбь и печаль я весьма разумѣлъ: ибо въ Москвѣ и то и другое терпѣлъ до крайности; но западной смерти не понималъ. По нѣкоторымъ объясненіямъ нашелъ я, что Маѳа Петровна въ словѣ ошиблась, и вмѣсто отъ внезапной врала — отъ западной смерти. Отобѣдавъ, выѣхали мы тотчасъ отъ сихъ калужскихъ дуръ".

Въ „Письмахъ изъ путешествія къ сестрѣ" пишетъ онъ о городѣ Словимѣ:

„Я побѣгалъ по городу и нашелъ его лучше тѣхъ, кои проѣзжалъ, но со всѣмъ тѣмъ весьма сквернымъ".

Есть такіе предметы, къ которымъ надобно подходить непремѣнно съ сатирой, потому что иначе нельзя къ нимъ и подойти. Но если предметъ таковъ, что у него не одна черная сторона, но есть — и свѣтлая — тогда наклонность къ изображенію той или другой зависитъ уже отъ преобладающей способности автора. Лирикъ вдохновляется достоинствами общества, улучшеніемъ людей, признаками нравственнаго совершенствованія; сатирикъ, въ томъ же обществѣ, въ тѣхъ же людяхъ казнитъ противорѣчія достоинствамъ, помѣхи улучшеніямъ, уклоненія отъ совершенства. У обоихъ цѣль одна, — только пути къ цѣли различны: одинъ дѣйствуетъ отрицательнымъ образомъ, другой положительнымъ. Одинъ изображаетъ людей, какими не должны быть люди, другой представляетъ людей, какъ они должны быть. Но тамъ и здѣсь читатель приводится къ одной мѣтѣ; ибо видѣть идеалъ — значитъ понимать всякое отъ него уклоненіе, и наоборотъ, видѣть уклоненіе отъ идеала — значитъ понимать его. Возьмемъ одинъ примѣръ. Въ царствованіе Екатерины явились многіе знаменитые духовные ораторы. Безъ сомнѣнія, Фонъ-Визинъ, образованнѣйшій мужъ своего времени, цѣнилъ лучше другихъ достоинство ихъ твореній, но эти творенія прошли мимо его пера. Не они заставили его написать что-нибудь въ этомъ родѣ, а проповѣди сельскихъ священниковъ, которые не умѣли надлежащимъ

образомъ говорить съ крестьянскимъ людомъ. Фонъ-Визинъ вооружился противъ этого неуменья, и плодомъ его сатирическаго направленія было извѣстное „Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Васильемъ въ селѣ П." Да и какъ написано это поученіе? тоже въ сатирическомъ духѣ: Фонъ-Визинъ смѣется надъ крестьянами; онъ насмѣшкой смиряетъ ихъ чревоугодіе, ихъ страсть къ пьянству. Писатель другого рода написалъ бы слово другое; у него оно вышло бы кроткимъ, трогательнымъ, смиреннымъ поученіемъ. Можетъ быть, оно не такъ бы сильно подѣйствовало, потому что насмѣшка страшнѣе многихъ орудій, но дѣло въ томъ, что Фонъ-Визинъ заставилъ іерея Василья говорить такъ, а не иначе, не изъ видовъ сильнѣйшаго дѣйствія на слушателей, а вслѣдствіе своей собственной природы, увлекавшей его всегда къ сатирѣ. Другой примѣръ сатирической наклонности представляетъ письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ Россійскаго Словаря. Дѣло серьезное, сухое, могло бы, кажется, обойтись безъ помощи смѣха; но у Фонъ Визина и филологическія, очень дѣльныя указанія приняли остроумную форму, изложены въ сатирическомъ видѣ:

„Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а уменьшительныя ихъ еще меньше, и если Ивану нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе Ванькѣ такая претензія прилична".

И въ другомъ мѣстѣ: „Академія положила принять въ словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное и которое нѣтъ? Всякій за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ Осипъ, въ моемъ — Денисъ весьма употребительны, и мнѣ кажется, что всякое имя нарекается христіанину при святомъ крещеніи точно для того, чтобы оно было употребительно. Вѣрьте мнѣ, что буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими *уменьшительными, привѣтственными, уничижительными* и проч. составятъ въ словарѣ нашемъ однихъ *Петрушекъ, Ванюшекъ, Анютокъ, Марфутокъ*, по крайней мѣрѣ, не меньше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ".

Всѣхъ мѣстъ, гдѣ блеститъ остроуміе Фонъ-Визина, гдѣ въ большей или меньшей силѣ является онъ сатирикомъ, выписать невозможно, потому что тогда мы принуждены были бы

перепечатать всѣ его сочиненія. Да кто жъ и не знаетъ ихъ? Есть ли хоть одинъ мало-мальски образованный человѣкъ, который по нѣскольку разъ не читалъ бы Недоросля и Бригадира? Въ Комедіяхъ, Письмахъ, Всеобщей Придворной Грамматикѣ, въ Перепискѣ Взяткина и Стародума, въ Разговорѣ у княгини Халдиной, въ знаменитыхъ Вопросахъ, въ Посланіи къ слугамъ, въ Наставленіи дяди племяннику — вездѣ удивительное мастерство замѣтить глупое или низкое, осмѣять первое и поразить второе, — но поразить сатирой, не другимъ чѣмъ-нибудь.

Нѣкоторыя несообразности въ характерахъ и положеніяхъ драматическихъ, ошибки противъ дѣйствительности и эстетики проистекаютъ изъ того же источника, объясняются тѣмъ же направленіемъ. Кн. Вяземскій, первый, кажется, замѣтилъ, что въ Бригадирѣ есть забавное противорѣчіе. Одно и то же лицо — совѣтникъ — выходитъ и толстымъ, и тонкимъ. Во второмъ дѣйствіи бригадирша говоритъ ему: „Ты ужъ и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь", а въ четвертомъ совѣтникъ увѣряетъ бригадира, что въ его коллегіи былъ одинъ канцеляристъ чуть не впятеро его толще. Очень ясно, что этого быть не могло; но Фонъ Визинъ воспользовался и толщиной и худобой, какъ двумя случаями, чтобы сказать нѣчто забавное.

Есть лица, нарисованныя карикатурно. Трудно повѣрить, чтобъ они до такой степени были глупы; но вы, не вѣря въ истину ихъ глупости, отъ души смѣетесь надъ послѣднею. Даже и мастерски созданные характеры (напр. Простакова) говорятъ иногда такія рѣчи, которыхъ не могли бы они говорить, строго держась своихъ понятій: остроуміе Фонъ-Визина позволило имъ на время оставить свой образъ мыслей. Особенно въ Бригадирѣ замѣтны эти умышленныя несообразности: дѣйствующія лица какъ бы думаютъ о томъ, чтобы насказать побольше смѣшныхъ вещей и позабавить зрителей.

Сатирическое направленіе Фонъ-Визина не было простымъ удовлетвореніемъ благородной потребности ругаться, какъ это случается у многихъ и въ жизни, и въ литературѣ. Онъ каралъ видимыя отступленія отъ нравственнаго долга, потому что его внутреннее чувство оскорблялось въ благороднѣйшихъ своихъ стремленіяхъ — оскорблялось злоупотребленіями, предразсудками, пороками. Выражая свое негодованіе язвитель-

нымъ упрекомъ или остроумною насмѣшкою, онъ отмщалъ за поруганное достоинство человѣка.

Талантъ сатирическій есть даръ природы; просвѣщеніе даетъ основу его стремленіямъ, указываетъ цѣль дѣйствій. Оно образуетъ въ душѣ сатирика идеалъ нравственнаго достоинства нашего, образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Съ этимъ понятіемъ о нравственномъ совершенствѣ сличаетъ онъ современное общество, чтобы видѣть мѣру его приближенія къ идеалу или мѣру удаленія отъ идеала. И когда передъ глазами его происходятъ такія явленія, въ которыхъ унижается достоинство человѣка, оскорбляется живущая въ немъ искра божества, попирается ногами благородный образъ его высокаго происхожденія, — тогда въ возвышенной душѣ сатирика возстаетъ его собственное чувство благородства, и въ потокѣ язвительной ироніи онъ изливаетъ ропотъ своего негодованія. Сатирикъ легкомысленный или безсовѣстный безъ стыда измѣняетъ предметы своихъ нападокъ, — одинъ изъ побужденій корыстныхъ, другой по волѣ своего вѣтренаго характера. Ратуя сегодня за умъ и добродѣтель, они завтра же готовы бросать въ нихъ грязью. Не таковъ былъ Фонъ-Визинъ. Постоянной цѣлью сатиры его было все то, что задерживаетъ человѣка на пути къ его совершенствованію.

Благородство характера перешло къ нему по наслѣдству отъ отца.

„Отецъ мой, говоритъ онъ, „въ Чист. признаніи“ любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но не пропускалъ ни одного праздника, чтобы не быть съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства, и бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. Съ людьми своими обходился съ кротостію, но не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было“.

Но если высокая нравственность выказывается въ отношеніяхъ нашихъ къ старшимъ, то еще сильнѣе, чертами болѣе рѣзкими, обнаруживаетъ ее человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ младшимъ, принимая слова старшій и младшій въ обширномъ значеніи. Нельзя безъ особеннаго чувства уваженія читать слѣдующія строки признанія, въ которыхъ авторъ, испытавъ свою совѣсть, разоблачаетъ ее передъ публикой:

„Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать кому-нибудь несправедливость; и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ. какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ не въ состояніи“.

Да, вотъ оно, вѣрное мѣрило нравственной чистоты, истинная доблесть человѣка-гражданина, идеалъ общественнаго устройства. Правдивое поведеніе съ равными не всегда служитъ ручательствомъ за искренность правды: мысль равной отплаты можетъ пугать обидчика и обезпечиваетъ обиженнаго. Даже борьба съ человѣкомъ, который богаче и сильнѣе насъ, подозрительна; тщеславіе замѣняетъ иногда крѣпость духа, слабый воспламеняется особеннымъ мужествомъ, завязывая борьбу неравныхъ силъ. Но отказатися отъ неправды при всей возможности не отказываться, выбрать себѣ закономъ не возможность дѣяній, а нравственный долгъ, не формальное право, а внутреннее правило, вотъ гдѣ истинная побѣда надъ самимъ собой, вотъ въ чемъ трофей человѣческаго величія, безсмертіе нашихъ заслугъ.

Понятно, что, управляемый благороднѣйшимъ образомъ мыслей, Фонъ-Визинъ черпалъ въ немъ свое вдохновеніе всякій разъ, когда люди нарушали нравственныя обязанности, — вдохновеніе, которое дѣйствуетъ въ одѣ такъ свободно, такъ нераздѣльно съ своимъ предметомъ, что не имѣетъ нужды ни въ какой задней мысли. Вдохновеніе сатирика необходимо раздѣляется между предметомъ, его возбуждающимъ, и между тѣмъ идеаломъ, который носитъ поэтъ въ душѣ своей Отсюда иронія, проникающая сатиру. Смотря по предмету, сатирѣ можетъ иногда недоставать огня, сильнаго одушевленія, но иронія неразлучна съ нею. Въ послѣднемъ случаѣ сатира переходитъ изъ патетической или карающей, какъ называетъ ее Шиллеръ, въ шутливую. Первая обращена къ великимъ противорѣчіямъ нравственности, къ важнымъ вопросамъ жизни, къ тѣмъ ея явленіямъ, въ которыхъ прямо унижается достоинство человѣческой природы: отсюда ея строгій, угрожающій тонъ, ея сила и возвышенность. Предметъ второй составляютъ частные случаи въ жизни, мелкія уклоненія отъ законовъ разумной природы, которые скорѣе вызываютъ улыбку, нежели возбуждаютъ гнѣвъ: отсюда ея шутливый, насмѣшливый тонъ, ея остроуміе, замѣняющее здѣсь силу одушевленія. Въ сочи-

неніяхъ Фонъ-Визина находятся оба рода сатиры. Такъ, напримѣръ, къ обличительной, карающей сатирѣ принадлежатъ рѣчи Стародума, которыя мы сокращали въ представленіи, но которыя въ свое время имѣли высокое значеніе и производили изумительный эффектъ.

Что же было идеаломъ Фонъ-Визина? Свободное развитіе человѣческаго духа. Что было предметомъ его сатиры? Все, противное свободному развитію, каждая задержка на пути нравственнаго совершенствованія. На ряду съ благородными слѣдствіями Петровой реформы, которыми Россія блистательно пользовалась въ царствованіе Екатерины II, явились и злоупотребленія реформы, плоды непонятой или дурно понятой мысли Петра. На многихъ преобразованіе подѣйствовало только своею внѣшностью; они усвоили себѣ только наружныя отличія новаго порядка вещей, оставшись въ сущности невѣждами. Представитель такихъ невѣждъ — Иванушка, бригадирскій сынъ. Въ комедіи „Бригадиръ" Фонъ-Визинъ осмѣялъ поверхностное внѣшнее полуобразованіе новаго поколѣнія, которое приняло знаніе французскаго языка и заимствованіе европейскихъ обычаевъ за истинное образованіе. Фонъ-Визинъ не былъ снисходителенъ къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя, можетъ быть, составляютъ необходимое, хотя и временное зло, при каждомъ движеніи впередъ. Довольно того, что они уклоняются въ сторону отъ истины, искажаютъ ее и такъ или иначе — и онъ поражаетъ ихъ сатирой, какъ препятствіе прогрессу. Другіе вовсе не хотѣли принять реформы Петра, или принимали ее упорно, закоснѣлые въ невѣжествѣ. Фонъ-Визинъ написалъ знаменитаго „Недоросля", въ которомъ изобразилъ это невѣжество и происходящее изъ него злоупотребленіе домашней власти. Послѣ прекраснаго разбора этой комедіи, написаннаго кн. Вяземскимъ, трудно сказать что-нибудь новое. Критикъ различаетъ въ Недорослѣ двѣ стороны: комическую и нравственную. Комическая состоитъ въ прекрасномъ изображеніи нѣкоторыхъ характеровъ, въ искусномъ веденіи многихъ сценъ; нравственная, или патріотическая, заключается въ томъ, что „смѣшное не мѣшаетъ видѣть ужасное или трагическое, что въ содержаніи комедіи „Недоросль" и въ лицѣ Простаковой скрываются страсти, нужныя для трагическаго дѣйствія и трагической развязки, хотя, разумѣется, трагикъ вооружитъ Простакову не кинжаломъ, на подобіе Мельпомены, а палкой или

арапникомъ. Мы помнимъ, что послѣ первыхъ представленій „Ревизора" журналы замѣтили непріятное, тягостное, своего рода трагическое впечатлѣніе, производимое пьесой на тѣхъ зрителей, которые имѣютъ глаза и видятъ. Мысль эта показалась тогда чудною; однакоже она вполнѣ справедлива; и самъ Гоголь оправдалъ ее впослѣдствіи своимъ „Разговоромъ". Эта мысль сама собою вытекаетъ изъ качествъ высоко комическаго изображенія жизни. Истинный комическій поэтъ не довольствуется представленіемъ только смѣшной стороны человѣка: смѣхъ не скрываетъ отъ насъ глубокой грусти, когда мы знаемъ назначеніе человѣка и видимъ, какъ мало явленія жизни подходятъ подъ это назначеніе, за видимымъ смѣхомъ ожидаютъ насъ невидимыя слезы, стоятъ прискорбныя впечатлѣнія. Чувство пустоты, которая остается въ насъ послѣ смѣха, и возрождающееся отъ того живое ощущеніе потребности болѣе человѣческаго образа дѣйствій, болѣе живое влеченіе, болѣе теплая любовь къ нравственности чистой, неиспорченной — вотъ вліянія комедіи. Слѣдовательно, въ основаніи комедіи лежитъ глубокое чувство поэта, которое хотя и не для всякаго внятно (потому что большая часть довольствуется однимъ смѣхомъ, веселостью), но которое слышится въ этихъ, часто безсмысленныхъ рѣчахъ, какія ведутъ между собою дѣйствующія лица, которое видится въ этихъ пошлыхъ или низкихъ дѣлахъ. Эти дѣла и рѣчи возвращаютъ каждаго, кто способенъ угадать и восчувствовать настоящую мысль комедіи, къ тому же строгому и нравственному идеалу, какой имѣетъ въ виду и трагедія. Вотъ почему глубокомысленные критики ставятъ комедію въ нѣкоторомъ смыслѣ выше трагедіи: „много было споровъ о томъ, говоритъ Шиллеръ, — которому изъ двухъ родовъ драматической поэзіи — трагедіи или комедіи — принадлежитъ преимущество. Если этимъ хотятъ спросить, въ которомъ изъ двухъ родовъ предметъ важнѣе, то, разумѣется, преимущество остается за трагедіей. Но если сила вопроса въ томъ, какой родъ требуетъ возвышеннѣйшей поэтической личности, то скорѣе должно рѣшить въ пользу комедіи. Въ трагедіи многое, очень многое дается самымъ предметомъ, въ комедіи предметомъ взять нечего, но все совершенно зависитъ отъ поэта, который долженъ постоянно держать его на извѣстной эстетической высотѣ. И поэтому, если трагедія отправляется отъ важнѣйшаго исходнаго пункта, то комедія стре-

мится къ важнѣйшей цѣли. Эта цѣль комедіи есть одна и та же съ высочайшею изъ всѣхъ, какія только существуютъ для человѣческихъ стремленій; она состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка свободнымъ отъ страстей, отъ нравственной низости, чтобы онъ всегда ясно, спокойно и достойно смотрѣлъ въ себя и около себя".

Принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего вѣка, Фонъ-Визинъ умѣлъ цѣнить значеніе европейскихъ идей, но какъ человѣкъ съ отмѣнно здравымъ смысломъ, слѣдовательно чуждый всякаго увлеченія, онъ видѣлъ злоупотребленія, отъ времени прицѣпившіяся къ самымъ добрымъ постановленіямъ.

„Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много не совмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь напротивъ того общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами; но вкравшіяся мало-по-малу различныя злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошли до самой крайности и потрясли основаніе сего пространнаго зданія такъ, что жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно".

Въ другомъ письмѣ изъ Парижа: „Я стараюсь употребить каждый часъ въ пользу, примѣчая все то, что можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или льстецомъ или осуждателемъ: но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобы не видѣть здѣсь столько же, или и больше, совершенно дурного, и такого, отъ чего насъ Боже избави".

Чрезвычайно остроумно описано L'ouverture des états въ Монпелье: „Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ потомъ чи-

талъ рѣчь весьма трогательную, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно деньги. Многіе прослезились отъ его краснорѣчія. Интендантъ читалъ съ своей стороны также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію, и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ Нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища, и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощралъ, Господь наградитъ со сторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ вошли въ соборую церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взяли бы съ нихъ насильно".

Вотъ нѣсколько строкъ о тогдашнемъ воспитаніи во Франціи: „и которое у французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первыя особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ; ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобы они на людей не походили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій, и они вырастаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что, не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы стать угодникомъ Божіимъ. Другой побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ". Всѣ эти описанія сколько остроумно злы, столько страшно вѣрны. Видишь картину разлагающагося общества, слышишь приближеніе революціи. Нельзя безъ ужаса читать характеристику тогдашняго французскаго правительства: „Каждый

министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлять съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобы каждый былъ или тиранъ, или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходить оно непосредственно отъ самого правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяжкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытныхъ чиновниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. C'est l'affaire du goût. Всякій дѣлаетъ, что хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что такое интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже ему стала у Двора сія привилегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ чрезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ. Франція вся въ откупу. Невозможно выѣхать нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобы воротясь не быть остановлену таможнею. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлинъ, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не собирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно въ тотъ день, въ который король пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи у рѣшетки Парижа въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ для того, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку[4].

Невѣжество въ разныхъ видахъ, съ разными своими слѣдствіями, иногда только что смѣшными, но чаще гибельными, постоянно вооружали противъ себя Фонъ Визина, который особенно негодовалъ на барскую спесь и надменность вельможъ, на подлость выслуживающихся и на лихоимство. Въ Придворной Грамматикѣ съ чрезвычайнымъ остроуміемъ охарактеризованы гласные. полугласные и безгласные люди. Въ

„Письмѣ къ Стародуму отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина", послѣдній, какъ истинный баринъ тогдашняго времени, полагаетъ въ числѣ кондицій для домашняго учителя слѣдующія:

„4) А какъ я, по милости Божіей, имѣю чинъ генеральскій, будучи отставленъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то я именно требую, чтобъ онъ въ разговорахъ со мною и съ женою давалъ намъ чаще титулъ превосходительства; 5) при гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ; 6) при мнѣ и при женѣ моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволяю закрыться, и то когда мятель большая".

„Письмо, найденное по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника Взяткина, къ покойному его превосходительству ***, и отвѣтъ на него" изображаютъ яркими, остроумными чертами лихоимство.

„Взяткинъ съ крайнимъ сердца обрадованіемъ услышалъ, что его превосходительство, такъ сказать, изъ ничего, по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ произведенъ въ большой чинъ и посаженъ знатнымъ судьей, весьма въ непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго".

Положивъ правиломъ своихъ дѣйствій силлогизмъ:

„Буде челобитчикъ и отвѣтчикъ ищутъ своей пользы въ законахъ, то для чего же судьѣ своей пользы не искать въ законахъ",

Взяткинъ прилагаетъ краткій реестръ для напоминанія своей просьбы, съ означеніемъ цѣнъ, клятвенно обѣщаемыхъ его превосходительству за милостивую протекцію и покровительство. Пятый пунктъ реестра очень забавенъ и напоминаетъ быка въ извѣстной баснѣ „Моръ звѣрей", пострадавшаго за клокъ сѣна.

„Находившійся при таможенныхъ сборахъ асессоръ Простофилинъ, котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста, припадаетъ къ стопамъ вашего превосходительства и проситъ изъ единаго человѣколюбія приложить милосердное попеченіе объ опредѣленіи его къ новому мѣсту, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется и поставитъ себѣ въ состояніе, въ непродолжительномъ времени, достойно и праведно возблагодарить ваше превосходительство".

Мы сказали, что тѣ явленія, въ которыхъ Стародумъ разсуждаетъ съ Правдинымъ, Софьей и Милономъ, сокращались при ближайшихъ къ намъ представленіяхъ „Недоросля“; но, безъ сомнѣнія, во время Фонъ-Визина они производили чрезвычайное впечатлѣніе на публику по своей современности, когда, между зрителями, сидѣли, можетъ быть, тѣ и другіе, къ которымъ ловко приходились правдивыя рѣчи Стародума, этого друга честныхъ людей, какъ онъ самъ себя назвалъ. Въ письмѣ своемъ къ Стародуму Фонъ-Визинъ прямо указываетъ на это впечатлѣніе, говоря:

„Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: „Недоросль“ одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ“.

А что же въ этихъ разговорахъ? старый образъ мыслей (какъ видно изъ самаго имени Стародумъ), противоположный новому, выраженіе достоинствъ Петрова времени, сличеннаго съ недостатками того времени, къ которому принадлежалъ Фонъ-Визинъ, и въ которомъ „многіе не стоили одного“. Въ это время наряду съ плодами истиннаго просвѣщенія, быстро пошедшаго впередъ, возросли и плевелы, явились злоупотребленія. Глубоко уважая первое, высочайшей представительницею котораго была императрица, Фонъ-Визинъ тѣмъ сильнѣе напалъ на послѣдніе. Онъ видѣлъ, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, видѣлъ себялюбіе, которое суетится объ одномъ настоящемъ часѣ, людей, которые не оставляютъ Двора потому только, что Дворъ имъ полезенъ, которые разсчитываютъ степени знатности не по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія, и все это обличилъ прямою, неподслащенной сатирой.

„*Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей*“ приноситъ жалобу на тѣхъ, кои достигли знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ весьма знамениты. Въ душѣ этихъ невѣждъ родилось внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ. Исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, они постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки,

почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ. И вслѣдствіе этого учинили опредѣленіе: 1) всѣхъ, упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать. — Фонъ-Визинъ (подписавшійся Нельстецовымъ) проситъ отмѣнить такое „беззаконное и вѣкъ вашъ ругающее опредѣленіе", и грамотныхъ людей повелѣть употреблять по способностямъ къ дѣламъ, дабы они, служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни своей время посвятить на дѣло для службы Ея Величества. Слѣдовательно и здѣсь, какъ и вездѣ, знаменемъ Фонъ-Визина было просвѣщеніе, наука, слѣдованіе за вѣкомъ, а предметомъ сатиръ невѣжество, ложная, заимствованная знаменитость, или, какъ выражается авторъ, „умы жалованные, а не родовые".

„*Наставленіе дяди своему племяннику*" весьма замѣчательно какъ сопоставленіе двухъ крайнихъ, противоположныхъ системъ, изъ которыхъ одна, сурово-нравственная, своими безусловными правилами, приводитъ человѣка къ дѣйствительнымъ страданіямъ, а другая, рѣшительно безнравственная, надѣляетъ его благами земными за пожертвованіе всѣмъ, что есть въ насъ доблестнаго и священнаго. Подъ конецъ авторъ находитъ средство спасти честь и вмѣстѣ спасти свое счастье, ограничивая предписанія крайней нравственности, такъ что она не сокрушаетъ личности, удѣлъ которой наслаждаться жизнью, а не страдать для того только, чтобъ имѣть потомъ возможность утѣшаться чѣмъ-нибудь постороннимъ, лежащимъ внѣ жизни.

„Будь чистосердеченъ, — говоритъ дядя, — но знай, что не всегда и всякую истину говорить надобно. Будь благотворителенъ, но не разстроивай своего состоянія. Будь трудолюбивъ и прилѣпляйся къ ученію, но не возмечтай о своей мудрости".

Отъ положенія нравственнаго кодекса Фонъ-Визинъ восходилъ и выше — къ общему взгляду на устройство жизни, къ міросозерцанію, которое выразилъ въ шуточномъ „Посланіи къ слугамъ своимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ". Это міросозерцаніе есть дань философіи 18-го вѣка метафизическимъ идеямъ энциклопедистовъ: конечно, оно ложно и мелко; но Фонъ-Визинъ самъ раскаялся въ немъ, какъ въ злоупотребленіи остроумія.

Какъ смѣла сатира Фонъ-Визина, какъ далеко простиралъ онъ виды свои, и сколь многаго ожидалъ отъ движенія просвѣщенія — это всего яснѣе въ его „Вопросахъ“. Считаемъ излишнимъ говорить о нихъ, какъ объ извѣстныхъ каждому образованному. Они вполнѣ удостовѣряютъ, что литературное направленіе Фонъ-Визина было благородное, честное, возвышенное направленіе, что онъ былъ не просто писатель, но писатель-патріотъ, желавшій истинныхъ благъ своему отечеству, что онъ употреблялъ перо свое, какъ орудіе нравственной силы, для пораженія безнравственности. Онъ самъ это зналъ, убѣжденный въ пользѣ своего литературнаго дѣла, и потому нельзя безъ глубокаго сочувствія читать его „Письма къ сочинителю „Былей и небылицъ“ отъ сочинителя Вопросовъ“ и „Письма къ Стародуму“. Вотъ нѣсколько строкъ изъ втораго:

„Человѣкъ съ дарованіемъ есть, такъ сказать, стражъ общаго блага. Онъ можетъ въ своей комнатѣ съ перомъ въ рукахъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ и отечества“.

Этими словами вѣрно характеризуетъ себя авторъ „Недоросля“, смѣлый обличитель пороковъ и невѣжества, открытый другъ свободнаго развитія духовныхъ силъ человѣка, слуга своего идеала. Такое направленіе литературной дѣятельности князь Вяземскій прекрасно назвалъ ея патріотическою стороною. Просвѣщенное и благодѣтельное правительство находитъ въ ней содѣйствіе своимъ видамъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ эстетическомъ значеніи комическихъ пьесъ Фонъ-Визина („Недоросля“ и „Бригадира“), объ ихъ достоинствѣ въ отношеніи къ искусству.

Что касается до характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то они были уже настоящими списками съ русской жизни, въ которыхъ многіе узнавали себя, а не пустыми подобіями людей, никогда не существовавшихъ; они были русскіе не по однимъ именамъ (какъ у предшествовавшихъ писателей), а русскіе по своимъ отличительнымъ свойствамъ, лица живыя. Много значитъ это и теперь, когда понятія о творческой дѣятельности уяснились почти до популярности, когда истинно-изящныхъ произведеній явилось столько, что даже посредственный талантъ, изучая ихъ, набиваетъ руку въ изображеніи дѣйствительной жизни. Несравненно больше значило это тогда, при

отсутствіи всякой теоріи изящнаго, при всеобщей и слѣпой подражательности французскимъ писателямъ, плохимъ эстетикамъ и плохимъ творцамъ.

За характерами слѣдуетъ дѣйствіе, въ которомъ они должны раскрываться. Необходимое условіе дѣйствія — стройное его развитіе, правильность и послѣдовательность, такъ чтобы отдѣльныя его сцены соединялись въ одно, ясное и полное цѣлое; въ такомъ только случаѣ послѣднее будетъ художественнымъ, и комедія — истинной комедіей. Съ этой стороны, ни „Бригадиръ", ни „Недоросль" не удовлетворяютъ требованіямъ критики: это не комедія въ полномъ смыслѣ этого слова, а сатира въ лицахъ или сценахъ. Платя дань вѣку, Фонъ Визинъ, на ряду съ истинными характерами, съ живыми лицами, выводитъ олицетворенія различныхъ добродѣтелей или пороковъ, слѣд. не лица, а призраки, нѣчто въ родѣ восковыхъ фигуръ, которыя можно узнать частью по самымъ именамъ (Стародумъ, Миловъ). При такомъ соединеніи дѣйствительныхъ лицъ съ олицетвореніями отвлеченныхъ понятій не могло быть крѣпкой завязки, а гдѣ нѣтъ крѣпкой завязки, тамъ пьеса по необходимости распадается на отдѣльныя сцены, которыя авторъ связываетъ по произволу.

Причины тому троякія: время, къ которому принадлежалъ Фонъ-Визинъ, свойство его таланта и цѣль, которую онъ себѣ предположилъ.

Мы уже замѣтили, что во время Фонъ-Визина не только не имѣли понятія о художественности произведенія, но и смѣшивали стихотворство съ поэзіей. Введеніе въ комедію резонеровъ, точно такъ же какъ наперсниковъ въ трагедіи, считалось почти правиломъ. Авторъ вручалъ особенному лицу проповѣдываніе морали, это лицо служило органомъ нравственныхъ идей пьесы, которая чрезъ это какъ будто долженствовала упрочить свое вліяніе на зрителей. „Одна половина роли Стародума, говоритъ кн. Вяземскій, соотвѣтствуетъ хору древнихъ трагедій". Нельзя вѣрнѣе обозначить характеръ его дѣйствія, или лучше, мало-дѣйствія. И какъ хоръ своею пѣснью выражалъ участіе зрителей въ ходѣ драмы, такъ и Стародумъ своими словами высказываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что долженъ былъ чувствовать зритель, видя передъ собою Простакову, Простакова, Скотинина. Какъ хоръ нравственнымъ урокомъ заключалъ все представленіе, такъ и Стародумъ нрав-

ственнымъ же урокомъ заключаетъ представленіе „Недоросля", говоря: „вотъ злонравія достойные плоды!" Но этотъ урокъ, если ужъ онъ нуженъ, обязана сказать сама пьеса не посредствомъ лица, нарочно для того поставленнаго, а представленіемъ цѣлаго событія, стройно и послѣдовательно развившагося предъ глазами публики.

О другой причинѣ, которая заключается въ особенномъ свойствѣ таланта Фонъ-Визина, таланта по превосходству сатирическаго, мы говорили въ первой части статьи. Тамъ замѣтили мы, что онъ приноситъ иногда правдоподобіе въ жертву остроумію; что желаніе выказать смѣшное беретъ у него въ иныхъ случаяхъ перевѣсъ надъ требованіемъ поэтическаго искусства не отступать отъ естественнаго; что наклонностью къ шуткѣ объясняются нѣкоторыя несообразности въ характерахъ. Въ примѣръ представили мы Совѣтника (изъ „Бригадира"), который выходитъ и толстымъ, и тонкимъ. Но есть и другіе примѣры, въ которыхъ, на ряду съ чрезвычайно вѣрнымъ изображеніемъ характера, прорываются невѣрности противъ дѣйствительнаго хода вещей. Видишь тотчасъ, что такія-то слова сказаны не потому, что ихъ возможно было сказать, что они умѣстны, а потому, что, будучи неумѣстными, они все таки смѣшатъ читателей. Сюда принадлежитъ и слишкомъ увеличенная привязанность Скотинина къ свиньямъ; сюда же относятся и челобитье Кутейкина, который проситъ „объ увольненіи отъ бездны премудрости", и консисторская резолюція, которая свое согласіе подкрѣпляетъ библейскимъ текстомъ: „Писано бо есть: не мечите бисера предъ свиньями, да не попрутъ его ногами", и разсужденія Бригадира о томъ, что Богъ считаетъ волосы только у первыхъ пяти классовъ, по табели о рангахъ.

Но кромѣ остроумныхъ выходокъ, Фонъ-Визину нужны сентенціи, нравственныя правила. Онъ зналъ, какую пользу можетъ принести его сатира, понималъ важность литератора, изображающаго современные пороки и глупости, и, безъ сомнѣнія, не столько дорожилъ эстетическимъ достоинствомъ того, что писалъ, сколько нравственнымъ вліяніемъ написаннаго. Его цѣль — патріотическая: быть, въ нѣкоторомъ отношеніи, сподвижникомъ просвѣщеннаго правительства При такомъ взглядѣ, каждое произведеніе литературы — будетъ ли то комедія, или повѣсть, письмо или басня — стано-

вится мѣрой общественнаго устройства, а писатель, по собственному выраженію Фонъ-Визина, стражемъ общаго блага. Но такое благородное направленіе, тѣсно гранича съ направленіемъ дидактическимъ, легко можетъ переходить въ него. Художественность и цѣль поэтическаго произведенія, лежащая внѣ поэзіи, рѣдко уживаются вмѣстѣ. По крайней мѣрѣ, замѣчено, что служеніе поэта политикѣ или философіи никогда почти не обходилось безъ ущерба поэзіи. Изъ современныхъ романовъ наилучшихъ романистовъ меньше удались тѣ, которыми они приносили щедрую дань взглядамъ утопистовъ. Не до художественности въ то время, когда авторъ хочетъ или поучать читателей, раскрывъ предъ ними ложныя начала, на которыхъ они основали жизнь свою, семейную и общественную, или когда, раздраженный, поражаетъ ихъ сатирой, показывая имъ тѣ нравственные законы, отъ которыхъ они уклонились.

Здѣсь-то, въ этой-то сатирѣ, неуклонно преслѣдующей одну и ту же цѣль, и заключается высокое значеніе Фонъ-Визина не только для его современниковъ, но и для насъ; ибо и теперь, черезъ столько времени, читаешь его съ истиннымъ наслажденіемъ. Воевалъ онъ не съ призраками, а съ дѣйствительными недостатками общества, которые живутъ и въ наше время, только въ другихъ, быть можетъ, видахъ; и воевалъ онъ не во имя призрака, а во имя истиннаго идеала нашего, который находится въ душѣ каждаго человѣка, и при мысли о которомъ человѣкъ возвышается душой. Жизнь, изображенная въ его сочиненіяхъ — жизнь современная, дѣйствительно бывшая, а не вымышленная праздной фантазіей близорукаго поэта, который бредитъ греками и римлянами, и видя, что происходитъ или не происходитъ на небѣ, не видитъ, что дѣлается у него подъ ногами. И потому изъ всѣхъ писателей Ломоносовскаго періода кого можно читать и теперь — читать не для историческаго изученія только, но и для удовольствія, какъ мы читаемъ произведенія современныхъ намъ знаменитыхъ писателей? Скажите откровенно, признайтесь. — Разумѣется, двухъ только — Фонъ-Визина и Державина; но Фонъ-Визина больше, чѣмъ Державина: послѣдній не всегда смотрѣлъ на предметы прямо, а смотрѣлъ на нихъ подъ угломъ идеальнаго воззрѣнія.

Галаховъ.

Дружескій кружокъ Фонъ-Визина.

Долго не могъ Фонъ-Визинъ привыкнуть къ одиночеству своему въ Петербургѣ. Удовольствія семейной московской жизни, разлука съ родными, и въ особенности съ сестрою, бывшею послѣ замужемъ за пріятелемъ его, Аргамаковымъ, тяготили его воспоминаніями и впечатлѣніями. Въ нѣсколькихъ письмахъ его къ сестрѣ, писанныхъ въ сію эпоху, находимъ свидѣтельства сего расположенія. Несмотря на то, что онъ любилъ общество и имѣлъ потребность въ немъ, кажется, что онъ любилъ удовольствія тѣснаго круга короткихъ пріятелей еще болѣе, нежели блестящія разсѣянія совершенно свѣтской жизни. Ему нужно было свыкнуться съ людьми, которыхъ онъ видѣлъ, запросто обжиться съ ними, и потому онъ былъ болѣе посѣтитель, нежели дѣйствующее лицо, на сценѣ петербургскаго большаго свѣта. Можетъ быть, въ сихъ семейныхъ, домашнихъ свойствахъ его мы найдемъ объясненіе, почему не могъ онъ ужиться въ чужихъ краяхъ, скучалъ тамъ, гдѣ всѣ веселились, и сердился тому, чему другіе радовались. Сообщаемъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ его къ сестрѣ. Онѣ покажутъ его расположеніе, а между тѣмъ и нѣкоторыя черты изъ тогдашняго общежитія.

„С.-Петербургъ, 28 января 1764 г.

„Завтра выѣдетъ отсюда Василій Алексѣевичъ Аргамаковъ, и я вздумалъ съ нимъ написать къ тебѣ побольше и на письмо отъ 22 января отвѣтствовать.

„О всѣхъ моихъ обстоятельствахъ точно свѣдать можешь отъ того, кто отдастъ тебѣ сіе письмо. Четыре мѣсяца былъ онъ свидѣтелемъ моей жизни и принималъ участіе во всемъ, что со мною ни случилось. Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество. Разсуди изъ того, что и отъ васъ онъ долженъ быть такъ принятъ, какъ мой другъ. Онъ въ Москвѣ чужестранецъ, такъ, какъ я здѣсь, и если будетъ онъ имѣть на первый случай нужду занимать деньги, то пожалуй, попроси отъ меня батюшку, чтобъ онъ его въ такомъ случаѣ не оставилъ и рекомендовалъ бы его тѣмъ, у кого есть деньги. Че-

тыреста душъ, которыя онъ имѣетъ, кажется, кредитъ ему сдѣлать могутъ.

„Впрочемъ, краснорѣчивое твое увѣщаніе меня утѣшило. Ты имѣешь великій даръ увѣщевать другихъ, и я сталъ самъ отъ того веселѣе. Со всѣмъ тѣмъ ты напрасно думаешь, что жизнь твоя хуже моей. Я того понять не могу: веселья у васъ гораздо пріятнѣе, нежели здѣсь, и наши, повѣрь, стоятъ не меньше вашихъ. Здѣсь деньги на одномъ мѣстѣ сидѣть не любятъ".

„С.-Петербургъ, 10 августа, 1764 г.

„Я не лгу, что здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ. Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь затѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей затѣмъ, что тамъ большая часть педанты; однако съ послѣдними я почти и никакъ незнакомъ; вотъ что меня оправдываетъ. Да сверхъ того, слово *знакомство*, можетъ быть, вы не такъ понимаете, какъ я. Я хочу, чтобъ оно было основаніемъ ou de l'amitié ou de l'amour; однако этого желанія, по несчастію, не достигаю и ниже тѣни къ исполненію онаго не имѣю. Разсуди же, не скучно ли такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце!

„Я намѣренъ все то, что здѣсь ни вижу, ни предпринимаю, и, однимъ словомъ, обо всемъ, что я ни чувствую, къ тебѣ писать. Вотъ знакъ моей искренности и нелицемѣрства!

С.-Петербургъ, января 23 и 24, 1766.

„Матушка сестрица! Я не получалъ еще писемъ вашихъ, которыя вы писали ко мнѣ въ понедѣльникъ: однако завтра получить надѣюсь. Невозможно, чтобъ вы ко мнѣ не писали, зная, сколь мнѣ письма ваши дороги, и что они только составляютъ все мое утѣшеніе. Признаюсь тебѣ, матушка, что проводя здѣсь нѣсколько дней, уже былъ я во всѣхъ собраніяхъ, видѣлъ здѣшнія веселья, ихъ не чувствуя, и кажется мнѣ, что здѣшній свѣтъ уже не одинъ разъ глазамъ моимъ представился. Но все сіе сколь далеко отъ того, чтобы хотя мало могло сдѣлать мнѣ отрады въ моей горести, которая непремѣнно должна меня терзать, какъ скоро вспомню то, что я съ вами въ разлукѣ! Я каждую минуту то вспоминаю, и слѣдовательно каждую минуту терзаюсь. Теперь сижу я одинъ

въ моей комнатѣ и говорю съ тобою чрезъ письмо, чувствую въ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели вчера и третьяго дня, окруженъ будучи великимъ множествомъ людей. Воображаю тебя, говорю мысленною съ тобою, тужу съ тобою о томъ, что мы разлучены, и Богъ знаетъ на долго-ли. Вотъ каково состояніе мое въ сію минуту! Уже великодушіе меня оставило и миновалась та холодность, съ которою я разсуждалъ о томъ, что бы могло тронуть человѣка. Не знаю самъ, отъ чего прежній мой веселый нравъ перемѣняется въ несносный. То самое, что прежде сего меня здѣсь смѣшило, нынѣ бѣситъ меня; мнѣ кажется, всего лучше я теперь сдѣлаю, если въ доказательство тому напишу къ тебѣ мой журналъ:

„Въ самый день моего пріѣзда явился я по должности моей. Поговоря нѣчто о ближнемъ, заключилъ я изъ всѣхъ вашихъ словъ, что въ свѣтѣ почти жить нельзя, а въ Петербургѣ и совсѣмъ невозможно. Въ 29 дней моего въ Москву похода люди здѣсь стали сами на себя совсѣмъ не похожи: кого предъ отъѣздомъ моимъ оставилъ я дуракомъ, того нынѣ не только разумнымъ, да еще и премудрымъ почитаютъ. Только нѣсколько утѣшаетъ, что и тѣхъ самихъ, которые приписываютъ имъ такую славу, оставилъ я предъ отъѣздомъ такими же дураками. Странное дѣло! ты не повѣришь, матушка, что съ нынѣшняго года всѣ старые дураки новыя дурачества понадѣлали! Напримѣръ, Ш..., женатый на Руб., разводится съ женою за самую бездѣлицу, а именно за то, что она въ самый новый годъ приняла было намѣреніе его поколотить. Онъ, не хотя въ сей торжественный день быть отъ супруги своей битымъ и оставляя прошлогоднее свое дурачество, которое имѣлъ, претерпѣвая такія дѣйствія женина гнѣва, вздумалъ разводиться и тѣмъ пошелъ противъ самого Бога, Который соединилъ ихъ неисповѣдимымъ Своимъ Промысломъ. — Графа А. А. Б. засталъ я здѣсь въ покаянной, куда посаженъ онъ каяться въ томъ, что не поступалъ по правиламъ здраваго разсудка, хотя никто не помнитъ, чтобы какой-нибудь родъ разума отягощалъ главу его сіятельства. Жена господина Д., ѣхавши по большой улицѣ, закричала: караулъ! Она и дѣйствительно имѣла къ тому законную причину, ибо везли ее въ прорубь, по приказанію мужа ея, который, видно, какъ второй Идоменей, обѣщалъ Нептуну какую-нибудь жертву.

„Въ пятницу, отобѣдавъ у Херасковыхъ, былъ я въ маска-

радѣ. Народу было преужасное множество: но клянусь тебѣ, что со всѣмъ тѣмъ я былъ въ пустынѣ. Не было почти ни одного человѣка, съ которымъ бы говорить почиталъ я хотя за малое удовольствіе. Здѣсь все продолжаютъ носить разныя домино. Сперва танцовали обыкновенно, а потомъ чрезвычайно, то-есть, плясали по-русски. Князь Я. А. Козловскій съ фрейлиной Паниной, потомъ Корсакова и Овцына съ Щербатовымъ, и можно сказать, что плясали хорошо. А чтобъ приключенію кончиться чѣмъ-нибудь посмѣшнѣе, то большой сынъ А. В. Е. напросился одинъ прыгать голубца. Сдѣланъ былъ большой кругъ, и господинъ Е. доказалъ, что если онъ не имѣетъ другого дарованья, то онъ погибшій человѣкъ. Въ залѣ для пространнаго россійскаго купечества танцовало около сотни нѣмокъ. Блѣдность покрывала лица ихъ, и однимъ словомъ, я ничего не видывалъ скареднѣе этой сотни! — Субботу и вчера я проводилъ изрядно, но все не такъ, какъ бы въ Москвѣ. Ничто меня не утѣшало и ничто не могло успокоить духъ мой!

„Я забылъ сказать тебѣ, что въ день моего пріѣзда видѣлъ я въ комедіи госпожу П. Ея превосходительство не удостоила меня ни однимъ словомъ, лишь только премудрая глава ея пошатнулась на одну сторону; это былъ поклонъ! Я не разсудилъ за благо оставаться долѣе въ ихъ ложѣ, чтобъ не сдѣлать какого-нибудь дурачества: ибо съ дураками никто разумныхъ дѣлъ дѣлать не можетъ.

„Донынѣ не говорилъ я еще со всѣми ни одного слова. О! если бъ далъ Богъ, чтобы молчаніе подолѣ продолжилось! Теперь представь себѣ, матушка, въ какихъ прескучныхъ я обстоятельствахъ. Живу одинъ, какъ изгнанникъ и какъ бы недостойный жить съ вами. Видно, Богъ наказываетъ меня за грѣхи, только не знаю, за какіе. Принужденъ я имѣть дѣло или съ злодѣями, или съ дураками. Нѣтъ силъ болѣе терпѣть, и думаю, скоро стану дѣлать предложеніе Ивану Перфильевичу о перемѣнѣ моей судьбы. Честному человѣку нельзя жить въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не на чести основаны.

„Матушка-сестрица и любезный другъ Василій Алексѣевичъ.

„Сколь много обрадовался я, мой любезный другъ, получа отъ тебя строчку на прошедшей почтѣ. Воображеніе то прошло уже теперь, которое меня мучило. Иногда я думалъ, что ты боленъ; иногда помышлялъ и о томъ, не сдѣлался ли ты про-

тивъ меня холоденъ безъ малѣйшей къ тому съ моей стороны причины. Знай, что ты и сестрица столько мнѣ любезны, что я для однихъ васъ и жить хочу; но за то требую отъ васъ въ вознагражденіе, чтобъ вы вашею спокойною жизнью меня утѣшали.

„Нынѣ страстная недѣля, и духъ мой въ единомъ богомысліи упражняется. И Ванька на сихъ дняхъ приноситъ въ грѣхахъ своихъ покаяніе. Разсказывалъ онъ мнѣ, что во время чтенія напалъ на него нѣкоторый родъ дремоты и бѣ видѣніе страшно: пришелъ къ нему нѣкто изъ темныхъ духовъ во образѣ человѣческомъ, - пришелъ и вопросилъ его: „Гдѣ твоя душа?" Ванька мой, вообразивъ себѣ, что это Астрадымъ, съ которымъ онъ всегда обхаживался фамиліарно, отвѣтствовалъ ему, не обинуясь, что онъ о душѣ своей ничего не вѣдаетъ, и удивляется, какая нужда до души его повару. Темный духъ, раздраженный таковымъ гордымъ отвѣтомъ, далъ ему знать, кто онъ таковъ. „Я Чортъ, а не Астрадымъ", говорилъ онъ ему. — „По крайней мѣрѣ ты похожъ на нашего Астрадыма", отвѣчалъ ему Ванька. — „Я нарочно взялъ его видъ", сказалъ чортъ: „для того, что изъ смертныхъ поваръ вашъ болѣе всѣхъ на меня похожъ". — Ванька, увидя, что это прямо чортъ, а не Астрадымъ, вострепеталъ отъ сего видѣнія и хотѣлъ было перекреститься, но вдругъ почувствовалъ, что рука его не только не поднимается, но опускается книзу и становится лошадиною ногою; равно и другая рука его была точно въ такомъ же превращеніи, и онъ сталъ на четверенькахъ. Большая круглая глава его становилась отчасу продолговатѣе; волосы его ощетинились и стали гривою, и только лишь глаза остались въ прежнемъ состояніи: ибо они всегда были лошадиные. Наконецъ, сказывалъ онъ мнѣ, сталъ онъ точно такая же, какъ наша правая коренная, которую я нынѣ нанимаю. Ставши лошадью, заржалъ мой Ванька, и тѣмъ перепугалъ весь народъ и себя самого такъ, что онъ очнулся, и пришедъ домой, повѣда мнѣ сіе видѣніе".

Въ то время находилась въ Петербургѣ Мятлева. Въ домѣ сей просвѣщенной хозяйки собирались по вечерамъ многіе литераторы, Херасковъ, Майковъ, скромный Богдановичъ, *который былъ также опрятенъ, застѣнчивъ, пріятенъ и тихъ, какъ воспѣтая имъ Психида* (собственныя слова изъ письма, ко мнѣ Петра Васильевича Мятлева, коего благосклонный

пріязни обязанъ я слѣдующими свѣдѣніями о Фонъ-Визинѣ), Барковъ и Волковъ, *который сыгралъ лучшую роль свою, перемѣнивъ званіе актера на чинъ статскаго совѣтника. Молодой Фонъ-Визинъ находился въ числѣ ихъ какъ коршунъ.* Пылкость ума его, необузданное, острое воображеніе всегда всѣхъ раздражало и бѣсило: но со всѣмъ тѣмъ всѣ любили его. Майковъ, пустясь въ споръ противъ него, заикнется; молодой соперникъ, воспользовавшись минутою запинанія, опередитъ его и возьметъ верхъ надъ нимъ. *Взлетитъ ли Херасковъ подъ облака, коршунъ, замысловатымъ словомъ, неожиданною насмѣшкою, какъ острыми когтями, сшибетъ его на землю.*

Всѣ свидѣтельства, на кои сослаться можно, всѣ преданія, сохранившіяся до насъ о Фонъ Визинѣ, удостовѣряютъ насъ, что онъ былъ характера приятнаго, разговора живого и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный. „При самомъ остромъ и бѣгломъ умѣ (писалъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Мятлевъ) онъ никогда и никого умышленно не огорчалъ, кромѣ тѣхъ, кои сами вызывали его на поприще битвы на словахъ". Онъ имѣлъ много дарованій сценическихъ, хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искусствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ, или сбирался играть роль *Стародума* въ своемъ „Недорослѣ". Всѣ лица были завербованы; одна роль *Скотинина* была не замѣщена. Можетъ быть, не находилось охотниковъ; къ тому же и авторъ искалъ въ актерѣ тѣлесныхъ способностей, приличныхъ сей роли, болѣе матеріальной, нежели духовной. Наконецъ встрѣчается онъ съ молодымъ Р. и, любуясь ростомъ его и широкимъ лбомъ, восклицаетъ съ радостію: „Вотъ мой Тарасъ Скотининъ!" Впрочемъ, тутъ не должно искать эпиграммы, тѣмъ болѣе, что Р. былъ человѣкъ остроумный и образованный: это просто былъ крикъ артиста. Физіономія Фонъ-Визина была значительна и глаза яркости почти нестерпимой. Сію быстроту и зоркость глазъ сохранилъ онъ до конца жизни, уже истощенной и полуувядшей. Державинъ, Домашевъ, президентъ академіи наукъ, и самъ заслужившій извѣстность пріятными дарованіями, Богдановичъ, Козодавлевъ, бывшій впослѣдствіи министромъ, но тогда еще скромный искатель счастія у алтарей музъ, актеръ Дмитревскій, который искусствомъ и образованностію своею возвысилъ у

насъ актерское званіе, и еще нѣсколько другихъ литераторовъ были ему пріятели. Жаль, что ничего не дошло до насъ изъ сихъ бесѣдъ, которыя, вѣроятно, особенно Фонъ-Визинъ оживлялъ веселостію своею, комическими разсказами и вспышками бѣглаго остроумія. Можно представить себѣ, какъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, передавая другъ другу надежды свои на успѣхи русской литературы и вообще народнаго просвѣщенія, или частные планы свои для приведенія сихъ надеждъ въ исполненіе, совѣтовались они между собою, критиковали свои произведенія, спорили и соглашались, или, вѣроятнѣе, оставались каждый при своемъ мнѣніи, безъ злобы смѣялись о ближнемъ и о себѣ: какъ въ семъ дружескомъ и просвѣщенномъ ареопагѣ судимы были „Водопадъ" Державина, новый отрывокъ „Душеньки", „Рославль" Княжнина: какъ Фонъ-Визинъ долго слушая выходки сего классическаго норманца, наконецъ спрашиваетъ автора: „Когда же выраститъ твой герой? онъ все твердитъ: Я россъ, я россъ. Пора-бы ему и перестать расти!" и Княжнинъ отвѣчаетъ ему: „Мой Рославль совершенно выраститъ, когда твоего Бригадира произведутъ въ генералы!" Или можно себѣ представить, какъ при чтеніи сатиры на Фонъ-Визина, въ которой онъ названъ *кумомъ Минервы*, отражаетъ онъ стрѣлу въ самого насмѣшника, и говоритъ: „*Можетъ быть; только навѣрное покумился я съ ними не на крестинахъ автора*". То представляемъ себѣ, какъ въ этой пріятельской бесѣдѣ, въ лицѣ Фонъ-Визина вдругъ оживаетъ Сумароковъ съ своею живостію, съ своими замашками физическими и умственными: олицетворенный покойникъ бѣсится на Тредьяковскаго, сравниваетъ строфу свою съ строфою Ломоносова, или жалуется на московскую публику, которая въ театрѣ *щелкаетъ орѣхи* въ то самое время, какъ Дмитрій Самозванецъ произноситъ свой монологъ. Но, къ сожалѣнію нашему, весь умъ этихъ бесѣдъ выдохся, всѣ искры остроумія ихъ погасли во мракѣ забвенія! У насъ нѣтъ говоруновъ, разсказчиковъ, нѣтъ гостиныхъ рапсодовъ, передающихъ веселыя преданія старины; у насъ нѣтъ и разговора: карты вытѣснили и заступили всѣ другія забавы общежитія. Скорѣе найдешь человѣка, готоваго вспомнить масти и козыри игры, которая сдана ему была во время оно Фонъ-Визинымъ или Марковымъ, нежели острое слово, слышанное имъ отъ того и другого.

Вяземскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

